

ВЛАД ДОБРЫЙ

ЛЕСТНИЦА ВЛАСТИ

Не так трудно научиться держать язык за зубами, как умудриться им воспользоваться в подходящей ситуации. И ситуации такие случаются, но все время что-то мешает. То колдун обманом заставит свою запчасть выкрасть, то на друга в бане гнусные личности нападут. Постоянно приходится пускать в дело руки и голову.

Мир оказался сказочным. Посконные русские народные сказки, где черепа со светом из глазниц, людоеды-болотники и предательство со всех сторон.

Ничего, впишусь как родной, за доброго молодца буду.

Глава 1

Глава в которой герой рассуждает о том, что сами по себе знания не делают тебя лучше. Можно знать многое, но не знать нужного. Поэтому, если уж учиться, то делать это для себя. А потом он идет на кухню, чистить брюкву.

Меня всегда очаровывали подземелья. До увлечения спелеологией дело не дошло, но в играх, или в виртуальных экскурсиях — я лазил по пещерам, подвалам, древним развалинам помногу и с удовольствием. Есть в них невыразимое очарование. Должен признаться, когда выяснилось, что учебный корпус в буквальном смысле находится под землей, я даже обрадовался.

И вот, даже спустя три дня ежедневных спусков под землю, я все еще ощущал приятный восторг.

Обожаю подземелья. Этот странный, слегка душный, застоявшийся воздух. Сырость. Постоянные звуки непонятных шорохов и падающих капель на заднем плане. Темные углы. Шершавые камни под рукой. Неровные полы. О-бо-жа-ю.

Приходится это скрывать, потому что все остальные, похоже, подземелья ненавидят.

Мои первые дни в Лицее вышли слегка сумбурными, поэтому я как-то упустил из виду тот факт, что этот запутанный огромный дворец, не содержит учебного корпуса. Поэтому я знатно удивился, когда нас привели в небольшой дворик, похожий на знаменитые Ленинградские колодцы, в котором не было пола. Стены смыкающихся тут корпусов отвесно уходили вниз, под землю. И туда же сбегала лесенка. Крепенькая, хоть и деревянная, держащаяся на вмурованных в каменную кладку бревнышках. К частью, тут были перила. Судя по разноцветным доскам и ступеням — периодически в лестнице что-то подгнивало и приходилось её кусками менять. Еще и ступеньки слишком крутые. Не лестница, а мечта экстремала с суицидальными наклонностями. Короче, мне очень понравилось бегать по ней вверх и вниз. Там еще был лифт, с большим деревянным колесом в качестве двигателя. Внутри колеса ходил человек. Я видел что-то похожее у хомяка в клетке. Тем не менее конструкция исправно работала — какие-то крупногабаритные грузы постоянно опускались вниз и поднимались вверх.

Честно сказать, сначала расписание подготовительного класса не показалось мне таким уж плотным. Примерно в одиннадцать часов — с точным отсчетом времени тут не заморачивались — надо было спуститься на один уровень ниже земли и прийти на занятия для школяров. Минут за пятнадцать до обеда нас отпускали. Обед длился часов до трех, потом еще на полтора-два часа под землю — и ты свободен.

И действительно, школяры слонялись по всему Лицею, ходили друг-другу в гости, знакомились с лиценциатами, тренировались в роскошном фехтовальном зале, устраивали музыкальные и танцевальные вечера.

Для нас с Ильей же после второго урока наступала каторга. Ненавижу брюкву.

Когда я ляпнул про то, чтобы нас не послали на кухню, я предполагал что будет как в моем мире. Дадут мешок картошки. Ну два. Ну три. Ну три телеги — я был к этому внутренне готов. Но я просто не понимал, как тут все плохо с производительностью труда. Водопровода нет, ножей нормальных нет, брюкву привозят возами — Илья стоически терпел, но я видел, что он уже на грани. Впрочем, я тоже. Я сдержанно вздохнул, смиряясь с

судьбой моей брюквенной и сосредоточился на упражнении. Которое, как я понимал, сводилось к тому чтобы молчать и таращиться с умным видом. В принципе, в середине века люди так управляли половиной мира и долгое время справлялись. Просто я не ожидал, что это так скучно.

Шла первая пара. Алхимия. О да, королева естественных, читай магических наук. Странные сплавы, гомункулы, зелья невидимости, превращение всякого говна в золото — я так радовался, когда обнаружил в расписании этот обязательный для всех предмет. Я никогда так не ошибался.

Передо мной, на металлической тарелке, на мощном огне, медленно грелась руда. Молотый малахит или что-то вроде того. Урок вел Велимудр. И я так скажу, звание учителя года я бы ему не дал. Я бы даже звание учителя ему не дал. По сути, вводный инструктаж свелся к фразе “Флуктурируйте смесь, пока красный дракон не укусит себя за хвост!”. А потом просто назначил каждому рабочее место с вот такой поганой тарелкой и здоровенной масляной горелкой. Я мудро промолчал, но слишком умный Сережа Гончаров, поправив очки, попытался уточнить задание.

Как же Велимудр орал. Ну ладно, слишком уж сильно он не орал. Но развонялся знатно. Что-то там про то, что это высокое искусство алхимии, и если вы тупое мужичье и бабы, которые не понимают элементарных вещей, то он не будет нас учить. Потом он плавно съехал на то, какой он великий волшебник. Потом сел за рабочий стол в углу алхимического класса, по сути полупещерного помещения, и начал что-то строчить в могучем талмуде. Впрочем, бурно реагируя на разговоры. В смысле, не давая даже шептаться. Иногда Велимудр ходил от стола к столу, внимательно следя, чтобы школяры не засыпали, а исправно таращились в свои тарелки.

Пока никого не пороли, но Велимудр постоянно грозился выпороть всех. Вообще всех. Меня, Илью, Сергея, четвертого пацана — хотя тот вообще отсвечивал — девчонок, стражников, даже небо, даже Канцлера. Ладно, насчет последнего я, конечно, приврал. Но про небо один раз точно было.

Пока это оставалось только угрозами, однако нервничать этот псих всех заставил.

На второй день девушка по имени Лада, высокая, статная, красивая, с темными волосами, карими глазами и совершенно неприлично чувственными губами, вдруг оказалась победительницей в необъявленном соревновании.

— Ой Ладушка, ай да молодец! Посмотрите вы, бездари, бездельники, бузотеры, бздыхари, бесталанные на её работу! Как красиво, как здорово! Умничка! Я попрошу на кухне сделать для тебя вкусное! — бегал вокруг её стола Велимудр, как собачка хвостом, маша своей седой, заплетенной в косу бородой.

Разумеется, мы подошли и посмотрели. Оказывается, нам надлежало вытопить из кучи руды в тарелке металл. Медь, судя по цвету. Нет, у меня что-то такое там тоже проклевывалось, но “дракон должен укусить хвост” значило, что надо чтобы металл равномерно выплавился по всей окружности руды.

Я долго не мог поверить, что это и есть то, что от нас требуется. И даже после того, как поверил, каждый раз закатывал глаза, как только об этом думал. Нахвтался у Милены. За что пару раз получил окрик от Велимудра — “Сосредоточься на флуктуации Храбр! Это великое искусство Алхимии! Оно не терпит суеты! Да, это трудно! Тут нужен талант и воля! Это тебе не сабелькой махать!”

Лада получила свежую порцию руды, кружку сбитня и пирожки с творогом прямо на

рабочее место. И уперлась в тарелку, умудряясь жевать не отводя глаз. Лучший алхимик в классе.

Вот такая у нас алхимия.

Я осторожно опустил в горелку вынутый вечером фитилек из свечки. Пытаюсь победить мракобесие логикой. Лампа, если в ней два фитиля, будет огня давать больше. Больше огня — выше температура. Выше температура — быстрее выплавится металл. Физика, сучки.

— Готово, — обрадованно пробасил за соседним столом Илья.

— И у меня чуть-чуть осталось! — напряженным голосом сказал Серега с другой стороны.

К ним тут же подскочил Велимудр и тоже рассыпался в похвалах.

До конца занятий, если это можно так назвать, оставалось минут двадцать. Велимудру этого хватило впритык, чтобы как следует облизать Илью, поэтому Сереге, тоже справившемуся с задачей, осталось только пара напутственных фраз на прощание.

— Это полная херня, а не алхимия, — буркнул я, когда мы гуськом вышли из “класса”, и стали пробираться узкими проходами к лестничному колодцу.

— Ты просто флуктулируй нормально, я как не посмотрю, ты все время по сторонам зыркаешь, — дал мне мудрый совет Илья.

— И огонь лучше поменьше сделать, так легче пойдет, — присоединился к поучениям Сергей.

Я даже слегка растерялся. И приотстал. Сзади меня приобняли девичьи ручки. Я уже знал кто это.

— Лиза, — строго сказал я, отыгрывая роль недотроги. — Не на людях.

За спиной послышался тихий смех, а потом шепот.

— Дурачок, это я, Лада. Приходи перед сном к плачущему ангелу, я тебя научу, как с твоим драконом правильно обращаться.

И проскользнула мимо, вверх по лесенке.

Надо сказать, что к этому времени, ажиотаж вокруг нас с Ильей, как спасителей девчонок, слегка улегся. Вернее, мы стали мудрее, взрослее и принимали ухаживания, как должное. А ухаживать девки не очень умели. Поняв, что с насюкока нас не взять, и “нечаянные” касания грудью не сработают, они оставили нас в покое. Ну, как нас... Меня, в основном. Но в этом, как подсказывала мне моя дедукция, следовало винить Милену и Лизу.

На обеде мы сели по уже сложившейся традиции — я с Миленой и Лизой по бокам, словно зажатый между телохранителями. Илья с Сергеем напротив. К нам подсели еще несколько девушек, но те больше щебетали о песенном вечере, который состоится через неделю. Я с ужасом вспомнил о брюкве. Очень надеюсь, что к этому времени нас освободят от этого ужасного наказания.

— А о чем это с тобой Ладушка говорила? — спросила Милена. Так, невзначай. Между ложками каши с грибами и кусочками красной рыбы. Чувствовалось, что она хотела это сказать своим миленьким и мелодичным, как журчащий ручеек, голоском. А получилось, как будто кто-то на саблю битого стекла просыпал. Мелодично, конечно. Но по-другому. Я почувствовал себя не уютно.

— А почему ты спрашиваешь, таким странным голосом? — осторожно ответил я вопросом на вопрос. Не самая надежная тактика в разговорах с девушками, но мне нужен был выигрыш во времени на подумать.

— Помнишь, Храбр, когда на тебя девки накинусь. Ну, на следующее утро, после того,

как ты их спас? — промурлыкала Лиза.

— Ну... Да... — решил признать очевидное я.

— Так она тем вечером всю кровать исполосовала. У ней ножики есть здоровенные, везде их с собой носит, — сдала Милену с потрохами рыжая.

— Ношу. Могу и не только постель изрезать, — глухо отозвалась Милена.

— Так, Лиза! А вот сейчас тебе должно быть стыдно! — разделяй и властвуй, первое правило настоящего мужчины, когда надежды на тройничок идут прахом.

— Почему это? — аж подавилась сбитнем Лиза.

— Потому что нельзя сдавать подруг! Тем более парням!

— Куда сдавать? — не поняла рыжая. Или притворилась, что не поняла.

— Так, Милена! Это еще что за выходки? Ты почему себя так ведешь? Если ты хочешь что-то мне сказать, так и скажи! — я повернулся к беленькой. А она и в самом деле выглядит не выспавшейся и злой. Даже не стала смотреть на меня, как кот из Шрека. А ведь раньше только так и смотрела. Сидит, кашу ест, молчит. Я добавил помягче:

— Ты, Милена, просто привыкла, что все вращается вокруг тебя и тебе обидно, что у тебя игрушку хотят отнять, да? У меня для тебя новость. Я не игрушка. Я сам могу решить, что и как мне делать. Это понятно?

Она кивнула, так и не посмотрев на меня. Посидела еще несколько секунд. А потом сорвалась из-за стола, не доев. Лиза посмотрела ей вслед, схватила со стола пирожок и тоже убежала.

На свободное место тут же подседа одна из девчонок и сказала:

— А пойдёмте в снежки играть?

— Я в библиотеку, — сразу же слился Сергей.

— А пойдёмте! — радостно сказал Илья, и подхватив соседку, тоже выскочил из-за стола. Я наскоро закинув в себя еще несколько ложек, отправился за ними.

Вторая пара обещала быть куда занимательней первой. Это был урок военного искусства, как значилось в расписании. Вел уроки сударь Хват. Хмурый дядька лет сорока. Его уроки были чуть интереснее, но не намного — пока.

К нему пришлось спускаться ниже всего. Нас было трое — девчонки отправились на урок домостроя, причем Сергей, внезапно, пошел с ними. Я внезапно понял, что не знаю нашего последнего представителя мужской компании. Этот парнишка умудрялся прятаться от нас даже в жилом корпусе. Мы с ним пересекались только на уроках и в пиршественной зале. Он даже сейчас умудрился притаиться в стороне. Я подошел к нему и протянул руку:

— Давай знакомится, я Храбр Королев.

— А я Илья Муромский! — присоединился ко мне Илья.

— Томила я, — тихо ответил парень, зыркнув на меня льдисто серыми глазами из под низкой темно русой челки.

— Так это прозвище, ты имя скажи! — хохотнул Илья. Но слегка напряженно.

— Имя у меня такое, — ответил парнишка.

— Томила, у меня рука устала, — сказал я.

— А ты её убери. Не буду я её жать, не по чину мне. Из простых я, — неожиданно громко ответил Томла и ожег меня взглядом ненавидящих глаз.

— Как же из простых, если ты в Лицее? — растерялся Илья.

Но паренек ничего не ответил, демонстративно отойдя подальше. Тут появился Хват.

Подозвал нас поближе.

В большой квадратной пещере, размером примерно с школьный спортзал, валялся всякий хлам. Цепи, большие деревянные мечи, колеса, какие-то телеги. Но главное — шесть тренировочных “броней”. Хват их пренебрежительно называл “балда”. Лезь в балду, веди балду туда и так далее. И его можно понять — на настоящую броню, вроде гридней, которых я уже видел, эти штуки походили так же мало, как запорожец на танк, но общие черты были. Две ноги, две руки, торс с седлом пилота внутри, и деревянная башка сверху. Почти целиком деревянные, со следами активного пользования. На самом деле, как минимум две тренировочные балды всегда были в ремонте. Или просто в разобранном состоянии. Так что даже хорошо, что нас мало.

Хват был немногословен, но команды отдавал зычно, я каждый раз побаивался, что после очередного “Шагай! Терь прыгни!” случится обвал. Но нет, порода вокруг попалась крепкая.

Хват без долгих разговоров распределил нас по тренировочным “броням”. Я залез в свою, уселся в кресло, больше похожее на рыцарское седло. Ну вот миновали местные период автомобилей, сразу к человекообразным боевым роботам перешли. Но, вообще-то, в кресле такой формы, сиделось комфортно и надежно. Спинка еще высокая. Я сам надел на себя сложные ремни и начал их крепить пряжками. Хват немного понаблюдал, кивнул и перешел к следующему.

Тело “балды” больше всего напоминало бочку. В настоящей броне, оно понятно было из железа. И куда аккуратней, красивее изнутри сделано. А тут, то ли из целей экономии, то ли ради упрощения доступа, все внутренние механизмы были видны. Сплошные шестерни да рычажки. Сидишь как будильнике. Ну, может не совсем так, но похоже. На самом деле, меня больше всего напрягало, что никто не давал вводный инструктаж. Я привык, что когда тебе технику доверяют, хоть в общих чертах о ней рассказывают. Куда масло лить, куда воду, куда бензин. Переспрашивают, чтобы не перепутал.

Если серьезно, то совершенно непонятно, как эти штуки работают. Я бы чувствовал себя намного уверенней, даже если бы у них из спины огромный заводной ключ торчал.

Мстислав освоил управление броней еще в детстве. Видел как отец и его гридни тренируются, потом ему дали попробовать поводить, такого же тренировочного “балду”. Не сразу, но получилось. Вот и сейчас я встал, да пошел.

Илья тоже встал, но ходил у него балда, как пьяный. А вот Томила встать не мог. Я видел его бледное, напряженное лицо, и то, как мелко подрагивают манипуляторы его брони. Дрыгаются, я бы сказал.

— Руку подними! — орал на него Хват. Задумчиво посмотрел на дернущуюся деревянную колоду, заменяющую тренировочной балде кисть. Спокойным тоном сказал:

— Уже лучше. Продолжай, продолжай.

И пошел к нам, раздавать задания. Илья пока еще только ходить осваивался, и его Хват пустил по выбитой в каменном полу дорожке, с задачей не выйти за её пределы. Или, хотя бы, не упасть, пытаясь. Точно тест на трезвость. Я с этим справился еще в прошлое занятие. Поэтому сегодня мне было велено сложить из деревянных колес аккуратную стопку. Чем я и занялся.

Не хочу сказать что я не справился, но хочу сказать, что я почти не падал. Илья довольно бодро протопал по дорожке и был направлен мне на помощь. Мы, конечно же, столкнулись и рухнули оба. Короче, эта пара часов пролетели незаметно.

Томила смог поднять руки своей тренировочной балды. Дважды. В его случае это тоже был прогресс.

Мы с Ильей оттягивали этот момент как могли, но пришло время, когда надо было идти на кухню, отрабатывать провинность. Мне кажется, что Канцлер просто о нас забыл и я всерьез подумывал завернуть к нему в кабинет, напомнить о себе. Как бы мы с Ильей не плелись, с самой минимальной возможной скоростью, останавливаясь на каждом углу, обсуждая варианты избавиться от наказания, как бы мы не пытались оттянуть этот момент, но в конце концов, мы дошли до кухни.

И попали в руки бабы Марфы. Не путать с бабушкой. Это чудовище, с огромными бородавками на носу и в уголках глаз, с черными пеньками зубов и натруженными руками, начинало колыхаться и исходить желчью, едва нас видело.

— Быстрее! Быстрее! Работа ждет! — подгоняла она нас, вручив в руки два сточенных до толщины спицы, но все равно невероятно тупых, ножа. Посадила перед горой брюквы. И удалилась, буркнув себе под нос:

— Лентяи, бездельники...

Хорошо, что её удерживала от более резких слов и действий субординация. Все же мы не из простых. Удивительно другое. Ну как в этой поварихе может уместиться такая гадкая внешность, такой гадкий характер и при этом она может так удивительно вкусно готовить.

Я решительно взялся за дело. Чувствуя себя ответственным за сложившуюся ситуацию, я старался сделать больше работы, чем Илья. Ну что же, бог награждает упорных.

— Ах вот вы где, сударь Храбр, — раздался за моей спиной глубокий, томный голос.

— Госпожа Софья! — вскочил со своего чурбана Илья.

Да, это была она. Не женщина, виденье. Даже толстая плотная форменная ткань едва сдерживала напор её бюста, который могла скрыть разве что пушистая норковая шуба. Софья посмотрела на меня с высоты своего немаленького роста, сквозь полуприкрытые веки. А потом её полные губы приоткрылись в улыбке и произнесли лучшее, что я слышал за сегодняшний день:

— Вы мне нужны в другом месте. Бросьте это и идите за мной.

— А брюкву кто будет чистить! — возмущенным огром вылетела откуда-то баба Марфа повариха.

— Ну, давайте я помогу, — лучезарно улыбнулась ей госпожа Софья.

Глава 2

Глава, в которой герой страдает от чудовища, но его спасает диснеевская принцесса. И это прекрасное чувство. А от диснеевской принцессы главного героя спасает друг. И это странное чувство. Но главный герой, за всеми этими событиями не забывает о главной своей цели. Победить дракона.

По настоящему начинаешь ненавидеть чудовищ, только когда сталкиваешься с ними лицом к лицу. Уж я то знаю. Это не то яркое чувство раздражения, которое иногда испытываешь к близкому или просто знакомому человеку, который сделал тебе гадость. Нет, он просто бесит. Ненависть — сильное, глубокое чувство, оно отличает объект ненависти от просто бесячего объекта как котик отличает звук пакета с кормом от всего остального.

И прямо сейчас, из-за спины госпожи Софьи, выпрыгнул огромный, мерзкий, тролль. И еще до того, как он раскрыл свою мерзкую пасть, я уже возненавидел его.

— А брюкву ктооо чистить будет?! — протянула повариха баба Марфа. Да, это было она. Она казалось даже омерзительнее обычного. Может из-за освещения, может на фоне Софьи. Я сжал нож крепче. Повариха испытывала на прочность каменные бастионы моего терпения и они уже готовы были рухнуть, выпустив на свободу озера лавы из раскаленной до бела ярости.

— Я вам помогу! — почти пропела госпожа Софья. А потом, небрежным и изысканным движением скинула с себя форменный кафтанчик, оставшись в блузке из тонкой ткани. Она легкими, широкими взмахами рук, словно бы расчистила себе место. А потом, смеясь, сделала пару танцевальных движений. В этот момент она очень напомнила мне диснеевскую принцессу. Я даже подумал, что она начнет петь. И она начала.

На следующие пять минут я оказался в эпицентре волшебства. Софья выхватила у меня нож, а меня закружила в танце. Но после пары поворотов, только я начал попадать ногами в такт, она взяла и оставила меня у стены. Через десяток секунд, рядом со мной, спиной в стену врезался и Илья. Вокруг слышалась тихая музыка, но я все равно расслышал громкий стук от удара его хребта о бревно. Илья блаженно улыбался, никак не подавая вида, что ему больно и не спускал глаз с госпожи Софьи. А та кружилась по кухне, подхватывая то одно, то другое. Взяла нож и несколькими быстрыми движениями, продолжая покачивать бедрами и пританцовывать, очистила брюкву. Отпустила нож, но тот так и остался висеть в воздухе. И тоже, кажется, пританцовывал. Софья поманила другую брюкву, и та, сама, поднялась из кучи и весело подпрыгивая на корнях, подошла к ножу, с радостью подставляясь под его лезвие.

Продолжая напевать, декан домостройного факультета провальсировала дальше, успев смахнуть грязь веником, и тот продолжил уборку, даже когда она выпустила его из рук. Повинуясь её воинственному жесту, груда дров недавно высыпанных во дворе, зашевелилась. Чурбачки построились в колонну по двое и промаршировали к здоровенных хлебным печам, укладываясь рядом с ними в поленницу. Тестомешалки ожили в своих чанах и, вырвавшись из рук кухарок, заработали в два раза быстрее одновременно отбивая ритм. Но главное — брюква чистилась сама. И быстро! Походя, Софья выхватила из рук бабы Марфы тряпку, смахнула пыль с оказавшейся рядом полки и бородавку с носа поварихи. Выпустив тряпку,

Софья схватила меня за руку и потянула к выходу.

Баба Марфа с зычным ревом бешенного мамонта, означавшего в её случае, испуг, мчалась прочь от тряпки, порхающей вокруг неё как ястреб над добычей. Видимо, она не поняла, что там от неё отскочило и предполагала худшее. А тряпка была намерена добраться и до остальных бородавок на лице поварихи. Эта удивительная пара, сопровождаемая грохотом сносимых табуреток и лязгом сбитых на пол сковород, умчалась в глубину кухни, где скрылась в клубах ароматного пара от горшков, кастрюль и котлов. Я видел это уже только краем глаза — госпожа Софья уверенно влекла меня на выход.

Кухня — сердце любого замка. Ну ладно, если не сердце, так желудок точно. Поэтому расположена она обычно примерно посередине. Через два перехода и одну лестницу мы оказались в главном корпусе, среди белой лепнины, еще через два торжественных коридора и две мраморные широкие лестницы, мы подошли к большой, красивой двери.

Я нутром чувствовал, что где-то тут рядом кабинет Канцлера, но эти повороты слегка сбили меня с толку. Госпожа Софья распахнула дверь и шагнула в неё первой — совсем не по этикету, кстати. И утянула меня за собой. Руку мою она так и не выпустила.

Мы оказались в комнате, похожей на рабочий кабинет писателя фантаста. Кого-то, вроде Толкина. Красивые панели темного дерева на стенах, покрытая лаком резная мебель с плюшевыми подушками, высокие, пузатые книжные шкафы с мордами зверей на ручках, темно розовые шторы на окнах, чайный сервиз на низком столике, мягкие игрушки на кушетках, пуфики, софочки, пядца... Блин, кажется местный Толкин оказался геем.

— Это мой кабинет, — как фотовспышкой, ослепила меня белозубой улыбкой Софья. Когда она не старалась поддерживать статусность и держать лицо, выглядела она лет на двадцать пять.

— Голубушка! Голуба! — мелодично позвала госпожа Софья. С диванчика в углу вскочила заспанная девушка в одежде служанки. Испуганно захлопала глазами. — Ах, вот ты где!

— Сделай нам чая, будь так добра, — велела ей Софья и поманила меня в уголок. На уютный, но маленький диванчик. Плюхнулась сама и притянула меня, заставив сесть рядом. Диванчик стоял рядом со столиком, и ни одного стула, пуфика или кресла рядом. Бежать было некуда. Пока служанка пыхтела над самоваром, за ширмой, распространяя по кабинету приятный аромат горящих кедровых полешек, госпожа Софья мне мило улыбалась и ласково расспрашивала. Обо всем. Сначала я отвечал расслабленно и спокойно. Вопросы касались того, как я устроился в Лицее, как добрался, как занятия. Меня порадовало, что Софья мягко обходит острые для меня вопросы последних драк и вообще прошлого. Насторожился я, только когда Софья спросила про Милену. Не про мое к ней отношение, а кто она. Я перестал разглядывать обстановку и сосредоточился на разговоре. И понял, что это был милый, по-женски ненавязчивый, почти приятный, допрос.

Голуба принесла маленький изящный самовар, разлила нам чай. Разложила на столе тарелки с вареньем калачами и булочками. Когда Софья спросила про Милену в третий раз, опять слегка изменив формулировку, — я пошел в наступление.

— Госпожа Софья, можно я задам вопрос, — начала я. Дождавшись кивка и поощрительной улыбки, продолжил:

— А почему вы сами не наколдовали этот чай?

Она мелодично рассмеялась. Как будто серебряный колокольчик упал и покатился по ступенькам. А потом подседа немного ближе, наклонилась ко мне и сказала:

— Вам наверно интересно, зачем я вас позвала, сударь Храбр?

— Еще чая, барышня? — осведомилась Голуба. Софья вздонуа, и ласково ответила:

— Нет, пока все, Голубушка. Пока можешь идти, — отмахнулась от неё и повернулась ко мне, снова придвинувшись еще немного ближе.

— Я узнала, что вы сирота, Храбр. И я подумала, что вам, должно быть, так тяжело тут. В незнакомом месте. Совсем одному. А ведь вам еще предстоят дни и недели тяжелой учебы...

Она говорила терпким как вино и липким как грех голосом. Её губы были совсем рядом. А пышная грудь коснулась моего плеча. Наверняка, совершенно случайно.

— Поэтому, я хочу вам сказать. Если вам что-то, хоть что, понадобится. Обязательно, слышите сударь Храбра? Обязательно приходите ко мне. Сюда или, даже лучше, ко мне домой. Я постараюсь вам...

В дверь несмело постучали. Софья сделала короткую паузу и закончила совсем уж неприлично низким тоном:

— Помочь. Поверьте, я сделаю все...

В дверь постучали настойчивее.

— Все что смогу! — уже нормальным тоном закончила Софья, очаровательно мне улыбнулась, вскочила с диванчика и рявкнула:

— Голуба! А ну открой!

За дверью оказался красный и запыхавшийся Илья. Похоже, он бежал от самой кухни. В руках он держал кафтанчик Софьи. Не решаясь переступить порог, он протянул его вперед, держа как свернутое знамя. Нежно и торжественно.

— Г-ггоспожа декан... Софья... Вот, вы забыли...

— Ах, это вы... И правда! Как благородно с вашей стороны! — всплеснула руками Софья. И в сторону, слегка раздраженным тоном. — Голуба прими!

Потом обернулась ко мне. И сказала чуть менее милым, и чуть более чувственным голосом, чем тот, которым она благодарила Илью:

— Ну что же, не буду вас больше задерживать, сударь Храбр. И помните что я вам сказала!

После чего она подхватила меня под руку, сопроводила к Илье, который так и не решился зайти. Потрепала меня нежно по щеке, а Илью чмокнула в щеку. И захлопнула дверь. Я погладил щеку и с интересом посмотрел на Илью. Тот продолжал стоять, пялясь в точку на двери, где было лицо Софьи. Кажется он не только не шевелился, застыв в неудобной позе, нелепо подняв руку, но даже не дышал.

— Не деревеней! — скомандовал я ему. Ноль реакции. Я осторожно толкнул его в плечо. Илья шумно вдохнул воздух и посмотрел на меня глазами только что вмазавшегося наркомана.

— Ах, какая женщина...

— Согласен, — не стал спорить я. И пошел прочь. В основном, чтобы оказавшись впереди, незаметно поправить первичный признак в штанах. А тот опух и теперь ему было неудобно. В какой-то степени я чувствовал себя мозговым полипом. Все чувства доходили до меня в полной мере, но подсознательно я еще не воспринимал их своими. Я постоянно обращал внимания на детали, в значительной степени оставаясь наблюдателем со стороны. Это меня и спасало — тело Мстислава вспотело, щеки пылали как будто к ним приложили утюги, яйца налились свинцовой тяжестью, а ноги наоборот, казались легкими и ватными. Я

был в восторге. Абсолютном. Но уголок хладнокровного захватчика человеческих тел был достаточно хорошо загерметизирован, чтобы я мог думать хотя бы в половину от возможного.

— Не женщина. Огонь, — хрипло пробурчал я. Вот только... Да что же ей от меня надо? Думать об этом совершенно не хотелось. Вернее, у меня была уже одна рабочая теория. Про совращение малолетних. Но тут, в принципе, лет с шестнадцати половина девушек замуж выходят, так что не будем тащить свой уголовный кодекс в чужую правовую систему.

Мы с Ильей некоторое время шли молча.

— О чем думаешь? — спросил Илья.

— Пар нам надо выпустить, вот что я думаю, — ответил я честно. Seriously, с такими переживаниями я по ночам вижу то кошмары, то эротику. А я, может, фантастику люблю. Надо разгрузить психику. Только вот как? Игр компьютерных тут нет. Солдатики, может, начать собирать?

— Мне братья тут имя и адрес одной белошвейки в Великом Устюге оставили, — осторожно сказал Илья. — Так может зайдём к ней на выходных? Постираемся?

— Это, конечно, можно... — протянул я. Первые выходные в большом городе. Это должно быть интересно. Конечно, хотелось бы повеселиться со спокойной совестью. Мои мысли неожиданно свернули к неудачам на алхимии. Может и правда зайти к Софье завтра вечером? Прямо домой? Вдруг, подскажет что полезное, хитрости какой-нибудь научит... Блин, вот почему я её сейчас не спросил про дракона этого долбанного! Хоть возвращайся обратно! Нельзя, неудобно как-то получится. Кстати! Как там её... Лада. Чемпионка по алхимии.

— Слушай, у меня встреча ещё сегодня! — вспомнил я. — Ты не знаешь, где тут плачущий ангел?

Глава 3

Глава в которой главный герой попадает в коварную и опасную ловушку, но с честью выбирается из неё, воспользовавшись честью своих преданных друзей.

— Я себе жопу отморозила, — Лада встала и яростно начала растирать выше означенную часть тела. Сначала через кокетливую шубку, а потом задрала подол и принялась тереть булочки через форменную юбку. Покряхтывая от удовольствия и виляя пострадавшим местом прямо перед моим лицом. Я задумчиво смотрел на маленькие женские руки, яростно растирающие ягодицы. Жаль эти нежные булочки, они явно заслуживают более нежного внимания. Я снял перчатки и попытался помочь.

— Ты что творишь, упырь?! — рывнула Лада, мгновенно развернувшись. И попыталась врезать мне кулаком в нос. Она была быстра, но ей не хватало практики — я успел уклониться.

— Не вздумай, скотина, меня щупать! — надменно прошептала она и тут же плюхнулась рядом. Близко. Касаясь моего бедра своим бедром.

Я вздохнул. Мы находились в небольшом, уютном закутке сада. Вокруг были занесенные снегом кусты и голые, лиственные деревья. Они не то, чтобы полностью скрывали, но укрывали пару небольших деревянных беседок с удобными лавочками внутри.

Кто назначает встреча в месте, о котором никто не знает? Мне пришлось опросить Илью, слуг, стражников, и только мило краснеющая девушка с первого курса, попавшаяся по дороге, смогла мне помочь. Я спросил где этот широко известный в узких кругах “Плачущий ангел”, спросил как её зовут, сказал спасибо, и бросился на место. Благо, беседки были недалеко от главной парковой аллеи. Место не назвать безлюдным, самые оживленные парковые дорожки были не так далеко. Да и по вытопанному снегу вокруг беседки, было понятно, что сюда часто приходят.

В центре площадки, на круглом и большом, мне по макушку, камне, сидел мраморный ангел. Он сидел по-турецки, держа на коленях меч, словно прикрывая им половые признаки, и спрятав лицо в ладонях. Мне показалось, больше было похоже на то, что ангел смеется.

Я зашел в беседку, нашел там смурную Ладу. Списал её плохое настроение на легкий морозец и мое опоздание. Сел напротив неё, улыбнулся и она тут же пересела ко мне. Вот так же близко.

Я понял, что это свидание. Поэтому, прежде чем спрашивать как именно она смогла так быстро выполнить задание Велимудра, немного поболтал о том, о сем. Ну, решил пощадить её чувства, не портить момент сухим делом. Лицо у неё было по прежнему недовольное.

Просто, чтобы не показаться мудаком, я проявил вежливый интерес к её персоне. В конце концов, она же сделала первый шаг, мне не трудно оставаться вежливым. И ей будет приятно. Людям всегда приятно, когда говорят о них. Поэтому вытрясти подробности о прошлом из девушки на первом свидании — верный способ сделать ей приятно. И хорошая подсказка для неё, что ты можешь сделать приятно и другими способами.

Но Лада молчала, в крайнем случае давая односложные ответы. Мы провели так уже минут пять и я тоже обескураженно замолчал. И вот сейчас это выходка.

— Ладно, Лада. Что происходит? Зачем мы здесь? — спросил я.

— Тихо! Ну наконец-то! Ты тоже слышишь? Шаги! — Лада завертела головой по сторонам. Я тоже оглянулся вокруг и заметил темные фигуры за белыми сугробами, в которые превратились кусты. Похоже, до этого они крались по снежной целине, оставаясь не замеченными за кустами и деревьями. Но когда подошли поближе, хруст снега их и выдал. Солнце уже садилось и я не успел рассмотреть, кто это был. Именно в этот момент Лада, с поистине борцовской сноровкой, закинула мою руку себе на плечи и вцепилась мне в кисть, не давая убрать. А потом громким испуганным голосом сказала:

— О нет, сударь Храбр, что вы делаете, остановитесь! — она выжидающе посмотрела на приближающиеся силуэты. И добавила тоном, которым обычно понукают лошадей: — Я говорю, остановитесь! Ну, нас ктонибудь видит?! Сейчас! Прямо вот сейчас! И меня спасут, блядь!

— Не, всем насрать, — весело отозвалась Лизавета. Я узнал её только по голосу, заходящее солнце светило мне в лицо, а ей в затылок. Хотя я мог разглядеть похожие на пламя рыжие пряди и догадаться. Вторая была Милена — я узнал её шубку и разглядел белую косу на плече.

Лада стряхнула с меня руку, вскочила и начала осматриваться вокруг. Она явно ждала кого-то другого. Я тоже привстал и осмотрелся. Недалеко ходили слуги в кафтанах и полушубках. Мужики с инструментами, тетки со свертками, девки с ведрами. Никто к нам не направлялся.

Лада топнула ножкой и обернулась к Милене и Лизе. И, довольно повелительным тоном сказала.

— Вы видели? Этот мужик ко мне приставал. Будете свительницами!

— Нет, не видели, — мило прищептала Милена не сбавляя шага. Я уже знал этот обманчиво тонкий и робкий голосок. Милена держала руки в рукавах шубки. Очень подозрительно она идет. Характерный такой шаг, как будто над землей стелется. На крадущуюся кошку похоже. Я почти так же шагаю, когда саблей рубануть планирую. Лада, конечно, ничего не замечала.

— Ты слепая? Он меня за плечи обнял! И за жопу хватал! И я орала ему, чтобы остановился! Тоже не слышала?! Еще и глухая?! — скандальным тоном девочки, которой родители не подарили тот смартфон, который она хотела, отозвалась Лада.

— Ну так давай повторим! — рявкнул я. Встал, шагнул к растерянной Ладе, схватил её обеими руками за самое пострадавшее от мороза место. Грубо и властно. Развернулся спиной к Милене, закрывая собой эту наглую дуру, и бросил её на лавку. Лада сдавленно пискнула и замерла.

— Ладно, что происходит? — спросил я не оборачиваясь. Спросил я у Милены и Лизы, но поскольку смотрел я на Ладу, она приняла это на свой счет. Кстати, ей очень шел испуг — бровки домиком, губки сложились в букровку “о”. Когда она испуганная, то даже еще красивее.

— Я не хотела! Мне сестры велели! — сказала Лада, сначала неуверенно. Упоминании о родственниках, похоже, вернуло ей уверенность. И она добавила, уже другим, угрожающим тоном:

— Вот теперь тебе, хамло, скотина, пахарь, мужик, точно конец. Не отвертишься! Лапал меня? Приставал?! Теперь тебя на порог нигде не пустят. Или виру плати! Пять тыщ рублей! Она наконец, сказала главное. И затихла.

— Что, серьезно? За один раз жопку потрогать? Ничоси расценки у тебя, — даже

удивился я. — А если у меня денег нет?

Милена подошла ближе и стала рядом со мной, справа. Слева заняла позицию Лизавета. Мы все сложили руки на груди и уставились на Ладу. Бежать ей было некуда, поэтому она с ногами забралась на лавочку и смотрела на нас испуганно.

— Врешь ты. Этот распутник старый, с летающими санями, меньше чем за сто рублей не прилетает. И потом за лечение отдельно просит. И гордый больно. В том году маменька его на день рождения братика хотела вызвать, шоб он гостей развлек. Так Гришка этот тыщу рублей запросил! Будто это нам надо, а не ему, колдуну безродному, одолжение! А вас двоих, как ямщик привез. Задарма, скажете?

— Из Любви, — двусмысленно пошутил я.

Милена потянулась ко мне рукой, наклонила меня к себе поближе и прошептала в ухо:

— Она ж из Краковских. У ней родни, как у суки дворовой. И злые эти Краковские, тоже как дворовые собаки. Опасно очень во врагах таких оставлять.

Я повернулся к Лизе, чтобы пересказать ей слова Милены. Та кивнула, сказав:

— Я слышала.

Мы, все втроем, снова задумчиво воззрились на Ладу.

— А мы тут обе с самого начала были. И ничего такого не видели, — сказала Лиза. — Да и вообще, Храбр только сейчас подошел. Вот он стоит, а ты сидишь тут давно. И твои сестренки, кстати, тоже именно так все и увидят.

Лиза показала рукой на приближающуюся со стороны Лицея стайку девушек. Все они были постарше нас. Лицензиатки. И дуры — они щебетали и сдавленно хихикали достаточно громко, чтобы я услышал их издалека. Лада не стала ждать и бросилась к ним навстречу. Попыталась броситься. Для начала она, достаточно ловко, бесстыже сверкнув стройными ножками, переливалась через спинку скамейки. Потом, еще более бесстыже задрав юбку, перебралась через ограждение беседки, с коротким визгом плюхнувшись в сугроб. И только после этого, наконец, бросилась к своей группе поддержки. Те также побежали ей навстречу. А потом, не сбавляя хода, вместе с Ладой к нам. Оказавшись метрах в десяти от нас, они остановились и, даже не удосужившись выслушать пострадавшую, немедленно выдали заготовленные обвинения:

— Как это ужасно, сударь Храбр!

— Ваше поведение позорит всю вашу семью!

— И одними извинениями вам совсем не отделаться!

— Их слишком много, и вон та точно из бояр... На любом судилище перекричат они нас. Да и не поверят нам, против боярынь... — кусая губы прошептала Милена.

— Такое оскорбление можно искупить только кровью! — вдруг выкрикнула толстенькая девушка со злобным и глупым лицом. Лет двадцать пять на вид. Многовато, даже для последнего курса. Это она страшенькая такая, или её в двадцать один год в Лицей отдали? Похоже, её заявление было слишком уж радикальным. И не по сценарию. Её осадили свои же.

— Тише, ты, Дубрава! — шикнули на толстушку. — А вам, сударь Храбр, предстоит заплатить за свой омерзительный поступок! Но, так и быть, я постараюсь уговорить свою семью проявить благор...

Надо срочно гасить конфликт. Свести к шутке? Не дадут, они уже чувствуют кровь. Точнее, деньги. А может...

— Ладушка просто не так все поняла, — сказал я и обнял одновременно Лизу и Милену,

благо они стояли рядом. — Мы ей просто предложили присоединиться к нашим забавам! Она сначала согласилась, а потом вас увидела и испугалась

Я по очереди поцеловал Лизу и Милену в губы. Так, без затей. Но с чувством. Давно хотелось, если честно. Толстененькая из Краковских громко охнула и уселась жопой в снег. Остальные ограничились охами и вздохами. Враг ошеломлен, теперь переходим в контратаку!

— Лада, а Лада, я не против тебя в жены взять. Денег у меня нет, так что я любому приданому рад! Хоть полденьги! — добавил я громко и весело. — Соглашайся, со мной весело будет! Не в деньгах счастье!

Первая моя выходка произвела впечатление на девиц, в основном выразившееся в охах, удивленных личиках, и хитрым блеском в глазках. Краковские девоньки смотрели с любопытством, кажется аж дышать забыв, с предвкушением на мордочках. Видимо, мысленно уже представляя, как будут обо всем увиденном рассказывать всем знакомым и не очень. И обдумывая какие добавить подробности.

Но вот вторая часть моей короткой речи, вызвала совсем другие чувства. Удивление и любопытство сменилось враждебностью. А после ужасной фразы “Не в деньгах счастье!” и вовсе неприкрытой злобой.

Не найдя, что сказать, они подхватили свою толстушку, павшую от моего проявления естественных для молодого мужчины полигамных наклонностей, и бросились прочь, что-то сдавленно друг-другу шипя.

— Простите за импровизацию, — сказал я тихо Миле и Лизе. Тут же перевел для них неизвестное слово. — Надо было что-то быстро делать, сделал первое, что в голову пришло.

— Мне понравилось, — мурлыкнула Лиза. — Особенно вторая часть.

— Зато у вас у обоих точно проблем с женихами не будет. А у меня, видимо, с невестами. Нет невест, нет проблем.

— Не уверена что мы их обманули. Одна точно все поняла. Вон та, что отстала, — сказала Милена. И действительно, от группы Краковских деловых, отстала девушка. Она напоминала Ладку, но её красота была более сдержанна. Или, более глубока, это как посмотреть. Тонкие черты лица, строго очерченные губы. И сейчас она, отвернувшись в сторону от своих и поглядывая на нас, беззвучно хохотала, уперевшись варежками в колени. Увидев, что мы ей разглядываем, взяла себя в руки и бросилась догонять своих.

Я её узнал, это именно она подсказала мне как найти это место. И я забыл её имя.

— Как её зовут?

— Некраса. С первого курса... — начала отвечать Лиза, но Милена её перебила:

— А почему ты спрашиваешь?

— Лицо знакомое, — осторожно ответил я, чувствуя в её голосе подозрительное напряжение.

— Она, кстати, нам и подсказала сюда прийти. Говорит, что её двоюродные сестры задумали гадость сегодняшним вечером, у Плачущего Ангела. А потом ты туда дорогу спрашивал. — закончила Лиза. — Поэтому тебе её лицо знакомо.

— Странное имя, Некраса. От сглаза? — задумчиво сказал я.

— Да что ты о ней заладил! — вдруг вспыхнула Милена и вывернулась из под моей руки. — Некраса, некраса! Ты только что себе половину Кракова врагов нажил! Себя опозорил! И меня! Ладно я! А Лиза? Как она теперь будет?!

— Ой блиин, — протянула Лиза, поплотнее прижавшись ко мне. — А ведь Миленочка

меня ночью зарежет. Как поймет, что ты меня первой поцеловал...

Милена развернулась к ней, четко и резко, как старый оберштурмфюрер, услышавший иврит. И уставилась на довольную рыжую полными ярости глазами. Ну, если эти синие пулеметные амбразуры на белом бетоне лица еще можно было назвать глазами.

— Я мимодумно, — попытался я спасти рыжую суицидницу. — Милена, хочешь, я второй раз тебя поцелую.

Она испуганно посмотрела на меня. От амбразур оттащили пулеметы и вывесили белые флаги. Её кожу покрыл румянец. Не такой, как от мороза, а густой и сплошной.

— Нет, — тихо сказала она. И опустила взгляд.

— Ладно, — я не стал настаивать. И протянул ей руку. — Давай ко мне, обратно под крылышко. Люди же смотрят, не портят спектакль.

Милена еще не меньше минуты постояла неподвижно, смотря на свои сапожки. Потом присела, чтобы спрятать в них ножи. Как я и подозревал, она прятала их в рукавах. И только после этого, наконец, шагнула ко мне и позволила себя притянуть поближе. Я обнял обеих девушек поудобнее, прижимая к себе.

— На самом деле, не так страшно. Главное отбрехались, — подвела итог Лиза. — Могут, правда, теперь за спиной смеяться и в глаза гадости говорить.

— Будем решать проблемы по мере их поступления, — ответил я.

— Зачем ты вообще сюда один пришел? — скорее расстроено, чем зло, спросила Милена.

— Она же первая задание Велимудра выполнила. И быстро. А она не похожа на могучего чудотворца. Вот я и хотел спросить, как она это сделала? Может хитрость какая-то есть?

— Да просто глупая она, — хихикнула Лиза. — Глупым всегда учиться проще.

В известном книжном цикле “Властелин Колец” 64 авторских листа текста, три тома и всего один завтрак. Ну что же, по одному пункту эта книга его уже превзошла.

Стоит только сделать что-то, чего давно хотелось, как тут же вспоминаешь о правилах приличия и начинаешь вести себя хорошо. Поэтому, я встал с утра, умылся, почистил зубы, и отправился на завтрак. Илья ко мне присоединился — кстати, когда я пришел вечером, он уже спал. Я хотел ему рассказать про небольшое происшествие со мной, Лизой и Миленой вечером, но как-то не улучшил момент. Илья выглядел подозрительно довольным весь вечер, даже песни пел. И проснулся радостным и энергичным, чего ранее тоже за ним по утрам не замечалось.

Вот и сейчас, пока я уплетал запеченные в горшочке грибы с тыквой и специями, он нехотя поковырялся в своей порции, пригубил кваса, подпер рукой голову и с томной улыбкой уставился на дверь, явно высматривая некую барышню.

Я с интересом оглядывал пиршественную залу. Время, по моим ощущениям, было часов восемь утра. Похоже, поздний завтрак, на который мы обычно ходили — перед самыми занятиями — собирал другую публику. Я увидел Некрасу. Она демонстративно отвернулась, но я успел заметить, что она сдержанно улыбается своим мыслям. Тут же были еще пара тихих девушек с нашего потока, которых я помнил только по урокам. В дверь вошел заспанный Сергей, увидел нас. Подсел, уже привычно, к Илье. Илья тихонько начал напевать:

Брови — гор весенних своды,
Очи — в осень стихли воды,
Ворона крыла разводы
Этих локонов струя.

— Что с ним? — поинтересовался Сергей.

— Первый поцелуй вчера случился, — пошутил я. Вернее, предположил.

— Откуда ты знаешь? — встрепенулся Илья. — Кто тебе сказал? Что еще сказал?

— И не только поцелуй, — задумчиво сказал Сергей.

Илья сжал кулаки и посмотрел на Сергея.

— Что бы вы не хотели сказать, сударь, выбирайте слова тщательно!

Нет, определенно Илья хороший человек. Готов броситься на защиту чести девушки. Это, кстати, свидетельство силы. Трудно защитить даже себя, но этому можно научить. Но защищать другого — это уже врожденное благородство души. А еще, чувствуется что у Ильи большая и дружная семья. Почувствовал угрозу и тут же включился режим “ровного базара”, с поправкой на местный климат. Видимо, практиковался с детства.

— Мы по рукам видим, — сказал я, отвлекая Илью от Сергея, который стушевался от официального и грозного тона Ильи. Ну и здоровенных кулаков тоже, не будем покрывать чужую пугливость. После моей фразы недоумевающим стал Илья. Он машинально посмотрел на свои руки. Потом, подозрительно, на нас с Сергеем.

— Разве не знал? Стоит один раз потрогать девичью грудь и твои руки никогда не будут прежними! — серьезно кивнул я.

— Да, я тоже об этом читал, — трагичным голосом подтвердил Сергей.

Илья повертел кисти. И испуганно спросил:

— А что изменилось?

— Вот видишь, это уже второй признак! Ты даже не замечаешь! — я драматично повысил голос, стараясь не расхохотаться.

— Все зашло слишком далеко, тебе следовало сразу нам обо всем рассказать. Но, может еще не поздно! Давай, рассказывай! — вмешался Сергей. Ловкий, хоть и немного наивный, ход.

Илья тяжело вздохнул. Спрятал руки под стол и сказал:

— Не могу. Не моя тайна. — а потом в очередной раз доказал, что внешность обманчива. Иногда Илья выглядел наивным ребенком, но имел достаточный кругозор, чтобы на совсем уж очевидную ложь не попасться. Он с подозрением посмотрел мне в глаза, и спросил:

— Вы ведь врете все?

Мы с Сергеем расхохотались. Илья тоже облегченно улыбнулся.

— Что ржете, как кони после сула? — своим милым, мелодичным, похожим серебряный колокольчик голосом, спросила Милена, присаживаясь ко мне справа. Слева свое место заняла Лиза. В этот момент появился слуга и начал выставлять еду и им, и Сергею.

— Мы не можем вам рассказать, — торжественно объявил я. — Ведь это тайна не наша, но Ильи.

— Это про то, что он вчера с Людкой Торжковой кувыркался? — тут же вскрыла всю интригу Лиза.

Курносый пацан, выкладывавший еду, с интересом глянул на Илью, явно имея ему что-то рассказать. Но вместо него это сделал другой. Сергей поперхнулся квасом, повернулся к Илье и удивленно протянул:

— Ты тоже?

Илья повернулся и уставился на Сергея. Я уставился на Сергея. Все уставились на Сергея.

— Я пошутил. Ха-ха... — сдавленно и не убедительно хихикнул Сергей. И начал лихорадочно набивать рот едой.

Мы еще некоторое время продолжали смотреть на него с подозрением, но он делал вид, что ничего не замечает.

— Кстати, — вдруг сказал Илья, наконец отвернувшись от Сергея. Похоже, он решил отложить разговор с Сергеем на потом. Да, некоторые моменты стоит прояснить наедине. Судя по его слегка злому и растерянному лицу, Сереге ничего не угрожало. Просто Илья понял, что произошедшее с ним и девушкой вчера, и заставившее его петь, вписано немного в другой контекст, чем ему казалось. Однако, разговор был деликатный, о даме. С похвальной заботой о чужом достоинстве, Илья попытался перевести разговор на другую тему. — А что это сегодня к нам девки не липнут. Ну, не считая вас двоих.

Он показал глазами на Милену и Лизавету.

— Мы не липнем! — вспыхнула Милена.

— Ну нет, так нет, — легко согласился Илья. — Но обычно вам к нему, — он кивнул на меня. — Не пробиться.

— А еще на нас нагло пялятся все старшекурсники, — добавила Лиза.

Сергей с Ильёй осторожно осмотрелись — я всегда садился спиной к залу и лицом ко входу, так что им было достаточно просто обвести взглядом пространство за нашими спинами. Но даже это вызвало приглушенный шорох и звук от упавшей вилки. Похоже, кто-то слишком рьяно делал вид, что совсем на нас не смотрит.

Сергей с Ильёй вопросительно посмотрели на меня.

— Бу-бу-бу? — неразборчиво пробубнил Сергей с набитым ртом. Но с четкими вопросительно-обвинительными интонациями.

— Ну и что ты опять натворил? — с оттенком усталости в голосе спросил Илья.

— Я? — искренне возмутился я. — Ничего.

— Не успел, подружки прибежали, — “помогла” мне Лиза.

— Чьи? — нахмурился Илья.

— Ладушки, — опять тем звонким, но страшным голосом, сказала Милена.

— Лада? Красивая. Одна была? — понимающе кивнул Илья. — Целоваться полезла а потом подруги вошли и сказала что ты на неё против её воли полез? Сколько просит?

— Пока ничего не просит. Храбр импровизировать вздумал, — с легкой запинкой повторила незнакомое слово Лиза. Правильно сказала, а ведь всего один раз слышала. Какая хорошая память Я впечатлился.

— Этот дурак... — начала было говорить Милена, но покраснела до корней волос и задохнулась на середине слова.

— Он честно признался, что у него денег нет. А еще, что мы с Миленой у него в невестах сразу обе ходим, — Лиза бесстыдно прижалась к моему плечу щечкой. — Они, наверное, все куда как красочнее расскажут, ну да ладно.

— Да, — выдохнула Милена. — Так и было.

Илья потрясенно покачал головой.

— Ты зачем вообще с ней наедине виделся? Не знал, что она из Краковских? Даже я знаю!

— Подлость от человека, которому ты не сделал ничего плохого, всегда неожиданна. В первый раз, — ответил я.

Сергей наконец проглотил еду, запил квасом, и смог высказаться:

— Ну, теперь от всех ожидай. Может они и не станут этот случай раздувать, но начнут гадости делать. Не своими руками тоже. И нам, кстати. Раз уж мы с тобой дружим. Кстати, ты сегодня в библиотеку пойдешь?

— Нет. Сегодня надо нам потренироваться сходить. Пора, а то закостенеет совсем, — решительно сказал Илья.

— Без меня, — замахал руками Сергей.

— Я с вами пойду, — вдруг сказала Милена.

— Тебе то зачем? — искренне удивился Илья.

— Девушки не умеют драться! — сказала Лиза Милене, перегнувшись через меня.

— А я... Может, посмотреть хочу, — не сразу нашла Милена.

— А может, зайдешь, в библиотеку-то? — сказал Сергей. И яростно просемафорил мне глазами. Выглядело это так, как будто он подавился. Чего это он? Ах, да. Я же просил его об волшебном оружии выяснить. Совсем из головы вылетело.

— Да говори уже, все свои, — кивнул я ему. — Что нашел?

— Уверен? — засомневался Сергей. Обвел всех взглядом, придвинулся к нам поближе и заговорщицки прошептал. — Я нашел то, о чем ты просил. Волшебное оружие. Складное.

Там не только оружие. Корабли даже есть. Делает волшебный народец, о котором ничего не известно. Все как всегда, ничего интересного. Это не важно. Храбр, скажи, а нет ли у тебя случайно, ещё что ни будь похожего, но только не оружия...

— Я не говорил, что у меня есть... — быстро сказал я. Но Сергей просто сделал маленькую паузу, дав мне сказать, и продолжил:

— Не оружие, а одежду. Меня интересует плащ. Черный. Или красный.

— Шарф, — сказал я. — Синий.

— Блин. Смотреть надо, — озадачился Сергей.

— Так. Сергей, барышни, идите в библиотеку, а ты Илья, со мной в комнату. Заберем все и принесем в библиотеку. Вместе посмотрим.

Глава, в которой главный герой познает мудрость, проникается глубиной опасности мира вокруг, и приходит на помощь друзьям в сложной и неоднозначной ситуации. Из мужской солидарности.

Сразу же после завтрака я стал мудрее, узнав две вещи. Часто за беспомощностью и красотой женщины скрывают безразмерные аппетиты, а знания из книг бесполезны без практики.

Ладно, я знал это и раньше, что ни на секунду не сделало ситуацию лучше.

Милена сделала мне глазки как у кота Шрека, только синие и сексуальные, и попросила себе шпагу, которую я выбил из полудушника. Я засомневался — холодное оружие специфичная штука. Это не похоже на то, что ты научился стрелять из пистолета и теперь легко освоишь автомат. Нет. Сабля от прямого меча отличается не только формой, а в принципе всем. Тебе надо по-другому двигаться, по-другому бить, по-другому защищаться. Да даже по-другому думать.

Я ловлю себя на мысли, что владение холодным оружием и в самом деле искусство. Сопряжение точных и далеко рассчитываемых ходов, как в шахматах, с выверенным владением своим телом, как в фигурном катании. И все это — на скорость. Смоет ли она пользоваться рапирой? Мое сомнение Милена воспринимает как разрешение, хватая рукоять и, уже своим этим миленьким голоском для ругательств, говорит “Я ж не тать, с ножами ходить. А шпага это оружие для мелкого и легкого, вроде меня. Меня на ней и учили. Но в Лицее нельзя носить оружие, пришлось на ножи перейти...”

На самом деле я доволен. Терпеть ненавижу шпаги. И что-то мне подсказывает, Мила, несмотря на её периодические психи, никогда не проткнет этой штукой меня.

Возможно, это молодое тело отравило мой разум юношеской романтичностью. Пока я пытаюсь взять себя в руки, а на деле просто пялюсь на то, как Милена задрал подол юбки и обнажив ножки в плотных кожаных штанах до самой середины бедра, выполняет выпады, финты и парирования, Лиза добирается до шарфа. Накидывает его на себя и с красноречивым вздохом говорит как он ей нравится. Теперь, отними я его обратно, будет выглядеть как будто ребенка обидел. Но я посылаю ей красноречивый взгляд, давая понять, что я её насквозь вижу.

Я, наконец отвлекаюсь от них, и сажусь перед Сергеем. Он с Ильей сидит на маленьком диванчике напротив, я на кресле перед ними. Лиза немедленно пользуется случаем и пристраивается позади кресла, небрежно опуская руки мне на плечо. Мила бросает свои тренировки и целомудренно усаживается на подлокотник, складывая впрочем ножки рядом со мной.

Сергей читает целую лекцию, демонстрирует книги, которые он нашел по теме. В одних фолиантах более полные сведения о похожих предметах, в других рисунки. Сергей раздражается лекцией на полчаса, в которой сведений на два абзаца.

Если выбросить сомнительные легенды, то остается только тот факт, что в этом мире есть народ, буквально живущий в карманных измерениях. И они до жути напоминают наших фэнтезийных эльфов. Встречаются с людьми редко, встречи происходят по разному.

Пожалуй, все. Ах да — где у джедайской рапиры кнопка, никто из многомудрых авторов умных книг не знает.

Впрочем, я для себя вынес из лекции Сергея куда больше. Не могу назвать это откровением, но мир вокруг изменился. Все эти стены, свечи, сталь и люди вокруг стали как будто чуть более настоящими.

Мир людей был только одним из цветов огромного лоскутного одеяла карты окрестных земель. Города, села, квадратики полей где жили и работали люди — окружали леса, горы, болота. Да и сами заселенные местности обтекали лихие, бедовые, томные места. Томные — от слова томить, то есть мучить. Поэтому Илью удивило, что представился наш одноклассник на тренировке Томилой. Мучитель.

Мстислав жил в этом мире, не видя в нем ничего необычного. А вот мне пришлось умять в себя представление об окружающей действительности, где за крохотными тусклыми окошками во тьме бродят опасные существа. Иногда не просто бродят, но и замышляют страшное, прямо как маньяки-психопаты. Иногда это звери — волки, медведи. Иногда это чудовища. Кто опаснее — зависит от обстоятельств. Стены, свет, бдительные псы и храбрые воины — вот что оберегает людей. Это не всегда спасает. Часто пропадают путники. Реже, целые группы людей, например пара крестьянских возов с товарами для ярмарки. Это еще можно списать на разбойников. Иногда села находят с нетронутым скарбом и домами, а от жителей не остается ничего, кроме обрывков одежды и луж крови.

Мой родовой замок, в котором я проводил зиму, стоит на одной из дорог между Господином Великим Новгородом и Псковом. Со сторон Пскова, прямо к дороге подходит Гиблая топь. Со стороны Великого Новгорода лежит Темнолесье. Это не просто географическое названия, это предупреждение. Замок место, где можно укрыться от того, что выходит оттуда по ночам.

Еще об одной особенности этого мира, мне было бы не трудно догадаться — раз Канцлер играет тут в магическое метро со своими порталами, то уж наверняка есть пара сотен таких же, как он, умельцев. Умножьте эти пару сотен на пару тысяч лет — и можно обнаружить себя в мире буквально набитым порталами в искусственные реальности, в отдаленные места, и просто странные места. Каждый уважающий себя колдун так и норовит создать себе царство и наделать из него магических черных ходов, которые покрывают страну как кротовые норы огород.

Хотя нет. У меня есть куда более точная ассоциация. Все это выглядит, как хорошо продуманная карта в многопользовательской онлайн игре, где относительно безопасные “города” окружены опасными землями.

Вот только тут живут настоящие люди.

Мои размышления прервали.

— Приветтики! — жизнерадостно прощбетала девушка лет двадцати двух. Последний или предпоследний курс. Мундирчик расстегнут, юбка выше нормы, на тонкой блузке, и без того едва сдерживающей напор пышной груди, расстегнуты четыре верхних пуговики.

Боже мой, я становлюсь ханжой. Сужу о человеке по одежде.

Девушка машет мне рукой и бесстыдно задирает юбку, чтобы перелезть через спинку диванчика и приземлиться жопкой прямо между Ильей и Сергеем. Над сапожками у неё белая кожа. Напрасно, тут сквозняки. Парни сначала зачарованно разглядывают голые ноги, а потом испуганно смотрят на её лицо. Неразборчиво здороваются. Одновременно сдвигают свои колени вместе и старательно отодвигаясь от девушки прочь. Увы, диванчик с высокими

стенками, они сидят тесно, как на заднем сиденье древнего автомобиля с двигателем внутреннего сгорания.

— А я вас везде ищу! В библиотеке от меня еще никто не прятался! — говорит незнакомка. У неё странные, малоэмоциональные глаза и лицо школьной учительницы. Только слишком уж улыбчивой, для своей профессии. Она по очереди поворачивается к Сергею и Илье, чмокая их в щеку, а потом обнимает их обоих руками и откидывается на спинку диванчика, по-мужски широко расставив ноги.

— Храбр, познакомься. Людмила Торжкова. Помнишь, я тебе о ней рассказывала? — промурлыкала мне на ухо Лизавета.

Мы с ней некоторое время смотрим друг другу в глаза. Я спокойно жду, когда она начнет говорить. Наконец, лицензиатка перетрававшая, как минимум, половину школяров мужского пола, отводит взгляд и говорит:

— Да я не к вам пришла. Я к этим двум. Слышьте, парнишки. У меня к вам дело есть. Дело касается любви. Вы мне нужны как мужчины. Оба. Отказы не принимаются.

И Илья, и Сергей сначала побледнели, потом испуганно посмотрели на неё. Она, по очереди, на них, с многообещающей улыбкой. Тогда они повернулись ко мне, теперь уже в их взгляде, кроме ужаса и паники, плескалась и надежда.

Придется их спасать. Кто, если не я. Я откинулся в кресле, закинул одну ногу на колено другой, и сказал:

— Барышня, а вам не кажется, что вы ведете себя бесцеремонно?

С женщинами всегда одно и то же. Сначала они не те, чем кажутся, потом они говорят, что все не то, чем кажется, потом ты и сам думаешь, что всё это, кажется, не совсем то. А в конце концов, всё оказывается именно так, как ты и думал.

Людмила Торжкова первая в этом мире, на ком я с уверенностью разглядел косметику. Если не считать моей мачехи. А она, конечно, не считается — в их случае это скорее часть соответствующего статусу костюма. Они забавно красились — если в нашем мире девушки красились, чтобы выглядеть красивыми то тут для этих целей в ход шли заговоры и магия. А красились, чтобы что-то сказать. Людмила подняла вверх неестественно черные брови, приоткрыла накрашенные красным губы и показала мне ладони своих рук. Жесты миролюбия и открытости, распространенные по всему миру. И не только по одному, как я только что убедился. Людочка заговорила голосом, который она полагала дружелюбным:

— Что вы, уважаемый Храбр! Я же вовсе не в том смысле. Куда мне до вашей открытости чувств! — она опустила руки вниз, вцепившись в ляжки парней своими коготками. — Дело в том, что мне нужна их помощь в опасном деле. Защитить меня от страшной опасности. Надеюсь, честь не позволит и вам бросить даму в беде?

Я задумался. Меня по прежнему напрягала безжизненность в глубине её глаз, прячущаяся за игривым блеском. У меня странное чувство, что я такое уже видел.

— Рассказывайте, Людмила, — чопорно ответила Милена. — Мы бы хотели сначала выяснить подробнее, о чем идет речь.

— Дело в том, — сказала Людмила, тяжело вздохнув и поглаживая колено одной рукой Сергея, другой рукой ногу Ильи. — Что я хочу спасти томящегося в подземелье прекрасного принца. Уверяю вас, речь идет о любви!

Её руки резко вцепились во внутренние стороны бедер её соседей по дивану. Илья томно охнул, но проявил волю и мужество — вскочил и спрятался от Люды за диван. Сергей попытался было последовать его примеру, но ему не хватило физической подготовки и он остался в когтях Люды.

— Сначала расскажите, что вам от нас нужно, а потом мы примем решение, — сказал я. — И не надо юлить.

— Юлить? От юла? Ха-ха-ха, какое смешное слово! А вы такой выдумчик, Храбр! — все же начала юлить Люда.

— Сейчас я встану. И мы, с моими друзьями уйдем. Разговор будет окончен. Не тяните время. Насколько я понял, у вас его нет, Людмила, — усталым голосом следователя сказал я. — Вкладывайте все.

Я правильно почувствовал. Она была в отчаянии. И цеплялась за нас, как бульдог за кусняшку. Люда рассказала нам интересную историю. История звучала как бред или сказка. Сдавленные, удивленно-панические вздохи Сергея лишь добавляли рассказу Люды нужного антуража. Нам предлагалось пройти в подземелье, отчего меня настоятельно отговаривал и Гриша и Канцлер, разогнать привидений тренировочным оружием, перебраться через пропасть, найти принца и... И оставить их с Людой наедине. Разумеется, чем больше она говорила, тем меньше я был склонен влипать в эту историю сам, или позволить это сделать Сергею или Илье, хотя они явно чувствовали себя обязанными Люде. Но закончила она свой

рассказ предложением сделки:

— А за это я вам расскажу, как эти ваши чудные вещи разбудить. Ну извините, немного подслушала, о чем вы тут беседуете...

Разумеется, я согласился.

Первый урок прошел как обычно, не считая того, что Хват в этот раз был с помощниками. Сегодня мне позволили помахать деревянной палицей, в специально отведенном месте. Подальше от остальных, чтобы не зашиб никого. Илья водил балду по дорожке и постоянно падал. Торс тренировочного механизма был открыт, и было видно как Илья потеет и старается, но отчего-то сегодня ему управление не давалось. Поэтому он даже до колес допущен не был.

Мне привинтили новую руку с намертво принайтованной деревянной дубиной. Я так думаю, что покупать настоящую, с пальцами, слишком дорого. Все равно сломают. Я залез в кабину, схватился за “ручки управления” — неподвижные скобы, обвитые затейливыми металлическими лентами, и буквально почувствовал “балду”, как свое тело. Только большое, неуклюжее. Хват пристально вглядываясь в мое лицо, спросил:

— Что, бронь чуешь? Это хорошо. Но ты не отвлекайся на это. Через недельку полегче будет.

Я кивнул и деревянная башка сверху кивнула синхронно со мной. Это неприятное раздвоение и в самом деле отвлекало и сбивало с толку. Один раз я упал и почувствовал как саднит моя деревянная жопа. Именно, деревянная. Даже не саднит, а... я как будто почувствовал повреждения... Можно назвать это болью. Теперь я понимал, что описывали отцовы гридни в своих разговорах. Пока сам не почувствуешь, трудно понять. Это был трудный урок, я тоже потел и старался, но за полтора часа сносно попадать тридцатикилограммовый дубинкой туда, куда целил, так и не научился. Как будто управляешь своими руками с помощью сломанного контроллера. То работает, то нет. Жутковатое чувство.

После конца урока, Хват выключил все тренировочные брони, вытащив из них что-то, больше всего похожее с виду на берестяное письмо, но по функционалу примерно равное ключу доступа.

Приказать нам уйти он не мог, он мог только продемонстрировать всем своим видом, что нам пора.

— Нам надо немного с оружием поработать. Наверно, на обед не пойдем, — вежливо сказал я Хвату. Очень хотелось добавить “Вы же не против”, но по отношению к Хвату, как нижестоящему, это было бы неправильно. Тут не поняли бы просто такого. Это как у домофона о погоде осведомиться. Не входит в функционал. Хват просто молча кивнул, не выдавая лицом эмоций, но зато поорал на помощников. И, вместе с молчаливыми помощниками, покинул тренировочный зал через неприметную дверь в боковине. Ну да, логично, для слуг и тут отдельный вход.

Мы с Ильей сняли со стены тупые тренировочные сабли и неспешно начали делать разминочные упражнения. Томила, к нашему облегчению, участия в этом не принял. Минуту постоял, наблюдая и ушел.

Через десять минут в тренировочный зал прокралась Люда. Сразу за ней пришли Лизавета, Милена и Сергей. То, что Сергей не ходил с нами на военное ремесло, а ходил с девчонками на домострой, который тоже шел первым уроком — наверное могло бы стать

предметом для шуток. Но мы с Ильей над ним не подшучивали, а Томила вообще ни с кем не общался.

— А вы тут зачем? — искренне удивилась Людмила нашим девчонкам. Действительно, в план они не входили.

— За тобой следить будем, — фыркнула Милена.

— Ладно, — легко согласилась Люда. На самом деле её уже потряхивало от нетерпения. Она выудила из-под юбки массивный бронзовый ключ и уверенным шагом двинулась к противоположному краю тренировочного зала. Мы расхватили со стены тренировочное оружие и пошли за ней. Я привычно отметил, кто и что берет. Милена выбрала длинный узкий меч, максимально близкий к шпаге, Лиза, Сергей и Илья взяли щиты и короткие копья, с наплавленными для безопасности на наконечники шариками. Это идеальный выбор для тех, кто слабо владеет холодным оружием. Но странный для Ильи — я предполагал, что его учили шашкой махать с самого детства, как меня. Только сейчас понял, что тот всегда предпочитал мушкет.

Людка тем временем, зашла за массивную конструкцию, к которой крепились запасные руки для тренировочных броней и позвала нас отсюда.

Вооружившись и проследовав за ней, мы обнаружили скрытую в углублении низкую дверцу, которую Люда уже открыла и стояла рядом с ней. Вернее, не стояла а аж приплясывала от нетерпения.

— Дуры, вы зачем оружие взяли? Лучше бы фонари несли! — отсчитала она Милену и Лизу. Те даже не огрызнулись, покрепче перехватили тяжёлое и неудобное тренировочное оружие, напряжённо вглядываясь в темноту.

Лампы нашлись у входа. Висели на стене, заправленные и готовые. Забавной конструкции. "Непроливайки", обозвала их Лиза.

По уверением Люды Торжковой, чья честность в делах любовных была под вопросом, а потому и доверия во всем остальном ей было мало, именно тут нас ждут призраки.

Не совсем обычные. Если обычные призраки для людей мало опасны, потому что не имеют физического тела и обычно даже не видны, то местные, вот конкретно эти, эндемические для этого коридора, мало того, что видны, еще и вооружены призрачным оружием, от которого, если верить Людмиле: “захолоднет все, и ты вздохнуть не можешь, падаешь. Кажется, будто смертушка твоя пришла”.

Мы двинулись вперед. Нас было многовато, поэтому я попросил Людмилу с одним фонарем идти сзади, а со вторым фонарем, вперед поставил Сергея. Он показался мне самым слабым, в боевом отношении, членом отряда. Мы с Ильей шли чуть впереди него.

Иронично, что потусторонние явления в этом мире, являясь объективной реальностью, в плане отношения к нему людей, сильно отличались от моего восприятия. Полтергейсты, барабашки, приведения — не повод для леденящих душу историй. Ну, подумаешь, в доме вдруг мебель начала дверцами хлопать или кто-то репой в тебя из темных углов стал бросать. Неприятно, конечно, ну да и хрен с ним. Мертвые девочки, если они прозрачные и только и могут, что страшные рожи корчить — повод для некоторых усилий против них. Заговор, соленой водой вокруг побрызгать, еще несколько способов есть. Но по прежнему, угроза уровня “плохой запах от ног”. Хотя, если призраки удумают детей напугать, то за такое зло берет и уже всерьез займутся изгнанием.

Люди, по ощущениям Мстислава, боялись больше всего оборотней. Хитрые, знают людей, могут пробраться в дом в человеческом обличье и всех убить. Оборотни занимают в

этом мире нишу маньяков в моем. Зверское убийство почти всегда вызывает панику и подозрительность к чужакам, организуются облавы и народные ополчения, привлекаются профессиональные охотники. В этом есть смысл. Я однажды читал удивившую меня историю из восемнадцатого века, про Жеводанского зверя. Зверушка завелась во Франции и за несколько лет убила больше ста человек. Конечно, в моем мире этот факт объяснялся как угодно, кроме того, что это был оборотень. В чем, кстати, не сомневались местные крестьяне. Так вот, в этом мире, этот зверек бы точно оказался оборотнем. И по результативности, он бы был чуть ниже среднего.

Сразу после оборотней шли ведьмы и колдуны. Нечто вроде террористов в нашем мире. Как считалось, колдуны и ведьмы получали личные силы в обмен на зло, приносимое людям. Зло было довольно разнообразным — от банального отравления скотины и колодцев, до поджогов и убийств оставшихся без присмотра детей. Иронично, что в этой версии реальности, колдуны, похоже, не считались способными вызвать неурожай. Правда, долгое отсутствие дождя в положенное время года — тоже повод поискать в округе ведьму.

И только после всего этого уже шли всякие там мертвяки, упыри и разнообразная нечисть. Как я подозреваю, это из-за того, что эти явления были обычно четко привязаны к конкретному месту.

Наверняка, кто-то вроде Велимудра бы камня на камне не оставил от такой моей квалификации сверхъестественного. Но мне, как современному человеку, просто необходимо было выстроить хоть какую-то систему координат. И пока эта меня устраивала. Тем более, что призраки по опасности в ней внизу рейтинга. Тем не менее, чувствуя холодный пот на лбу и вглядываясь в темноту за маленьким световым пятном от лампы Сергея, я понял, что помогает это плохо. Когда я наконец его увидел, я даже, в каком-то смысле, испытал облегчение.

Из темноты, навстречу мне шагнул человек. Он был мертв. И давно. Череп с пустыми глазницами и кусками недогнившей плоти, лохмотья одежды и плоти на костяке. В скелетированной руке — неожиданно хорошо сохранившийся длинный меч.

Двигался он немного скованно, как будто недавно проснувшийся, или просто пожилой. Что совсем не плохо, учитывая состояние его мускулатуры. В принципе, он двигался достаточно быстро, чтобы успеть воткнуть в кого ни будь меч. Поэтому я не стал давать ему и шанса, а шагнув ему навстречу, быстрым движением рубанул его по голове.

Тупая тренировочная сабля сквозь черепушку прошла, не встречая сопротивления. Как сквозь голограмму. Не догнивший скелет нелепо дернулся и упал, рассыпаясь на куски еще в воздухе. За моей спиной кто-то истошно завизжал. Но я не стал оборачиваться. Кучка костей у моих ног медленно исчезала. Прямо как в компьютерных играх.

— Заткнись, не ори! — заорала Милена.

Визжащий прервался но, судя по захлебывающемуся вдоху, только для того чтобы набрать воздуха.

— Дай её пощечину, чтобы в чувство пришла, — сказал я обернувшись. И понял, что визжит не Людмила. Серега, вытаращившись на то место, где медленно растворялся в воздухе мой неудачливый противник, раскрыл рот и снова начал истошно вопить тонким голосом. Милена отвесила ему лихую затрещину. Ладонью. Но от плеча. Сергей с лязгом захлопнувшейся челюсти навернулся с ног на пол, выронив лампу. Эта медная конструкция хитрой формы не погасла, оправдав данное ей Лизой название.

Милена, внезапно превратившись в сурового сержанта с кукольным личиком, схватила

Серегу за грудки и стала его трясти, приговаривая:

— Посмотри не меня! На меня смотри! В руки себя возьми! Заткнись, дурак!

— А ну не трожь его! — завопила, наконец Людка. И бросилась на защиту Сергея, закрывая его спиной от разъяренной Милены. Прижав все ещё ошарашенного и испуганного, но уже хотя бы не вопящего Сергея к пышной груди, Люда гладила его по голове и с материнскими интонациями приговаривала:

— Страшно, да, маленький. Но ничего, ничего, видишь Храбр как его рубанул, так он и рассыпался. Ничего, ничего, не бойся. Все хорошо будет.

— Кто-нибудь, что-нибудь подобное видел? — решил я устроить совещание. Не самое удобное время, согласен. Зато я заодно, проверил боевой дух солдат. Милена была на грани паники, но держалась. Илья бледен, но функционален. Лиза спокойна как удав. И даже пыталась острить:

— На морок не похоже, ты ж слышал как твоя сабля о его клинок звякнула? Или это Серезины стальные яйца на пол упали?

— За своим яйцами следи, — пресек я на корню булинг товарищей по команде. — Что там у вас?

— Все нормально, — немного подрагивающим, но членораздельным голосом ответил Сергей и поднялся с пола. — Просто, сука, неожиданно выскочил.

Я ободряюще положил ему руку на плечо. Заодно проверяя не бьет ли его нервная дрожь. Хотя, это для стрельбы важно, тут же ему копьём работать. Я ободряюще улыбнулся и сказал Сергею:

— Согласен. В следующий раз, если боишься — бей!

Его задача малая, пусть фонарь не роняет, остальное мы сделаем.

— В строй. Выдвигаемся! — командовал я, переходя на привычные отрывистые фразы.

Честно говоря, слушались меня так себе. Достанься нам что-то серьезное в противники, и все могло бы обернуться плохо. По мере продвижения из тьмы выступали все новые враги. Похожие на первого мертвяка, они некоторое время беззвучно разевали рты, размахивали мечами — короче, всячески демонстрировали свои зловерные намерения. Нападали по одному, не пытаясь навалиться толпой или пырнуть исподтишка. И исчезали, стоило их только ткнуть тупым оружием. У меня сложилось устойчивое ощущение, что я попал в квест-комнату с дополненной реальностью.

Мы преодолели метров сто искривленного коридора, “убив” по дороге десятков голограмм (назвать их противниками я не могу), разумеется без потерь. Проход, по которому мы пришли, был явно рукотворный. А пещера, в которой мы оказались сейчас, казалось естественной. Насколько, конечно, я мог судить. Выйдя язык, буквально “заросший” сталагмитами. И оказались перед глубокой пропастью. Ну, как глубокой. Свет фонаря давал обзор метров на пять. Так что, минимум метров пять в вниз глубины было.

Дальше путь шел по бревнам, торчащим из стены пещеры. И торчали они довольно далеко друг от друга. По ним придется прыгать. И никаких тебе страховочных веревок, не говоря уже о такой роскоши, как перила. Честно сказать, по таким скакать, надо быть циркачом или шаолиньским монахам. Я растерянно разглядывал эти, даже на вид, скользкие, бревна.

— Спокойно, я все предусмотрела, — сказала Людмила и полезла себе под юбку. И вытащила моток пеньковой веревки. — На кухне вчера сперла!

Мне даже интересно стало, что у неё там еще спрятано. Ну, кроме того, что есть у всех

девушек под юбкой.

Сергей бросил в темноту провала камень. Через пару секунд донесся тихий всплеск.

— Я не полезу! — сказал он.

— Спокойно, я полезу, — сказал я.

Глава в которой слишком много всего происходит, чтобы имело смысл её пересказывать. Конечно же, это так же значит, что вы почти ничего не потеряете, если просто её пролистнёте.

В принципе, ничего сложного, главное под ноги не смотреть. Каждое следующее бревнышко торчало чуть ниже предыдущего. Достаточно не сильно сопротивляться силе тяготения и, не заботясь о будущем, бездумно шагать вперед. Аллегория на неразборчивые половые связи прямо. Надо было просто сделать уверенный шаг — и вот ты на следующей. У меня был опыт... В смысле, опыт прохождения полосы препятствий. Даже на время. А еще у меня было тело Мстислава, который был сейчас не на пике своих физических возможностей... Но на восходящей кривой, точно.

На одном конце веревки я сделал петлю и накинул на сталактит, другим концом обвязался сам. Страховка на непредвиденные ситуации. Саблю засунул за спину, продев под мундиром. Хорошо, что она тупая, а то бы не получилось так сделать. Было не очень удобно, рукоять давила на затылок. Но держалась сабля хорошо, выпасть не пыталась, надежно зацепившись гардой за воротник. И вообще, я постоянно в кино и играх видел, как мачо всякие мечи так носят. Почувствовал себя круче и уверенней. Правда, с узлами пришлось повозиться. Веревка была пеньковая, как подсказывала память Мстислава, и больше всего напоминала шпагат. И гнулась плохо. Но зато толщиной аж в палец. Меня одного точно выдержит. Не упаду. Вроде бы все предусмотрел.

— Я перейду по этим жёрдочкам до конца, и закреплю там конец веревки. Вы сможете себя к ней привязать и безопасно перебраться, — объяснил свой план я. — Но это, если веревки хватит. Если не хватит, вернусь. Если упаду, то повисну на веревке, и вы меня вытащите.

Вроде покивали согласно. Я подхватил лампу и двинулся вперед. И в самом деле, оказалось легче, чем казалось. Почти сразу я разглядел впереди и внизу скальную площадку. Супер неудобных ступенек в этой идиотской лесенке оказалось всего штук шесть. Я спокойно спускался, придерживаясь за неровности стены. Подошва кожаных сапог, сшитых по ноге, как оказалось мало чем уступала спортивной обуви. Я видел, что последнее, шестое бревно, тускло поблескивает в свете лампы, как будто маслом смазанное — но не придал этому значение. До этого я ведь двигался легко и спокойно. Меня подвела самоуверенность — последнее бревно оказалось мокрым и скользким. Моя нога соскользнула. Вместо того, чтобы красиво и грациозно встать на бревно, я нелепо уселся на свою задницу. Тут же развернулся, хватаясь руками за скользкое дерево, но не успел — соскользнул дальше. Единственное что я успел — положить на бревно руки. Зацепился предплечьями, уперся локтями.

— Храбр! — крикнула испуганно Милена.

— Нормально, я держусь. Не стойте, веревку тяните!

Я сохранял полное хладнокровие. Обнаружил плоский выступ в стене пещеры. Прямо полочка, как раз ногу поставить. Я поставил туда лампу. Перехватился за бревно поудобнее. И понял, что все равно соскальзываю. Веревка уже натянулась, но она у меня была обвязана

вокруг пояса. Поднималась вверх, огибала бревно и тянулась к остальным. Получился, как будто блок. Так они меня не вытянут. Я схватился руками за веревку, пытаюсь подтянуться на ней, но ладони были измазаны в слизистой гадости. Похоже бревно начало потихоньку гнить. Наверно на эту “ступень” откуда-то сверху периодически капает водой. Я попытался снова облокотиться на бревно локтями, но соскользнул и повис над бездной, неспешно покачиваясь.

— Храабр! — прокричала, судя по голосу, Милена. Именно тогда я впервые услышал её настоящий, хоть и испуганный голос. Может, с настоящим, я немного погорячился. Это было впервые, когда она забыла притвориться милашечкой — и сейчас редела как раненая медведица. Даже басок Илья, крикнувший:

— А ну держись там, сука, а то в морду дам! — больше на девичий походил.

— Держусь, держусь, — отозвался я. Зацепился за верёвку одной рукой, повернул себя поудобнее, с трудом, борясь с качкой и другими превратностями судьбы, снова зацепился за бревно. И тут мне в руку кто-то вцепился.

— Эээ бл... — слегка удивился я. Ладно, я на самом деле, чуть не обосрался. Подняв взгляд, увидел в тусклом свете откровенно испуганное личико Милены. Сидела скрючившись на бревне — и как только не упала — и смешно пыхтела, пытаюсь вытянуть меня наверх. Мне потребовалось время, чтобы выразить свое удивление подобающим для девичьих ушей образом. Я сказал, почти без матов, примерно следующее:

— Ты зачем? Ты же без страховки! Оставь меня, милая девушка, я и сам справлюсь!

Мой испуг мгновенно сменился злостью. Я вцепился свободной рукой в Милену, но не для того, чтобы подтянуться, а наоборот, чтобы удержать её, если она свалится. Вообще удивительно, как она еще с этого скользкого насеста не упала. Потом я закинул ногу и начал выбирать. Приходилось напрягать все силы, но без ложной скромности отмечу — я смог одновременно с этим на неё матерно ругаться. Очень тихо. Про себя. Вот же придурочная, без страховки, не по плану...

Именно в тот момент, когда я уже почти выбрался, и веревка мне начала уже скорее помогать, чем мешать, она и лопнула. Не Милена, веревка.

Натуральная пенька, млять. Без ГМО, сука. Выбор лучших одноразовых спелеологов. Не самом деле сам виноват. Что я, не знал, почему нынче все веревки из синтетики делают? Ну вот, теперь точно знаю. Потому как говно эти ваши натуральные материалы, вот почему.

Я раскорячился, как паук, прилип к стене и бревну как последний пельмешек ко дну в кастрюле. И даже умудрился все еще держать одной рукой Милену. Как же мне чудовищно, невыносимо, удручающе сильно мешала моя лихая заспинная сабля. Что делать в сложных жизненных ситуациях, у меня было вписано многолетней практикой в подкорку. Чуешь, что вокруг опасно и жизнь висит на волоске — командуй! Не знаешь, что делать? Командуй! Тупая в прямом и переносном смысле сабля пытается скинуть тебя в пропасть? Почему бы и не покомандовать?

— Не шевелись! Не вздумай шевелиться! Молчи, женщина! — орал я на Милену, судорожно нащупывая ногой опору. Нащупал. Смог поставить сапог на плоскую площадку. Ту самую, на которой уже стоял фонарь. Естественно, по закону подлости, пнул его и он полетел вниз. Я остался в позе “польскознувшийся на лестнице в момент последней попытки сохранить равновесие”, или, может даже “принудительный шпагат за секунду до разрыва сфинктера” — в любом случае, удобным мою позу не назвать. Хорошо, хоть Милена послушно замерла.

Лампа булькнула и ушла под воду глубоко вниз. Правда, немного масла успело брызнуть на стену, и сейчас стремительно догорало в яркой вспышке перед концом. Благодаря этому мы с Миленой видели друг друга.

— Смотри, — сказал я. — Вон, видишь уступ? Два шага до него. Сейчас я тебя придержу, ты встанешь и спрыгнешь на него.

— А ты? — спросила она. А я... А я чувствую что соскальзываю. Походу уселся не удачно, меня реально сабля пытается вниз скинуть. И я разозлился еще больше. Вообще, в этом мире, девушки фактически принадлежат семье. А в семье у нас, на Руси, вроде как патриархат. Или Мстислав что-то не так понял, или Милену неправильно воспитали. Я тяжело вздыхаю, чтобы заглушить скрипение своих ногтей по камню и спокойным голосом говорю:

— А я сразу за тобой.

Она кивает, подбирает под себя ноги. Я смотрю вниз и вижу, что ей придется опереться на меня, чтобы встать, слишком уж неудобно она села. И это опрокинет нас обоих. И именно в этот момент, в последнем сплосхе света догорающих на стене пещеры капель масла, я вижу поросшую красной шерстью лапу с острыми, длинными когтями. Буквально вбив эти когти в твердое дерево, кто-то приземлился рядом с нами. А потом с клокочущим рычанием оторвал нас от нашей жердочки и швырнул вперед на камни. Сначала Милену, а потом и меня.

Я знатно шваркнулся, ударившись коленями, но тут же вскочил, вытащил свою тупую (и в буквальном, и в переносном смысле) саблю и заорал:

— Кто тут?

— Это я, Лиза, — ответил кто-то клокочущим, с фоновым рычанием, и вообще подозрительным голосом. Еще и сзади.

— Я иду, я вас вытащу! — орал Илья. Как честный человек, он орал срывающимся на петушиный вскукарек испуганным голосом. И спереди, орал, в лицо почти. Это тоже, знаете ли, надо ценить. Но это вы поймете когда вам кто-то голосом газонокосилки в темноте сзади скажет "Это я, Лиза". Вот до сих пор вспоминаю этот момент и горжусь мощью мышц моего сфинктера. Будь я в своем теле, точно бы обделался.

Тем не менее, долго вертеть башкой по сторонам мне было некогда. Илья не просто орал, он и он в самом деле шел. Ему явно было очень страшно, он мешкал каждый раз, когда надо было прыгнуть на следующее бревно, но уже добрался до последнего. В одной руке он держал лампу, а другой, так же как я, придерживался за стену.

— Стой, там скользко! — крикнула Милена, но было поздно. Илья прыгнул на последнее бревно, то самое, коварное как Лада — поскользнулся, и с удивленным выражением лица ухнул вниз. Я рванулся было за ним, но Милена и кто там прикидывался Лизаветой, меня удержали. Я встал на карачки, подполз на ощупь к краю площадки и крикнул вниз:

— Илья! Илья! Выплывай! Главное не дай себя унести потоком! Мы сейчас кинем веревку! Илья, гад! Не молчи, а то щас спрыгну и утоплю тебя на хер!

— Ну хорошо, что только утопишь, а не посадишь, — хихикнули сзади почти нормальным Лизаветиным голосом.

— Да тут я, — донесся голос Ильи, с неожиданно близкого расстояния.

— Где тут? — не понял я. Темно было, как... Хотя нет, свои вытянутые руки я еще слегка различал.

— В воздухе застрял, — ответил Илья.

— Сеть там натянута. На сети он лежит, — уже вполне нормально сказала Лизавета, — сейчас у вас глаза привыкнут, тоже увидишь.

Не увидел. В конце концов Лизавета нашла веревочную лестницу с другой стороны площадки, спустилась по ней, потом за руку вывела к нам Илью. Только когда он оказался рядом, отозвался на мои вопросы, получил кулаком в бок, за глупость, ответил мне сбившей меня с ног затрепачной, я наконец сказал ему:

— Спасибо!

— Да ладно. Да ты бы тоже так сделал, — смущенно ответил он.

Мы еще немного постояли рядом.

— Так, что у нас творится. Лизавета? — начал перекличку я.

— Я рядом с вами сижу. Умиляюсь, — нормальный ехидный голос. Я осторожно протянул в её сторону руку, она ей пожала своей. Никакой шерсти, когти в пределах разумного. Ладно, с этим потом. Кто следующий. Милена! Что-то она затихла.

— Милена? Милена?!

— По правую руку от тебя, в двух шагах. Сидит щеки надув, как белка. И что-то себе под нос бубнит, — пришла мне на помощь Лизавета. Я повернулся в указанном направлении. И тут мне впервые пригодилась хитрость из учебки. Если в темноте не смотреть прямо туда, куда тебе нужно, а чуть в сторону, то можно периферийным зрением разглядеть то, что так не видишь. Я давай коситься мимо. Разглядел светлое пятно. Надо думать, это её волосы. Если бы было лицо, то было бы красное от злости. На что она опять злится? Я нащупал рукой это светлое пятно и подтянул его поближе. Легкий цветочный аромат и даже через ткань ощущаемое недовольство. Да, точно, это Милена.

— И тебе Милена, большое спасибо, — начал было я, намереваясь развить благодарность. Все таки смелый поступок, тем более для девушки. Я хотел как-то выразить свое восхищение.

— Это в последний раз, — буркнула она, — чтобы я, тебя дурака, еще хоть раз спасала? Да ни в жизнь!

— Все равно, спасибо, — немного растерянно ответил я.

Тут нас отвлекли вопли Сергея с Людмилой. Выяснив, что мы живы а по низу натянута сетка и переправляться безопасно, Сергей решил. Впрочем, у меня есть подозрения, он просто догадался что они с Людмилой остались вдвоем против зловещих голограмм. Не, они и правда зловещие, я ни в чем его не виню.

Сергей отправился в к нам, под аккомпанемент возмущенных криков Людмилы. И одобрительных — наших. Непонятно, что от него требовала Людмила. Остаться с ней навсегда в темноте? Ладно, скорее всего она просто перенервничала, бывает. Двигался Сергей, неожиданно уверенно. Зная о коварстве бревен, он умудрился не соскользнуть с последнего, просто оттолкнувшись от него сапогами. Он был, как и я, предусмотрительно обвязана веревкой. Мы сняли с него веревку, нашли подходящий выступ и натянули привязали к нему свободный конец. С помощью верёвки и проявив немало упорства, к нам, минут через десять, присоединилась и Людмила.

Её даже уговаривать не пришлось, я просто крикнул, что мы уходим. И вот, она уже орет нечленораздельно. Так как ор приближается, значит, она ползет к нам. Остается лишь немного подождать. Элементарно, Ватсон.

За это время глаза и правда привыкли к темноте. Не надо думать, что я смог теперь

ходить как дома. Я бы сравнил с темной комнатой, поздно ночью, с плотно занавешенными окнами, где единственным источником света выступает тусклый индикатор зарядки на смартфе. А ты в той комнате, где его нет. Ладно, короче очертания предметов вблизи я с трудом разглядеть мог, но о том, чтобы куда-то идти, не используя саблю, как палочку для слепых, и речи не шло.

Кстати, оружие, сохранил только я один. Кто бы сомневался. Но, я вам устрою оргвыводы за утерю штатного вооружения, если в живых останемся. Сначала мы, как настоящие герои, шарились впотьмах почти на ощупь. Стучались о камни, друг друга, падали и ругались. И именно благодаря последнему выяснилось, что Лиза ориентировалась в темноте довольно хорошо. В конце концов мы образовали связку из слепых. Поводырем была Лиза, а мы шли за ней гуськом, держась друг за друга.

Ход вел дальше вниз, постоянно поворачивая. Как будто очень большой и бестолковой пандус. После второго поворота, стало очень быстро стало светлеть. Мы шли по довольно крутому спуску вниз, который извивался вдоль стены как червь. Свернув в очередной раз мы обнаружили впереди отсвет. Как будто там было огромное окно в лето — желтый свет выглядел именно как солнечный. А еще, слышалась музыка.

Поскольку, в процессе переправы, мы растеряли все свое оружие, то теперь оставалось полагаться только на четкое взаимодействие, исполнительность каждого члена отряда и...

— Я проверю! — сказала Лиза, и побежала вперед. Только сейчас я заметил, что она босиком. Бежала она хорошо — буквально скользила от укрытия к укрытию, стелилась по земле. Осторожно и быстро выглянула за угол. Спряталась немного посидела. Снова быстро выглянула, в этот раз немного подольше задержав головку на свету. Как мне показалось, немного растерянно повертев ей по сторонам. Потом вернулась к нам.

— Там солнце, луг и поющие жабы... — начала она свой доклад. Я уже расчистил немного места на каменном полу, готовясь набросать карту. Надо было уточнить диспозицию, выработать тактику, предусмотреть пути отхода...

— Я иду, мой принц, — заорала Людмила. Причем, хитрая же бестия, заорала не сразу, а успев отбежать шагов на двадцать. Когда мы уже её побег заметили и за ней кинулись. Бежала с удивительной скоростью, — мы еще и половины пути до поворота из которого падал свет не преодолели, как она уже сквозанула туда. Мы гурьбой выбежали за поворот и остановились, закрываясь руками от яркого, ослепляющего солнечного света. Ничего я разглядеть толком не смог, только то, что впереди и правда луг, покрытый изумрудно зеленым клевером и маленькими, яркими, желтыми цветами.

— Пам, пам-пам, — выводил густой, глубокий и аж бархатный бас.

— Ля-ля-ля-ля, ля-ля, — стройным хором подпевали ему тонкие девичьи голоса.

Хорошо пели, прям одно удовольствие слушать.

— Простите. Я ищу принца, превращенного злой ведьмой в жабу, — раздался странно жаждущий голос Людмилы.

Её вопрос прервал песню. Вернее, даб степ, или что там они пели. Сначала прекратился "Пам-Пам", а за ним замолк и девичий бэк вокал.

— Заколдованный Принц, это я, — сказал густой, бархатный бас.

Глава 8

Глава с детективной историей, полная загадок и недосказанности, с подозрительной активностью за углом. На случай будущих экранизаций — для этой главы придется провести кастинг, в котором никак не обойтись без консультаций с автором.

Я наконец проморгался. Осмотрелся. И решил, что не помешает проморгаться еще разок. Изумрудная трава, клевер. Маленькие такие, бархатные листочки, плотным пушистым ковром. Так и хочется со счастливой улыбкой с разгону упасть в них, широко раскинув руки. Местами зелень украшали желтенькие цветочки. А на заднем фоне кувшинки. Над всем этим, на массивном, согнувшимся под тяжестью, толстый стебель. Похож на подсолнух, только размером с дерево. С ярко светящимся, как маленькое солнце, апельсином вместо цветка.

Я уверен, уж апельсин-то я опознаю, светится он или нет. И запах цитрусовых тут тоже присутствовал. Далеко, на глубине замороженного в стазис от удивления сознания, мелькнули слабые тени беспокойства, а не радиоактивный ли этот апельсин. Выглядит он так, как будто в реакторе вырос. И светится как минисолнце, которое, кстати, тоже на термоядерных реакциях работает. Хотя, если мои подозрения в радиоактивности этого чуда верны, то уже поздняк метаться.

— Я так мечтала встретиться с вами, мой принц! — о, каким дрожащим голосом пролепетала это Людмила. Она стояла рядом с жабой. С жабой, которая потрясала своими размерами. Фактически, встань Серега на четвереньки и я уверен, он окажется заметно меньше этой жабы. И, раз в пять, потоньше.

— И я скучал, моя дорогая, — своим глубоким, завораживающим голосом ответила жаба. Её огромная пасть, плоская жабья морда и выпуклые глаза были... Ну, жабы. Вот только мимика у жабьей морды была почти человеческая. Эта пугающе огромная жаба, не без изящества, взяла передней лапой руку Людмилы. Очень интеллигентно, за самые кончики пальцев. И проговорила.

— Скорее же, сними с меня проклятье!

На заднем фоне, на камне, сидели три жабы поменьше и они были... Феминные. Я не готов вот так сразу сказать, как именно это работало, но при первом же взгляде на них, становилось понятно — девочки.

И они синхронно затянули высокий напев, похожий на разноголосицу в христианском католическом хоре.

— Это морок! — прошипела Милена.

Я взмахнул саблей перед собой, подняв её на уровень глаз. Все знают, что железо гасит волшебство, поэтому на всех шлемах есть полумаски — если смотреть через железо, почти любой морок теряет силу. Я, Сергей и Илья приблизили лица к полотну сабли, пытаюсь смотреть как бы через неё.

— Цветы точно настоящие, — неуверенно сказал Сергей.

— Трава настоящая, — доложил я.

— Камень... Ох, какие камни... — поддержал нас Илья.

— Вы ведь на баб смотрите, да? — спросила Лиза-обломщица.

— Ща я вам заговор от морока сделаю, — почему-то не разозлилась, а даже

развеселились Милена. И полоснула себя ножом по большому пальцу. Осторожно, нож никому не показывая. Я просто оглянулся на неё, поэтому заметил. Не вытаскивая ножик из сапожка, сделала надрезик на пальце, скривилась, и стала что-то быстро нашептывать на выступившую кров. Потом меня отвлекла Людмила, которая потянулась в томном и полном предвкушения поклоне, к губам мегажабы. А потом я снова перевел взгляд на жабье три беквокалисток. Если смотреть прямо поверх полосы стали, морок шел волнами и истончался. Под личинами жаб скрывались три нестерпимо, до зубовного скрежета, красивых девушки. Я толком не мог связать их образы воедино, сознание выхватывало то плоский живот, то крутое бедро, то томные нежные губы, то полные обещаний глаза...

Милена подкралась и мазнула меня своей кровью сначала по веку одного глаза, потом другого.

— Зри в корень, — сказала она. Потом повторила эту процедуру с Ильей и Сергеем. Хотя ей пришлось хватать их за подбородок, чтобы они не дергались — ведь она мешала им смотреть на красавиц. Закончив с нами, Милена шагнула к державшейся позади Лизе, но так отказалась:

— Я и так все вижу.

Мы по-прежнему смотрели на девушек. Но я подозреваю, теперь у нас были совсем другое выражение лица. Морок жаб на них уже почти не просматривался, и наложенная под ним картинка сексапильных красоток была прозрачной, едва видной. А под ней... В общем, я не склонен обсуждать недостатки незнакомых женщин, но увы, я не могу найти не одного достоинства. Ограничусь тем, что скажу — если бы не треугольнички висящих грудей, то они бы вполне могли сойти за жаб и без всякого морока.

— Это так ужасно... — с тоской сказал Илья.

— Такое разочарование, — согласился с ним Сергей.

— Я про Люду... — ответил ему Илья.

К стыду своему, я застрял в осыпавшихся иллюзиях и совсем забыл про Людмилу. Только после слов Ильи я перевел на неё взгляд. И обнаружил, что она яростно, страстно, взасос целуется с жирным жабообразным мужиком. Нет, я всякое в интернете видел, но этот хмырь все же явно далеко выходил за границы изменчивости человеческой расы. Пасть размером с женскую сумку, глаза на выкате, размером с бейсбольный мяч, сморщенная кожа складками, густо, как веснушками, усыпанная бородавками. Каждая бородавка претендовала на самую мерзкую в мире — с бахромой и разноцветными соцветиями. Поцелуй с Людмилой уже давно перешел все рамки приличий. Они наконец оторвались друг от друга. Но, только для того, чтобы Люда томно прохрипела:

— О мой принц, — и начала заваливаться на спину.

“Принц” потянулся за ней, с камня на котором сидел. У него были руки и ноги одинаковой длины, и ходил он как тритон, широко их расставив. Когда он выбрался из-за камня целиком, я смог насладиться зрелищем, которое заняло достойное место в ряду “незабываемых”. У этого существа была просто огромная мошонка. Как будто два грейпфрута положили в авоську. Пока он буквально подкатывал свои яйца к Людмиле, я смотрел на это и думал, что в этом мире я слишком уж часто вижу чужие херы и яйца. Надо что-то менять в своей жизни. Где я повернул не туда?

— Так, вы не подходите, я сама! — рывкнула своим ангельским голосом Милена и бросилась вперед.

Я вяло наблюдал, как она схватила жабьего принца сзади за шею, и потащила прочь.

Сначала тот отчаянно заверещал, но тут же получил изящным сапожком по морде и затих. Три гламурные дивчины заохали, запереживали. По прежнему нечленораздельно, по прежнему очень красивыми голосами. Милена на них прикрикнула, и они спрыгнули с камней, на которых сидели, и скрылись под травой. Как как в воду нырнули.

— Следите, чтобы не плюнул, — предупредила Милена. — Ну, что встали? Передернете может, чтобы отпустило? Вон Людку оттащите, а то она сейчас опять на него кидаться начнет.

Людмила Торжкова изгибалась в сладкой истоме, облизывала губы, и не открывая глаз шарила вокруг руками. И стонала, как в рекламном ролике нового вибратора — чувственно и с звенящим предвкушением.

Действительно, я что-то завис, на меня это не похоже.

— Это безобразие! — орал жаборылый в камни, не смея впрочем дергаться и пытаться повернуть голову. Милена все же извлекла один нож и приставила к его шее. Он тут же заткнулся. Мила опять старалась держать свой клинок так, чтобы особо не светить им перед Ильей и Сергеем. Илья опомнился раньше других — он подхватил Людмилу под руки и оттащил ей за угол. Она хваталась за него руками, тянулась к нему лицом, перемазанным слезью и стонала что-то про входы в самые глубины. Я не прислушивался. Я наконец смог высказаться.

— Что. За. Ебепотребство. Тут. Творится! — Я хотел сказать другое слово, но язык не повернулся. Видимо, Мстиславу правила приличий на подкорке выдавили, при дамах не матерится и все.

— Ну, допустим, у меня есть теория, — сказала Лиза.

— Ах, мой принц! — вскрикнула Люда из-за угла.

— Пойду посмотрю, что они там делают, — пробормотал Сергей и бросился на голос Люды.

— Это же болотник? — полуутвердительно спросила Милена. — Откуда он здесь?

— Нарочно посадили, к гадалке не ходи, — ответила Лиза. — Мила, осторожней, он тебя лизнуть пытается!

Мила снова пнула лежачего. Я приставил свою саблю к его шее. Сказал хриплым голосом:

— Не дергайся, жаба. А то... — я на секунду задумался над угрозой. — А то яйца отрежу.

И приставил затупленное острие сабли к его мошонке. Да ладно, чего уж там. Воткнул, как в пакет с супермаркета. Тут не промахнешься.

— Ой, папенька! — взвыл пленник. — Послушайте, это какая-то драматическая ошибка, у меня уговор с вашими старшими! Я просто соблазняю всех, кто проходит мимо. И не соблазняю тех, кто говорит что он тут работает. Всё!

— Какой договор? Подробнее! — начала напирать Милена.

— Обычный! Спросите у ваших! Я просто пытаюсь выполнять свою работу! Уберите саблю с яиц, они нужны мне для выполнения моих обязанностей!

— И часто ты тут соблазняешь мимоходящих? — спросила Лиза.

— Договаривались на один раз в полгода, но потом зачастили, — отозвался жаболицый и осторожно повернул голову. Повернул совсем чуть-чуть, но этого хватило, чтобы он уставился на меня глазом. У него обзор, похоже, на 320 градусов, не меньше. — Молодой человек, послушайте, мы ведь с вами друг друга понимаем...

— Не верь ему, он бы и тебя... — хмыкнула Милена.

— Не надо наговаривать! Для мужчин у меня есть три самочки!

— Это болотники, Храбр, они пол меняют, — сказала Лиза. Она, кстати, из осторожности держалась подальше.

— Ну не за пять минут же, милочка. Даже не за месяц. Пол менять это не платье новое надеть, знаете ли, — болотник попытался лечь поудобнее. Я надавил на саблю, вызвав у него испуганный вскрик. Ворочаться он перестал.

— Лежать! — рявкнул я. — Колись, жабья голова, на кого работаешь?!

— На Канцлера! — взвыл болотник. — Послушайте, это драматическое недоразумение, вам следует поговорить с вашими старшими...

— Ты это уже говорил, — пнула его в бок Мила. — Давно ты Люду приворожил?

— Моя работа соблазнять всех входящих, — угрюмо ответил болотник. — К тому же, вы люди, все на одно лицо. Я вас только по цвету волос различаю, уж простите за откровенность.

— Откуда у него такая велеречивость? В болоте набрался? — удивился я. Действительно, подспудно я ожидал, что он если и будет говорить, то как полудикий крестьянин.

— С жертв насосался. Они память смотрят. Чем больше людей поимеют, тем умнее становятся, — сказала Лиза. — Но вообще им мясо человеческое очень нравится.

— Это не про меня. В договоре про это строго. Никакой человечинки, — тут же скороговоркой отозвался болотник и шумно втянул слюни.

— А что ты охраняешь? — вдруг вспомнил я логику игр. Это ж босс? Босс. У него должен быть лут, а за ним проход на следующий уровень.

— Я же объяснял, я ничего не охраняю. Просто соблазняю, кто мимо идет. Только если они тут не работают.

— Врет он все. Кинулся на Людку, вы же видели? — с сомнением сказала Милена.

— Она тут не работает! — взвизгнул болотник.

— Ты же вроде людей не различаешь? — поймал его на противоречии я.

— Она меня “принцем” назвала, — отозвался болотник. — Поэтому и узнал.

— Подробней, — сказал я, почти ласково положив ногу ему на яйца. Они были мягкие и отвратные. Я убрал ногу и вытер подошву о камень. Болотник, сначала затих, прислушиваясь к моим манипуляциям, а потом затараторил:

— Послушайте, я и в самом деле не понимаю причин вашей агрессии. Я просто выполняю свою работу. Я соблазняю людей, которые идут мимо. Иногда сюда приходят те, кто издалека кричит, что они работают тут, или работают на канцлера, или еще как-то дают понять, что не являются моей целью. Их я не трогаю. Эту милую юную особу привела ко мне однажды группа молодых людей. Девушки и парни. Это я могу отличить. Показали на меня, сказали “Смотри, принц”. Сами они держались в стороне, а она подошла ближе. Я выполнил свою работу. Она потеряла сознание и они унесли её дальше. Это повторялась еще пару раз. Потом прекратилось. И вот, спустя много времени, приходит людская женщина и говорит “Вы принц”? Что я по вашему должен был сделать? Я еще раз повторяю, я просто делаю свою работу. Как могу, хорошо. Поговорите со старшими и, я полагаю, все недоразумения будут сняты!

— Илья, вы что там затихли? — вдруг крикнула Милена.

— Держим её, чтобы не сделала нам... Чтобы ничего не сделала, — пропыхтел из-за

угла Илья.

— Держут, — подтвердила Лиза. — А она вырывается. Борьба идет с попеременным успехом.

Воспользовавшись секундным замешательством, болотник вдруг резко дернулся в сторону, вырвался из захвата Милены, выдернул мошонку из под моей тупой сабли и стремительно, хоть и неуклюже как гусь, заковылял к поляне. Я дернулся было за ним, но Милена меня схватила за локоть:

— Не лезь! Плюнет, или в трясины затянет, — сказала она.

— В трясины? — удивился я.

— Присмотрись. Это же кусок болота. Там вода внизу, — кивнула Милена. Я присмотрелся. Да, когда ничего не отвлекало и без мороков, я заметил отблески воды, услышал тихий плеск. Болотник добежал почти до середины поляны, обернулся, злобно и утробно квакнул, и нырнул в траву. После него осталось окошко с водой посередине которое начало медленно затягиваться.

Я задумчиво почесал подбородок. Привычка после бороды осталось. У меня, не у Мстислава. Спросил у Милены.

— Слушай, у него, получается, слюна похоть вызывает?

— Не только, все вместе работает, — сказала Лизавета. — Это ж чудесник.

— Да, — перебила её Милена. — В Храме такой приторговывают. Говорят, сладко после неё сношаться, как никогда. Но чаще, чем раз в год, давать нельзя. Привязывается человек.

— А о чём вы там беседуете?! — крикнул Илья. Подозрительно довольным голосом.

— Что с Людкой, лучше скажи! — крикнула в ответ Милена.

— Кончила... Кхм... Закончила вырываться, — как-то несмело ответил Сергей. — Кажись, устала. И засыпает.

— Похоже на яд болотника. И она не засыпает, она в беспамятство впадает. Полчаса будет как мешок. Помнить ничего не будет, ни то, что сейчас было, и еще полчаса до этого времени. Она сейчас не чувствует ничего. Вот теперь болотники бы её и есть начали, — поделилась эрудицией Лизавета. Судя по тому, как внимательно её слушает Милена, это не самая общеизвестная информация.

Из-за угла вышел Илья, неся на плече Людмилу. Небрежно, как мешок картошки. Мешок, у которого юбка порвана, и он по пояс голый.

— Это она сама, — испуганно сказал Сергей, который шел за Ильей, держа в руках школьную форму Людмилы.

— А одеть, не судьба? — возмутился я.

— Да не умеем мы! Нет, ты видел, сколько там пуговичек? Некоторые штуки я вообще не понимаю, зачем нужны! — возмутился в ответ Илья.

Милена закатила глаза, тяжело вздохнув.

— Посадите её сюда. И отойдите в сторону. Да отвернитесь уже, хоть бы рожи сделали не такие кобелиные! — взялась она за Илью с Сергеем всерьез. Я немедленно отвернулся, чтобы не попасть под горячую руку.

— Ну, что тут у вас? — спросил Илья.

— Болотник. Сторожит проход. Сбежал до того, как все толком выяснили. Говорит, на Канцлера работает, — коротко доложил я.

— Не, ну это-то понятно, врет, — сразу же отбросил в сторону поклеп на господина

Махаэля Сергей. — А куда проход сторожит?

— Да вон, не видишь? Камнями прямо выложен? — показал Илья.

Пока они разглядывали дорогу дальше, я разглядывал саблю. Она, конечно, тупая, но содержалась в образцовом порядке. В полированном металле неплохо отражалось происходящее у меня за спиной. Милена с Лизой усадили Людмилу, привалив спиной к камню. Она слабо шевелилась и улыбалась, словно спящий и видящий хороший сон человек. Но не просыпалась. Милена попыталась протереть пострадавшей лицо, а Лиза осторожно погладила ей грудь. Нисколько не осуждаю, красивая, большая, девичья грудь. Я бы тоже не устоял. Лиза взяла в ладошки обе груди, и что-то тихо сказала Милене. Та хихикнула. И тоже потянула ручки к Людмилиной груди. Тут меня толкнули и гаркнули под ухом:

— Храбр! Ну, так что ты думаешь?

— А? О чем? — растерялся я.

— Ты что, не слушал? Я тут распинаюсь, — обиженно прогудел Илья.

— Ну извини, задумался, — попытался оправдаться я. — Слушайте, сходите разведайте пока дорогу, я тут девчонок посторожу.

— Хм... Ладно. Пошли, Серый. — подал плечами Илья. — Может саблю дашь?

— Нет, будет вам уроком, как оружие бросать! — резко ответил я.

Они еще немного помялись и осторожно двинулись вперед. Я снова поднял саблю, и поймал в ней отражение девушек. И мне показалось, что позади них стоит темная тень. Я резко обернулся. Обшарил глазами все вокруг, благо сета тут было достаточно.

— Храбр, ну ты что такой... — аж задохнулась от возмущения Милена. Они уже одевали Людмилу в что-то, очень близкое к бюстгальтеру. С поправкой на местный колорит, конечно. Выглядело симпатично, кстати.

— Да нет, — попытался оправдаться я. — Просто мне показалось...

— Отвернись уже, а, — устало сказала Лиза.

Я отвернулся. И не поворачиваясь сказал:

— Вы не расслабляйтесь. По сторонам смотрите, ладно? Я с парнями, вперед чуть пройду.

— Иди, иди, осторожный ты наш, — засмеялась Милена.

Я, как настоящий герой исполнил обещание данное прекрасным дамам, и прошел чуть вперед. Не удержался и снова посмотрел на них в отражение на клинке. Но ничего подозрительного не увидел.

Глава, в которой главный герой, вопреки своим убеждениям забывает, что жизнь ведь проста. Она, правда, не всегда сладкая и пьянящая, как сбитень с медом. Просто простоту жизни надо понимать сердцем, а не головой. Сердце никогда не усложняет жизни. Сердце у человека одно, а извилин в голове — миллиарды. Именно голова рождает сложности. Главному герою, пора бы научиться слушать желания своего сердца, а не жить в аскетичной келье своего разума. К счастью для него, судьба посылает ему человека который похоже готов ему в этом помочь.

Мы преодолели волшебное болото, обойдя по камням вдоль стены пещеры. И сделали это так осторожно, как только смогли. Вдоль стеночки, прыгая по камушкам. Очень не хотелось попасть в... жабыи руки, назовем это так. Я шел впереди и подозрительные места саблей тыкал, прежде чем наступить. Как раз тот случай, когда лучше перебдеть, чем не добдеть. А еще, повезло, что у нас с собой Илья, который нес на себе Людмилу с легкостью, которой оставалось только впечатляться. За болотом, обнаружилась вырубленная в скале лестница, ведущая наверх. От входа она не просматривалась, скрытая скальным выступом. Продуманная пещерка. Других вариантов не было, поэтому мы просто стали подниматься наверх.

К счастью, это лестница была поприличней. Не бетонная отливка, к которым я привык, конечно, но вырублены ступени сносно. Почти одинаковые. Но главное, тут были перила. О, великое изобретение человечества! С перилами идти куда легче, хоть и поднималась лестница вверх по склону. Или как правильнее назвать стену пещеры? Не важно, важно то, что я наконец слегка расслабился и начал глазеть по сторонам. Благо, для разнообразия, в это локации хватало света.

Солнечный апельсин, подсвечивал нас снизу, заставляя наши тени плясать на неровном камне пещеры, причудливо изламываясь. Глубоко внизу болотники снова раскрутили свой дабстеп. Это уже было достаточно сюрреалистично, но последним штрихом стали довольно ярко светящиеся фиолетово-флюоресцентным светом грибы на стенах. Похожи на чаги, которые растут на деревьях. Я поковырял один саблей, он оказался твердым, как камень. Наконец мы дошли до конца лестницы. Небольшая площадка с перилами и механизм во всю стену. Шестерни, цепи, здоровенный рычаг, противовесы в нише.

— Что это такое? — спросил Илья, осторожно спуская Люду на пол. Несостоявшаяся принцесса сонно зачмокала губами и улеглась на бок, сложив руки под головой. Такая милая, когда спит. Илья мужественно, в одно рыло, тащил её на самый верх, не жаловался. И только сейчас, когда заговорил, стало понятно как он устал и запыхался. Я глянул вниз. Высота примерно этажа пятого. Я осмотрелся по сторонам. Похоже, это естественная пещера. За миллионы лет вода потихоньку размыла породу.

— Я видел такое в книге по фортификационному искусству, — сказал Сергей. Это он, не про пещеру. Его сразу же привлек механизм. Он трогал его с нежностью и любопытством, достойными лучших объектов для внимания. Поправил очки, отошел на два шага назад и вынес свой вердикт. — Это дверь. Открыть её можно только отсюда, изнутри. Я не нашел возможности открыть её снаружи. Как только мы пройдем, она за нами закроется. Назад мы

вернуться не сможем.

Тадам. Драматичный момент. Выбор, что же делать. Рискнуть всем и двигаться дальше, или остаться и попытаться вернуться тем же путем, каким пришли? Но ведь нам не преодолеть пропасть, не взобраться на утес. А потом еще голограммы, а у нас раненая и нет оружия... Будь это тупой фэнтезийный сериал, сейчас было бы самое время для конца серии, чтобы людей подцепить на крючок любопытства.

Я бы хотел остаться на месте и посмотреть, что будет. Китайцы для этого даже целую философию выработали. У-вэй. В европейской традиции от этого остались только сомнительного вида побасенки, типа "Если долго сидеть на берегу реки, то однажды по ней проплывет труп твоего врага". Это извращает основной посыл этого философского течения. У-вэй переводится не как "ничегонеделание", а как "действие без действия". Концептуально верно будет сесть на берегу реки в нужном месте, дожидаться когда твой враг придет туда воды набрать, пнуть его в зад, и просто смотреть, как тот упадет в воду и утонет.

Максимум результата с минимумом усилий. Да, черепаха У-вэй из древнего мультика — мой идеал. Я планирую подготовить после себя жутко обязательного последователя и оставить его разгребать все свои проблемы. А я, в это время, буду в тихом красивом месте наслаждаться жизнью. Ах, мечты.

Похоже я устал. Вымотался морально и физически, на философию потянуло. Хотелось пить. И лечь, полежать. И поиграть в хорошую игру. И мороженой. И чтобы кто-нибудь пришел, и все объяснил. И... Ладно, соберись, кто ты там нынче, сожми яйца в кулак и принимай решение. Сначала надо дожить до завтра, а там уже и дальше посмотрим.

— После болотников, мне уже даже интересно, что дальше будет, — сказал Илья.

— Я ключ у Лидки сперла. Хочешь, буду вас пускать? — вкрадчиво спросила Лиза.

— Не, — замотал головой Илья. — Я высоты боюсь.

— Пить хочется, — вздохнула Милена.

Пора уже закругляться с этим приключением на полчаса. Я встал, поудобнее перехватил саблю и сказал:

— Ставлю корову против гуся, за этой дверью нет ничего интересного. Сергей, ты разобрался, как открыть? Тогда открывай!

Сергея с усилием опустил рычаг. Собственно, этот рычаг тут был всего один, так что шансы на ошибку были минимальны. Может, даже я бы смог "разобраться". Но надо всегда поддерживать друг-друга, иначе зачем вообще общаться? В механизме зашевелились хорошо смазанные шестерни. Поднялись вверх массивные квадратные противовесы. Стена дрогнула и распахнулась, как крышка лежащей на боку шкапулки. С той стороны дверного проема тоже было светло. На полу появилось тусклое пятно света. А в нём — тени. Угловатые, зловещие, лишь отдаленно человекоподобные. Неподвижные.

Нет, вот тут надо было следующую серию делать.

Я метнулся вперед, держа наготове саблю. Перекатился под не до конца открывшейся дверью. Настороженно осмотрелся. Выдохнул, опустил оружие. Обернулся и обнаружил рядом с собой Милену и Лизу. Уже привычно, распределились — Мила справа, Лиза слева. Приятно, конечно, чувствовать себя стеной. А если серьезно, надо им всяких ништяков подкинуть. Я мысленно поставил себе зарубку — вернуться к болотнику за лутом. А потом крикнул остальным:

— Входите, не бойтесь. Тут безопасно.

— Быстрее! — заторопился Сергей. И кинулся помогать Илье с Людмилой. — Дверь

закрывается!

Ну, прям уж так она не захлопывалась. Опускалась медленно, с мерными тиканьем механизма, потихоньку. Илья вошел, огляделся, скинул Люду на Сергея и заревел голосом, полным недоумения и обманутых надежд:

— Да что это такое?

— Тренировочный зал, — ехидно ответила Лиза. — Из которого мы вышли. Вы с Храбром в нем еще тренировались, помнишь?

Технически, в этом закутке мы не тренировались. От основного пространства он был отгорожен трибунами — просто деревянными досками, поднимающимися вверх как лестница. И дощатой стеной, той самой, на которой было развешано оружие. Заглянуть за неё мне в голову не пришло. Зловещие тени падали от трех кресел с высокими спинками. Мы стояли на возвышении, как будто в стендап-клубе, только микрофона не хватало. Самое время над нами поржать.

— Нас не вые...любили! — объявил я пустым трибунам. — А если невылюбюли, то не считается!

— Храбр, с тобой все хорошо? — озабоченно спросила Мила и заглянула в глаза, пока Лиза трогала мой лоб.

— Да, просто шутка такая... Не важно. Перекур! то есть, отдых! — отмахнулся я от них.

Мы обессиленно рухнули на пол — да, физическая усталость еще не все, психологическое напряжение тоже изматывает. Помолчали. Когда дверь закрылась, её поверхность практически слилась с каменной стеной. Нет, сейчас, когда я знал куда смотреть, я видел щели. Но до этого я бы не заподозрил в этом чуть вдавленном в стену валуне скрытый проход.

— Что произошло? — спросила Людмила. О, очнулась. Тут же начала хватать себя за все места, испуганно оглядываться. — Мы дошли? Почему я себя так странно чувствую?

Голос у неё был не такой, каким она говорила с нами в библиотеке. Тогда она говорила, прямо скажем, хамовато. А сейчас, скорее, испуганный.

— Послушай, нам надо рассказать тебе очень гадкую и неприятную историю... — начал было я.

— Нет! Я не хочу ничего знать! — неожиданно заявила Людмила и бросилась прочь. Буквально, побежала, придерживая юбку. Но уежала недалеко. Видимо страшно в незнакомом месте одной. Добежала до дальнего конца трибун и присела на краешек. А потом как начала хохотать. Искренне и счастливо.

— Блин, а ведь она наркоманка... — тяжело вздохнул я.

— Кто-кто? Что такое "наркоманка"? — переспросила сидящая рядом Милена.

— Проклятье такое. Душу пьет, — попытался я перевести на местный незнакомое её понятие. Возможно, слегка утрировал. Хотя, может наоборот, облагородил. — Короче. С ней надо поговорить. Объяснить, что с ней происходит. А потом помочь, она, мне кажется, сама не сможет выбраться. Сгинет ведь. Ей надо ломку перетерпеть...

Я замолчал. По хорошему, девушке нужна квалифицированная помощь. А я даже дружескую поддержку не смогу оказать. Не друзья мы.

— Я с ней поговорю, — вдруг сказала Милена.

— И я с тобой, — кивнула Лиза.

— Ну давайте тогда все вместе поговорим! — вмешался Илья.

— Нет, Илья, давай лучше мы. Мы же девушки, ей проще будет.

— Заодно про артефакты её спросите... — сказал Сергей.

— Какие артефакты, — не понял Илья.

— Ну, помнишь, была у Храбра парочка. Пока он девчонкам не показал. Мы еще сюда пошли, чтобы узнать, как ими пользоваться, — ответил Сергей разминая уставшие ноги.

К нам подошла улыбающаяся Людмила. Выглядела она хорошо, хотя казалась слегка зареванной. Сказала, смеясь:

— У колдуна вашего спросите! Он же вещи заговаривает, вот пусть уговорит ваши штуковины работать! — посмотрела на Лизу свысока. — А ты чего босиком, как крестьянка?

И ушла гордо. Видимо сориентировалась, где находится.

— Точно же! — обрадовался Илья. — Это она ловко придумала.

Я ничего не ему не ответил. Просто себя по лбу ладошкой наказал. Молча. Как можно было забыть то, из-за чего все затевалось?

— Действительно. Почему ты босиком? — вдруг спросил Сергей. Любознательный какой.

— А ты попробуй в сапожка по сетке ходить! — ответила Милена, вместо растерявшейся Лизы. — Пришлось ей разуваться, когда Илью выводила. А там темно, потерялись сапожки!

— Что, правда трудно? — спросил Сергей у Ильи.

— Это... Да, — с запинкой ответил Илья, внимательно глянув на Лизу.

К счастью, от дальнейших разговоров нас избавил колокол.

— Это же на урок! А нам ещё надо переодеться! — в ужасе закричала Милена. Хотя она то как раз выглядела на все сто. Так, пыльная слегка. Девчонки сорвались с места. А мы втроем просто отряхнулись и пошли на урок Велимудра.

Конечно же, у меня опять никакой дракон ничего не покусал. Велимудр бы странно тих и неразговорчив. Даже не заметил опоздания Лизы и Милены. Зарылся в свои бумаги и носа не показывал, ограничившись парой поощрительных фраз тем, кому удалось выполнить задание.

Я едва дотерпел до конца урока.

Сразу же после урока, мы всей толпой — даже Сергей, направились к Григорию.

Разумеется, по закону подлости, его не было дома. Дверь открыла девушка-служанка. Когда старец Григорий вернется она не знала. Последнее время он много работает с третьим курсом. Потом девушка смущенно вздохнула, и добавила, что приходит старец очень поздно и совсем уставший.

На обратном пути я попросил, чтобы парни шли дальше одни. Они, разумеется, никуда не пошли. Пришлось им объяснить, что мне надо поговорить с девушками. Наедине. Только тогда они с неохотой пошли прочь. Очень медленно. Я плюнул и утянул Милу и Лизу в сторону с дорожки. Так получилось, что мы вышли как раз к тому самому Плачущему Ангелу.

— У Милены сапожки взяла? — спросил я у Лизы я, чтобы хоть с чего-то начать.

— Ага, — весело кивнула она, и неожиданно толкнула меня на заснеженную лавочку. А потом упала рядом и хитро улыбнувшись подползла поближе. — Ты за этим нас в сторону отозвал?

— У меня дело есть к вам. Важное. К тебе Мила. И к тебе Лиза.

— Уй ти пуська серьезный такой! — звонко засмеялась Мила и плюхнулась мне на колени. Сняла варежку и ущипнула за щеку.

— Лиза, — не давая сбить себя с толку, продолжил гнуть свою линию я. — Ты оборотень, да?

Она секунду смотрела на меня расширенными от удивления глазами. А потом расхохоталась. А вслед за ней и Мила. Хохоча они катались по мне и лавочке. Я стоически ждал ответа.

— Да нет же... — давясь, сквозь смех, проговорила Мила. — Будь она оборотнем, она бы порвала нас всех и все. А так она же все понимает, почти человеком остается.

— Тогда я не понимаю, — признал очевидное я.

— Перевертыш я, — ответила Лиза, стараясь быть серьезным — Анимаг, по научному. Не бойся, не отгрызу тебе ничего важного!

И они обе снова начали хохотать. Интересно, с чего бы это у неё такие ассоциации. Да чем она думает?

— А что, Храбр, перевертышей боишься? — сквозь смех спросила Милена.

— Не знаю, не встречал до этого, — сказал я.

— А вдруг встречал? — и она снова попыталась меня подергать за щеку.

— Так, Мила, послушай, — я перехватил её руку. — Я понимаю, что я тебя спас и ты прониклась ко мне симпатией. Но давай с тобой просто спокойно поговорим, как взрослые люди...

— Ой, скучный ты! — пискнула Милена, чмокнула меня в губы и побежала прочь. Пока я сидел растерянный, то же самое сделала Лиза и смеясь, кинулась догонять Милу. Я смотрел им вслед, с задумчиво раскрытым ртом.

Так, ладно. Не получилось, значит, поговорить. С другой стороны, может и не о чем тут говорить...

— Сударь Храбр! — окликнул меня красивый женский голос. По-учительски строгий. Я вздрогнул и обернулся. Софья стояла на дорожке. Она величественно поманила меня пальчиком, тут же спрятав руку в муфту. И пошла прочь. Пришлось идти за ней. Шла она неожиданно быстро. Я догнал её с трудом, совсем рядом с её домом. По дороге заодно выяснив, что она тоже пользуется тропинкой, ведущей в обход поста охраны.

— Добрый день, — сказал я, когда наконец догнал её. — Прекрасно выглядите, декан Софья.

Она молча посмотрела на меня со странным выражением лица. И продолжила целеустремленно шагать. Мне пришлось прилагать усилия чтобы от неё не отстать. Мы прошли в молчании несколько минут. Я тоже, знаете ли, умею паузы тянуть.

Прямо перед калиткой своего дома Софья, наконец, заговорила:

— Скажите, Храбр. Как вы думаете, может ли декан факультета испортить жизнь школяру? И если да, то насколько?

Она открыла калитку и приглашающе махнула мне рукой. Я зашел. И осторожно ответил:

— Да, может. И сильно.

Софья провела меня по садовой дорожке до дверей дома. Что-то сделала и они открылись сами. Декан встала рядом и подождала, пока я войду.

— Тогда ответьте мне, сударь, почему вы пытаетесь испортить со со мной отношения? — зло сказала она, и буквально содрала с меня дубленку.

— Я? — искренне удивился я. — И в мыслях не было, госпожа декан!

Софья скинула шубу прямо на пол, схватила меня за шкуру и с неожиданной силой

поволокла в глубину дома.

— Что вы делаете?! — возмутился я, не зная, стоит ли мне начать вырываться. Софья поднесла холёный пальчик к своим чувственным губам, призывая к молчанию. И распахнула дверцу в подвал. Отпустила меня и спустилась вниз первой. Я не смог удержать в узде любопытство (что же ещё) и спустился за ней — из подвала веяло влажным теплом и приятными запахами.

Подвал Софьиного дома оказался куда глубже, чем я думал. И выложен каменной плиткой. Освещен множеством свечей. От лестницы отходило сразу три коридора. Я оглянулся вокруг, нигде не увидел Софьи. И остановился в растерянности.

— Сюда, Храбр! — позвала она. — Красная дверь!

Я пошел на голос. Нашел красную дверь, которая вызвала у меня нехорошие ассоциации. Напомнило дверь в моей комнате у мачехи. Тоже обита кожей. И, наверняка, тоже почти звуконепроницаемая. Я осторожно приоткрыл эту подозрительную дверь. Изнутри повалили густые клубы ароматного пара. Я заглянул внутрь и настороженно спросил:

— Вы где, госпожа Софья?

Из клубов пара ко мне протянулась обнаженная рука с холёными коготками, которая не могла принадлежать никому, кроме как госпоже декану. Женские пальчики цепко схватила меня за ворот, и с непреодолимой силой втянули за дверь. Я услышал влажный металлический звук за своей спиной. Кажется меня заперли. А потом из пара появилась госпожа Софья и прорычала мне в ухо:

— Некогда объяснять! Раздевайся!

Искусство от ремесла очень легко отличить. Когда действия имеют четкие правила, и приводят к понятному и предсказуемому результату — это ремесло. Когда слишком многое делается исходя из опыта и интуиции, и при одинаковых действиях могут быть разные результаты — это уже искусство. Например, разговор с женщиной. Женщина может просто согласиться, а может согласиться так, что даже самый твердый отказ был бы меньшим отказом, чем такое согласие. Женщина может молчать красноречивее, чем самый чувственный поэт. А может говорить приятные вещи так, что даже если бы она резала своего собеседника, то и тогда это бы не было так жестоко. Поэтому разговор с женщиной, иногда, настоящее искусство. По сложности сравнимое с искусством войны.

Первое правило мужского клуба — никогда не рассказывать своим девушкам о бывших. Особенно, если это шикарная женщина, декан факультета, чародейка с массой выдающихся качеств и частей тела... Особенно, если твои девушки, конечно, очень милые, вот только у одной с собой два тесака, а другая когтями дрова колотить может.

С другой стороны, последние два факта, как раз говорят в пользу честности. Лучше сразу во всем признаться. Главное, выставить себя в правильном свете. Потому как если мои небольшие приключения с обнажённой декантессой всплывут не вовремя, то можно и без важных органов остаться. У князя ведь основная функция какая? Династию продолжить. А то смута, хаос и безобразия начнутся. Наследник важен. А для этого я должен себя сберечь. Я осторожно глянул на Милу, потом на Лизу. Они мило покраснели и по очереди толкнули меня локотками. Не строй нам глазки, мол. Не на людях.

Мы сидели на ритуальном завтраке. Пришлось девочкам за нами зайти — мы с Ильей припозднились. Я долго уснуть не мог, поэтому проснулся с трудом. Мне не помешал даже утренний тренировочный комплекс с саблей, который в комнате исполнил Илья. С грацией медведя и тихо, как слон. Я был все еще слегка сонный, а Илья наоборот, прямо таки искрился энергией. Сейчас он в выражениях рассказывал о охоте на кабана-мутанта. Ладно, без выражений — все же дам за столом. Но, зато, в лицах.

— И тут он попер на меня, вот так! — показал Илья. Набычился, показал пальцами кабаньи клыки, нахмурил брови подражая злобному взгляду. Страшный был зверь, я впечатлился. Сергей, сидящий рядом с Ильей, слушал раскрыв рот. Хотя мне кажется, рассказ был больше предназначен для девчонок. А они откровенно скучали. Вокруг было шумно — сегодня мы припозднились и завтракали со всеми.

Ну, тут как с холодной водой. Надо решиться и окунуться. Дальше легче будет. И все же, начал я издалека. Повернулся к Милене. Этому белому, нежному цветочку со стальными лепестками, и спросил:

— Мила, а ты что, бабочек любишь?

— Да, — улыбнулась она. — А откуда ты знаешь?

— Да с меня вчера Софья твою следилку сняла. Она в форме бабочки была. Тоже беленькая, крылышки такие красивые, узорные. Очень красивая. — “Объяснил” я и приложился к кружке с квасом, не замечая вкуса.

— Софья? Это которая декан? — неприятно ровным, без ехидцы, голосом, уточнила

Лиза. Возможно, я неверно определил направление главного удара. Разворачиваем фронт — повернулся лицом к рыженькой:

— Ну да. Вчера, когда вы ушли, она меня поймала...

— Вот прямо поймала? Как кошка мышку? — невинным голосом уточнила Мила.

— Окликнула меня, велела за ней идти. И пошла к своему терему. Я её еле догнал... — невзирая на урон, продолжил движение я, стремясь выйти на господствующие высоты.

— Но догнал, — очень протокольным тоном отметила этот факт Лиза. Я расценил потери, как приемлемые, но решил, что пора задействовать резервы в виде перевода стрелок.

— Я её спрашиваю: "Так что вы хотели, госпожа Софья?". Сначала она молчала... А потом начала угрожать.

Это их проняло. Мила с Лизой посмотрели на меня немного даже с сочувствием:

— Как, прямо угрожать? — подняла бровки Мила.

— Иносказательно. Спросила, может ли декан испортить жизнь школяру? Я ответил сказал "да", и присмирел. Она открыла дверь и встала у рядом двери. Молча, но понятно, ждет чтобы я вошел. Пришлось зайти в сени. Она прошла мимо меня и вошла в дом. Что мне оставалось делать?

— Уйти? — наивно спросила Мила, заглядывая мне в глаза.

— Я так и хотел. Но неловко было, не попрощавшись. Я зашел. Хотел сказать "Извините, госпожа Софья, мне пора".

— Просто извиниться хотел, — понимающим тоном повторила мои слова Лиза. Перегнулась через меня, и снова повторила, уже Миле, и не таким понимающим тоном:

— Зашел к этой суке сиськастой, извиниться пару раз, пока нас рядом нет!

— Тут то она на меня и набросилась, — сказал я. И замолк. Пусть пока это переварят.

— Но ты сражался за свою честь на смерть и она тебя убила, — драматично закончила за меня Милена. — Потому что, если ты остался жив, то это не надолго...

— Вообще нет. Она меня схватила за шкварник. И потащила в подвал. Она сильнее чем кажется.

— Вообще-то, — встрял Сергей, — Чародей дома реально может сильней стано...

— Заткнись! — синхронно заорали на него Лизавета с Миленой. Аж стол к нему сдвинулся. Массивный, дубовый стол. Может толкнули они столик нечаянно...

В зале, до этого наполненном шумом посуды и разговорами, стало тихо. Все оглянулись на нас. После небольшой паузы, когда шум возобновился, Мила похлопала меня по плечу. Подчеркнуто официально, сама отодвинувшись подальше. И тихим, спокойным голосом попросила:

— Ты говори, говори, Храбр. Чем дальше рассказываешь, тем интересней становится.

— Затащила она меня в подвал. Подвал у неё здоровенный, еще целый этаж под теремом. Втолкнула меня в комнату, полную дыма. То есть, пара. Пара было много. Пахло травами. Потом сказала, что мне угрожает опасность. И что-то там еще. Я растерялся. Сток оглядываюсь. Понял только, что вроде как тут нас подслушать не смогут. Это я своими словами уже, — теперь мне надо держать натиск, пока враг не выдохнется. И ждать удобного момента для контратаки.

— Ага. Ладно. И что сказала? — заметно успокоилась Милена.

— Вот и я стоял, ждал, что она скажет. Пока не понял, что она с меня уже рубаху снимает.

Лиза вскочила, чуть не перевернув скамью. Вцепилась в стол, оставляя на дубовой

столешнице царاپины. Я подвинул ей свою кружку с квасом. Когда человек пьет или ест, он истерить не может. А Лизина истерика чревата выпуском на свободу её внутреннего зверя. И это не джунгарский хомячок.

— Если вы так реагируете, я рассказывать не буду! — сказал я и надулся.

— Не-не, ты рассказывай! — вкрадчиво сказал Илья. — Лизонька, ты чего вскочила?

— Попей кваска, успокойся, — поддержал я Илью.

Лиза посмотрела на меня сверху вниз. Глянула на Милу. Я тоже глянул на Милу. Та спокойно ковырялась вилкой в тарелке. На меня не смотрела. Лиза села. Я подождал, когда она немного отопьет. Мою кружку отодвинула, из своей пригубила. И тоже со мной глазами постаралась больше не встречаться. Я решил продолжить. Посмотрел на Илью, и стал рассказывать уже ему:

— Я, дело понятное...

— Ну, так понятное дело! — поддержал он меня...

— Начал сопротивляться! — закончил я, повысив голос.

— Зачем? — не понял Илья.

— А ты бы не стал? — я ответил вопросом на вопрос.

— Если бы госпожа Софья, с меня рубашку начала снимать? — уточнил Илья и сделал вид что глубоко задумался.

— Ей бы стоило просто попросить... — мечтательно сказал Сергей.

— И ты бы с него рубашку снял? — поднял я брови в наигранном изумлении.

Сергей тоже задумался, но ненадолго, тут же выдал:

— Снял! И с тебя. И с Милены. И не я один, а все у кого глаза есть.

— Ну, выходит, пара было много и я ослеп, — отрезал я.

— То есть, она тебя не раздела, — ровным тоном сказала Милена.

— Я сопротивлялся, поэтому она рубашку просто сорвала. На куски подрала и сорвала.

Видишь, я в новой сегодня?

Я повернулся к ней, показывая. Она бросила на меня быстрый взгляд из под полуопущенных ресниц.

— И в штанах новых, — заметила она.

— Я дрался за каждую пуговицу, — почти искренне ответил я. Серьезно, мне еще назад надо было идти, по морозу. Поэтому под напором деканской страсти я постарался сохранить целыми хотя бы штаны.

— А исподнее? — таким же, как у Милены, спокойным и ровным тоном, спросила Лиза.

— До него дело не дошло...

— Фууух, — с явной досадой выдохнул Илья и отодвинулся от стола.

— А до чего тогда дело то дошло? — нахмурилась Лиза, позволив себе быстрый взгляд в мое лицо.

— Вот, тут мы возвращаемся к бабочкам, — ответил я. И закинул в себя ложку каши с грибами и начал задумчиво жевать.

— Храбр, ты бы не тянул. Тебе их лиц не видно, поэтому я тебе прямо скажу. Ты сейчас по краю ходишь, — сказал Сергей.

— Да что там, самого интересного уже не будет, — отмахнулся от него Илья и демонстративно отвернулся. Видимо, пытается разрядить обстановку.

Я проглотил кашу и сказал:

— Да нет, тут то самое интересное и начинается. Она меня толкнула в бассейн.

— Куда? — спросил Сергей.

— Лохань у неё такая, каменная, прямо в полу. Глубокая. В воде трав всяких, соли...

— Как казан? Сварить, что ли хотела?

— Нет, как бочка для купания. Короче, толкнула меня в воду, так понятно? И следом прыгнула. И начала меня в воде вертеть, со всех сторон осматривать...

— Прямо в шубе за тобой прыгнула? — невинно уточнила Лиза. Я пропустил её вопрос мимо ушей, продолжив:

— Говорит, такая “Сударь Храбр, вынуждена вас огорчить. У вас множественные наговоры”... — на самом деле Софья по другому выразилась, но честно говоря, после беглого “осмотра”, я размяк, как сухарик в горячем бульоне и потерял концентрацию. И Лиза верно подметила, Софья без шубы со мной в бассейне была. И не только без шубы. — И тут она достает здоровенную такую стеклянную банку. И потом мне эту банку на спину ставит. Я прямо чувствую, как что-то у меня под кожей шевелится. Я посмотрел, вот так.

Я демонстративно извернулся, показывая, как я смотрел. В фехтовании гибкость нужна, так что извернуться так, чтобы хоть частично увидеть как из твоей спины в банку выпадает какая-то херь, я мог.

— И тут, из меня, в банку, падает хренотень... — Я показал руками пантомиму. Кажется, похоже было на сцену рождения “Чужого”, хотя по факту, я видел просто струйки дыма, которые соткались в банке в существо. — На ухо с паучьими лапами похоже. Белое такое, волосатое... Бррр...

Илья и Сергей впечатлились и сидели с перекошенными от омерзения лицами. Я рискнул бросить быстрый взгляд по сторонам. Девушки тоже смотрели на меня, уже без враждебности. Даже с легким сочувствием. Но все еще с подозрением.

— Тут я от неё вырвался, к стене прижался и попросил вежливо, пояснить, что происходит. Софья спокойно так банку завинчивает и другую достает. И говорит мне “Заткнись дурак, у нас времени всего ничего”. Я заткнулся. И она снова начала меня разглядывать. Но в этот раз хоть объяснить соизволила...

Я промочил горло квасом. Излагал близко к правде, разве что слегка сглаживал углы. “Осмотр” был слишком близок к эротическому массажу, чтобы быть просто медицинско-магической процедурой. Но я и правда заставил Софью объясниться.

— Так, сейчас я дословно её слова повторяю, — сказал я и закрыл глаза. И повторил, даже копируя томные нотки и хрипотцу декантессы: — “Удивительно, но на вас посадили уже четыре следящих наговора. Что само по себе удивительно, ведь не каждый чародей способен на такое. Далеко не каждый”, — я опустил мелкие, не относящиеся к делу подробности. Легкие касания её пальчиками по груди и то, как она почти касается моего уха губами, как заглядывает мне в глаза, близко-близко, для чего ей приходится прижиматься ко мне своим солидным бюстом. — “Вы притягиваете к себе всеобщий интерес, сударь Храбр. Кто поставил некоторые наговоры я могу определить, про других могу предположить... Но вот этот... Этот очень, очень странный”...

Я откашлялся, и пересказал своим нормальным голосом:

— Из плеча вытащила большого, стального жука. Говорит, что узнала стиль господина Махаэля. Меня в первую встречу, кстати, Канцлер за плечо обнимал, я помню. Ухо с лапками опознано как грубая поделка старца Григория. А вот из глаза вытащила самую жуть — здоровенную, сколопендру, как будто из кусков зеркала собранную. А в конце с губ

сняла бабочку. — На бабочке я остановился подробно.

— А это явно, говорит, вас сударыня Милена пометила. И очень восторгалась. Говорит, что красиво и изящно сделано. С талантом. Даже грозилась тебя в личные ученицы взять. Спрашивала, как ты наложила на меня эту следилку.

— Да не накладывала я никакую следилку, — фыркнула Мила. Но я видел, что ей льстило такое прихвнение. — Я и не слышала слово такого слова!

— Я его только что сам придумал, — приобнял я её. — Софья говорит, что ты бы поняла, если бы меня кто-то поцеловал. Я не против, если ты снова её наложишь.

Мила опустила глаза и слегка покраснела.

— Нуу, раз ты попросишь, — тихо сказала она.

— Я тоже хочу так уметь! — капризно сказала Лиза.

— И меня научи! — подключился Сергей. — Что делать надо?

— Подождите, это не всё! — повысил голос я. — Вернее, это все, но это все странно. Зачем она это сделала... Таким образом? Ведь похоже на то, что она хотела...

— Да, очень похоже на то, что хотела... — напряглась Милена.

— Не ужели у неё нет другого способа свои хотелки проверить? Ну вот, хотя бы ту же слюну болотника бы использовала, я бы и не вспомнил ничего! Так? Как пример?

— А, я поняла что ты имеешь в виду! — обрадовалась Лиза. И тут же насупилась. — Но я не поняла, зачем она тогда...

— Я не понял, — недовольно пробасил Илья. Кажется, он не любит казаться глупым. Хотя сам он старается выглядеть туповатым здоровяком. — Нет я понял, что ты поняла, но я не понял, что именно ты поняла...

— Я тоже не поняла, — поддержала его Мила.

— Присоединяюсь, — сказал Сергей.

— Ну смотрите, она его заманила. Вскружила Храбру голову, показала всякое. Соблазнить хотела? Похоже. Или помочь от следилок избавиться хотела? В доверие втереться? — попыталась объяснить Лиза. И замолкла, наткнувшись на непонимающие лица.

— Я попробую объяснить, — Я поискал по карманам. — Есть у когонибудь монетка? Или мелкое что-то?

— Вот, — протянула мне Лиза ключ. Я посмотрел на неё. Она поняла, что я понял, что это за ключ. И тут же начала оправдываться. — Людмила обронила, я подобрала. Ей все равно нельзя отдавать, я решила себе оставить...

— Молодец, — похвалил я её. — Так смотрите. Знаете, что такое фокус?

Никто не знал. Я молча показал фокус с исчезновением ключа из ладони, достав ключ из-за уха Ильи.

— Так ты чародей уже настоящий! — потрясенно сказал Илья.

— Нет, это ловкость рук, — я раскрыл секрет фокуса. — И вот сейчас, видите, я отвлекаю внимание второй рукой. Так вот, я думаю, Софья со мной провернула такую сложную манипуляцию, чтобы меня отчего-то отвлечь. И, чтобы окончательно меня запутать, она в конце вдруг закричала, что я веду себя неподобающе. Выгнала меня в сени, даже одеться не дав. Одежду вслед выбросила. Пришлось мне снять мокрое белье, одеться и уйти.

Я гордился своим упоминанием про трусы. Главное, не забыть, что я все время был в трусах.

— Ты сказал, что в комнате с водой, все в пару было, — задумчиво сказал Илья. — Там все время пар был? И густой? Пар ведь быстро истаивает.

— Очень густой. И все время густой был. Наверно, тебя бы увидел, если бы на таком же расстоянии сидел. Но еще на два шага назад если отойдешь, то я бы не разглядел тебя.

— А вы там точно только вдвоем были? — нахмурила бровки Лиза.

— Я больше никого не видел. Сейчас, когда ты спросила, я понял, что не могу точно сказать, — ответил я.

— Почему пар не развеялся? — продолжил илья. — Вы что, в бане никогда не парились? Чтобы был пар, надо постоянно на камельку водой плескать. А если, как Храбр говорит, там так парило, то он бы сварился.

А ведь точно. Блин, похоже, что там парогенератор работал.

— Точно, Илья. Там было тепло, но не жарко. Не баня.

— Тебя кому-то показали. Во всей красе. Милена, можешь снова начинать ревновать, — подытожил Сергей. Мила серьезно кивнула и неожиданно ударила меня в грудь. Кулачком. Не костяшками, а так, будто у неё нож в кулачке. Хорошо поставленный удар, точно в сердце. И быстрый, я не успел среагировать. И сильный, я аж закашлялся. Больно, блин!

— А зачем вода? — спросил Илья. — Просто бы лавки поставили, как в бане. Вода не к месту, слишком много возни. В воде дело...

— Я думаю, надо нам сходить и на месте посмотреть, — сказала Лиза.

— Ты предлагаешь залезть в дом госпожи Софьи? Декана?! — с ужасом переспросил Сергей. И тут же добавил. — Я с вами!

В которой герой сталкивается с самым страшным, что только может случиться с настоящим героем. Со взрослыми проблемами.

— Нам надо к ней проникнуть и как следует все обыскать! — потирал ручонки Сергей. И добавил, покраснев. — Я, кажется, знаю где она может прятать свои секретки... В шкафу с...

— Да, точно! Я готов! — повторил его слова Илья.

— Я умею двери открывать. Без ключа, — шепнула Лиза.

— Нет! Это опасно! Мы не готовы! Мы не знаем, что нас может ждать внутри! — а эти слова скучного зануды принадлежали мне.

Я был резко против сомнительной идеи Лизаветы. Серьезно, я видел эту Софью в деле. И без одежды тоже. Это к делу не относится, но я не смог удержаться, чтобы об этом не упомянуть. Софья, это та еще диснеевская принцесса из страшной сказки. Она реально в колдунства всякие умеет. Я просто не знаю чего от неё ждать. А вдруг у неё сигнализация, и как только мы вломимся из леса набегут белки и прилетят синички, чтобы наброситься и нас сожрать. Возможно, с песней.

К тому же, если вспомнить, что Софья волшебница с поправкой на северные широты, то могут быть лесные звери и посерьезнее. Медведи, например. Что-то я на зверях зациклился. Что нам сказки подсказывают? В сказках героини только и делают, что у колдунов и ведьм все подряд воруют... Но не всегда это проходит гладко. И, обычно, даже если воровство проходит гладко, тут же начинается погоня. Поэтому я так уверен — сигнализация есть. Как она выглядит — загадка. Черепов с горящими глазами вокруг домика госпожи Софьи, как в русских сказках, я не видел. Может это потому, что её просто еще грабить не пытались. Как раз, потом наши и повесит.

Сергей с Ильей настолько загорелись идеей пошариться в шкафчике для белья госпожи декана, что на мои вещевания внимания почти не обращали. Лиза всегда за любой противозаконный движ, это и так понятно. И даже Мила, в которой я ожидал увидеть поддержку, сохраняла нейтралитет. Видя, что они меня не особо слушают, я громко, веско, и грозно заявил:

— Проникновение со взломом не терпит суеты, а то дело может кончиться кровью!

Мы как раз шли на урок, подходили к лестнице, ведущей в школьные подвалы. Я говорил слишком громко. От нас шарахнулись девушки с нашего потока, но не убежали, а наоборот встали столбом. Стоят, смотрят испуганно на меня, но не уходят.

— Это сударь Храбр о лишении девственности рассуждает, — дружелюбно “объяснила” им Лизавета. Однокурсниц как ветром сдуло. Рыженькая хихикнула. Заметила как я на неё смотрю и оправдалась:

— Импровизировала.

— Ты сейчас мне помолвку расстроила. Вон за ту хорошее приданое давали. А она теперь она будет думать, что я с вами, блудодеями, на неприличные темы рассуждаю, подробности тайные выясняю, — недовольно сказал Сергей. И тут же задумчиво добавил. — Хотя, может и наоборот. Помогла.

— Так, а еще с богатым приданным есть? — заинтересовался Илья.

— Это к Лизе, — отмахнулся от него Сергей.

— Подожди пары выходных, я через слуг все узнаю, — хитро улыбнулась Лиза.

— Лиза, у тебя все время хитрющая моська, — сказал я. — Как будто задумала что-то.

— Это только когда ты рядом, — тут же отозвалась рыженькая.

— Я понимаю, — кивнул я. — Но надо с этим что-то делать, это же неприлично. И плохо для дела. Мила, может тебе помочь нашей подруге? Надо поработать над её выражением лица, пусть выглядит такой же миленькой девушкой, как ты.

Милена слегка покраснела, опустив глазки. Буркнула:

— Я такая и есть, — и совершенно другим, деловым тоном, сказала Лизе. — Видишь, я в глаза не смотрю, вот так вот еще головой делаю. Не просто морду вниз, запомни, а с поворотом. Мы же ниже, сверху будет казаться что бычишься, а надо именно смутиться...

— А краснеешь как? — живо заинтересовалась Лиза.

— Это уже от души, — глянула на меня Мила и снова зарделась.

— Женщины очень опасные существа, — прокомментировал это Илья. — Но я готов отдать себя им на растерзания, чтобы ты смог спастись, Храбр. Беги!

— Поздно, мне уже не сбежать, — грустно сказал я.

— Тогда пошли с нами, на Домострой, — хитро улыбнувшись, сказала Лиза. Спихватилась, и немного неуклюже опустила взгляд.

— Хорошо получилось, но не коси хитрющим глазом, — похвалил я её.

— Хорошо бы тебе еще глупой выглядеть, — неожиданно сказал Илья, разглядывая Лизину пантомиму “скромная девочка”. — Только сначала потренируйся. Это труднее, чем кажется.

— Согласна, — серьезно кивнула Милена. — Это на потом.

— Так, господа актеры, — вообще-то, грубовато я выразился. В этом мире есть три самых презираемых категории. Самую верхнюю планку общественного порицания, вплоть до смертной казни на месте, уверенно держат ведьмы и колдуны. Прямо в затылок им дышат ростовщики. Актеры просто презираемы, но в список входят. Ладно, поздно уже извиняться. Я продолжил, тоном помягче. — Давайте не на людях ухищрения свои оттачивать. И зачем вдруг мне на домострой идти?

— Посещение свободное, запрета нигде нет. И Сергей вон, на домострой ходит. И ему не стыдно.

— Стыдно, — не согласился Сергей. — Но мне смысла нет в гридня лезть. Все равно этому с детства учиться надо. Пять лет учиться, чтобы меня первый же боярский сынок раскатал? Нет, я еще чему-нибудь научусь. Потом пойду на факультет естественных наук, стану чудотворцем известным и буду полезен при любом дворе. Может, даже к Великому Князю прислонюсь.

— Высоко метишь, — присвистнул Илья.

— Храбр, я серьезно, пошли с нами. Не убежит от тебя твой балда, — сказала Лиза. Я посмотрел на неё. Очную ставку с Софьей решила мне устроить? Но она продолжила, повернувшись к Илье, разрушая мою догадку. — И ты Илья, тебе полезно будет.

Мы переглянулись.

— Ну, раз Лиза просит, давай сходим, — наконец сказал он.

— Я побаиваюсь, — честно сказал я.

— Если вдруг Софья начнет тебя лапать, мы охрану позовем! — серьезно сказала

Милена.

Отговорки кончились, пришлось идти.

Учебный зал госпожи Софьи располагался на том же уровне, что и наш. Соседняя дверь. Похоже мы тренировались прямо за стенкой. Размерами помещение домостроя сильно уступало тренировочному залу, зато уютом превосходило кратно. Маленькие, разделенные ширмами закутки, где можно было валяться на подушках за низким столиком, наблюдая за происходящим в центре. Там, на небольшом возвышении, похожем на сцену, стояли привычного вида столы и стулья, чуть в стороне, еще выше, располагалось рабочее место госпожи Софьи.

— А горшки с печками где? — искренне удивился Илья.

Среди столиков мелькали служанки, разнося сбитень и баранки. И, внезапно, школьные принадлежности. Я увидел тоненькие тетради, заколотые бронзовыми зажимами стопки исписанных листов, на столе появились перьевые ручки с чернильницей. Я так удивился этому, как казалось мне раньше, совершенно необходимым атрибутам обучения, что даже пропустил появление самой госпожи Софьи.

Когда она вошла, все встали и поклонились. Пришлось последовать их примеру. Велимудр такого не требовал. Подозреваю, среди нас были люди с богатыми родословными. И не только такие как я, которые их скрывают. С другой стороны, поклонились не в пояс, а сдержанно, как можно бы было поклониться равному из вежливости.

В ответ Софья только величественно кивнула. На её столе, в специальной подставке, напоминая почитаемые катаны в японском доме, стояло несколько хлыстов. Гибкие, украшенные кисточками и резьбой. Софья взяла самый маленький. Оглядела класс, чуть дольше, чем на остальных, задержав взгляд на мне. Но ничего не сказала. Вместо этого, сразу начала урок, отрывистым, командным тоном хореографа велел:

— Продолжаем с момента, на котором остановились. Итак! Некраса, на место. Что произошло в прошлый раз?

Сначала было ничего не понятно. Первые минут десять я чувствовал, как будто смотрю последнюю серию фильма про супергероев, пропустив все предыдущие части. Вдобавок, с середины. А потом, вдруг, прояснилось. Это была ролевая игра. Не совсем такая, какую бы мне хотелось. Но я быстро втянулся.

Девочки изображали жён. Жён бояр, живущих по соседству. Им надо было выстраивать отношения друг с другом, решать проблемы с деньгами и давить конкурентов. Сама Софья выступала в роли двора Великого князя. Надо отдать должное, она играла честно — периодически она брала с колоды карточку, зачитывала с неё нечто вроде: “На дорогах появились разбойники”, а потом интерпретировала это для остальных:

— Лада, сколько у тебя торговля зерном по реке? Ладно, на тебя не повлияло. Некраса, у тебя в этом году доход вполовину упадет, пометь себе.

Но это были детали. В основном это напоминало тренинг — девушки по очереди вызывались на “сцену”, и в коротких, сжатых ситуациях, должны были “принять свекровь”, “договориться о цене за постройку стен”. Софья выступала от лица их собеседников, нещадно критикуя почти каждое слово.

— А вас что не вызывают? — тихо спросил я сидящих с нами Милену и Лизавету.

— А нас еще вчера убили, — ответила Лиза. Выглядела при этом рыженькая искренне расстроенной.

— Тебя убили, а я в Храм послушницей ушла, — с превосходством ответила Мила.

— А я в походе за мехом, на севере сгинул, — печально сказал Сергей. — Сейчас у нас две, вроде как семьи, остались. Одна вокруг Лады, самая сильная. Вторая вокруг Некрасы, она еще держится. А мы были, вроде как не те, и не те...

— Нейтральными, — зачем-то подсказал я нужное слово.

— Да не важно. Короче, это было ошибкой, — сказала Лизавета. — Они на нас сразу напали и сожрали.

Софья постучала своей палочкой по столу, грозно глянув на нас. Видимо, мы слишком громко говорили. Софья черкнула что-то на берестяном листочке, жестом подозвала девушку-служанку, шепнула ей на ухо пару фраз, показывая на нас. Та бегом кинулась к нам, стараясь не загоразивать сцену и передала листочек Илье. Он нахмурившись прочитал:

— Ваш друг попал в плен. Для выкупа требуется 5 000 рублей. Попросите их у жены.

— Некраса, снова выйди. Хорошо, что у нас сегодня есть мужчины, мы это используем. Господин Илья, — а ведь он господин, я уже и забыл. Боярин ведь. — Прошу вас к Некрасе.

Илья смущенно вышел на сцену. Софья дала вводную:

— Итак, господин Илья сегодня муж Некрасы.

Девки в зале захихикали. Мила с Лизой тоже.

— Он у неё не очень умный, — на ушко шепнула мне Мила.

— Девушки, тихо! — скорее одобрительно, чем строго, сказала Софья. — Илья, вы вернулись с похода. Все, начинайте.

— А можно, я жену хоть поцелую. Год ведь не виделись, — спросил Илья, вызвав новую волну смешков. Некраса глянула на него с ужасом.

— Нет, — отрезала Софья, и грозно хлестнула столешницу, — Не крадите у нас время, к делу!

— Так, — Илья подсел к Некрасе за стол. — Тут такое дело, женушка. Дай мне тысяч пять рубликов. И поскорее.

Все затихли.

— Не дам! — фыркнула Некраса. — От тебя и так одни убытки...

— Нет! Нет! Неправильно! Чему я вас учила?! — закричала Софья. Вскочила с кресла и начала расхаживать по сцене. — Нельзя так говорить с мужчинами! Это вы думаете, что просто говорите, а он видит драку! Врага! Мне опять рассказать, что мужчины отличаются не только телом, но и мыслями?! Поймите, они же живут в другом мире! В мире, где споры решаются оружием и кровью! Вы не понимаете мужской мир, если не готовы перерезать горло, вместо слова "нет"! А им проще вас убить, чем спорить! Когда вас отдали на воспитание дядьке, господин Илья?

— В двенадцать, — растерянно ответил тот.

— Вы часто видите мать? — снова спросила Софья.

— Да, — кивнул тот. — Живем же вместе...

— Как часто, уточните, — перебила Софья.

— Ну, раза два в неделю, точно. На праздниках каждый день... — начал было Илья.

— А как долго вы бываете в походах? Охота? Патрули по дорогам? Полюдьё? — снова перебила его Софья.

— Ну... По разному. Обычно неделю два. А было и на два месяца уходили, — ответил Илья.

Софья повернулась к залу:

— Я говорила уже один раз, и буду повторять, пока вы не поймете, костями не

прочувствуете! Нельзя перечить мужу! Вы его жена, его раба, он ваш хозяин! Он тот, кто достает меч и рубит в щепки ваших врагов, если конечно его воспитали как благородного человека. Он умрет, защищая вас, он будет штурмовать любое препятствие! Так не надо становиться его врагом! Не будьте ему препятствием на его пути! Так, Лада, давай ты!

Лада встала с подушечки и затараторила:

— Конечно Илюшенька, дам. Жаль только, сейчас столько серебра нет. Надо по сестрам и подругам пройтись, пусть подсобят. Они, правда, в ответ что-то да потребуют, но нам ведь срочно надо, пообещаю исполнить. А может, можно, мехом отдать? Вот-вот обоз подойти должен. Кстати, говорят разбойники расшалились, ты бы проехался по дорогам, приглядел за обозами-то...

Софья махнула рукой, её останавливая. Оглядела зал. Кивнула Ладе:

— Молодец. Садись. Теперь вы, сударь Храбр, встаньте.

Это было неожиданно. Я поднялся. Настороженно, как будто к бою готовлюсь.

— А как бы вы начали разговор, на месте Ильи?

— Я бы... Я бы начал с того, что показал, как ценю и люблю свою жену. Спросил бы о её делах, — начал я осторожно. Софья улыбалась и кивала поощрительно. Я, уже смелее продолжил. — А потом бы объяснил дело. Что друг у меня в плену, очень деньги нужны. Срочно.

— Спасибо достаточно. Девушки, возможно вы сейчас не поняли, что произошло. Я объясню. Храбр женолюб, угодник и хитрец. Со стороны не кажется, что это так работает, на деле же он подберет к вам подход, растопит сердце и вы, не думая о будущем, отдадите ему все, что есть. И тем поставите под угрозу и свою семью и будущее своих детей. Такие как Храбр могут быть опаснее, чем открытый враг. Спасибо Храбр, можете садиться.

Я плюхнулся на подушки. И это после всего, что между нами было, Софушка? Лиза с Милой посмотрели на меня с подозрением, как бы заново оценивая. Я сделал вид, что не замечаю их взглядов.

Урок был насыщенный. Мы не заметили, как пролетело время. Даже звон колокола, отмечающий обеденное время, не заставил девушек разойтись. Чего греха таить, как только я слегка разобрался в местных хитрых перипетиях, мне стало интересно за ними наблюдать. Как сериал смотреть хороший. А по сериалам я соскучился. Лада по легенде игры была одной из кучи сестер, которых играли её подружки, и они настойчиво пытались сесть на торговый путь, который контролировала Некраса. Они строили козни, обменивались с Софьей и друг другом записками, делали заявки на действия — тут это называлось по другому, но работало так же — а Софья решала, получилось или нет.

— Хочешь, хохму расскажу? — толкнула меня в бок Лиза. — Когда девкам сказали, что у них мужья есть, они все начали галдеть. А он красивый? А из какой семьи? Так госпожа Софья им знаешь, что сказала?

— Неважно, — ответил я.

— Да, — кивнула Лиза. — Вернее, она сказала: ”сейчас не важно, пока опустим для простоты”. Но ты прав. Неважно.

Даже после того, как Софья объявила об окончании урока, девочки облепили её стол, явно не торопясь идти на обед. Конечно, тут же баранками кормят.

— Пойдемте кушать? — робко спросил Илья.

— Подожди, сейчас задание на вечер должны дать, — сказала Милена.

Подошла служанка и отдала каждому из нас по листку. Девочки тут же ловко спрятали

их во внутренний карман, не разворачивая. Так же поступали и остальные ученицы — уже через минуту после конца урока я не видел в их руках ни одной берестянки.

— Нам нельзя читать и считать на людях. Мужчины могут увидеть, — объяснила Милена. — А мужчины не любят умных женщин.

Я задумчиво развернул домашнее задание, которое мне дали. Это была самое настоящее задание, как в учебнике. Дано, столько-то десятин земли под распаху. Распределите десятины между семьями в селе. И дальше, “Семья Аз”, взрослых столько-то, детей столько-то, домашняя скотина такая и такая, коней нет. Приехала в село два поколения назад... Это задача не только на арифметику.

— Все, завтрашний урок будем разбирать вечерние задания, поэтому подготовьтесь все. Кто не напишет мне ответ минимум на трех листах, получит три удара по попе. Сударь Сергей, вас это тоже касается. И вас, господин Илья и сударь Храбр, если решите снова прийти. Все, все, девочки хватит щебетать, идите кушать!

Пока наша компания шли наверх, девчонки весело подтрунивали над Ильей:

— Тебе надо было супружеским долгом Некрасе угрожать, — рассуждала Милена.

— Точно! Или пять раз, или пять тысяч! — поддержала её Лизавета.

— Да я бы и наоборот согласился, — буркнул Илья, заставив девчонок удивленно притихнуть, а потом расхохотаться.

— А ты чего притих, Храбр? — спросил Сергей.

— Да ты тоже не громкий, — ответил я. Он и в самом деле на уроке Софьи сидел тихо, как паук в углу.

— Есть о чем подумать, да? — хмыкнул он.

Я молча кивнул. Кто-то сказал, что любители изучают тактику, а профессионалы стратегию. Так вот, эти девушки, будущие жены великих и доблестных мужей, были теми, кто изучает стратегию. За каждым профессиональным воином стоит экономика. Его мало выкормить и обучить. Его надо одеть и вооружить. Снарядить его и слуг в поход, дать запасы. Выкупить из плена. А, учитывая особенности рода деятельности, постоянно быть готовой к тому, что он не вернется из очередной “командировки”.

У каждой медали есть обратная сторона. И сейчас я вдруг обнаружил её у местного магофеодализма. Впрочем, вспоминая, я теперь видел её и в феодализме своего мира. Однажды в статье о путешествиях Марко Поло, меня удивил момент, тогда показавшийся мне просто странным. Прибыв в ставку хана, итальянец не стал записываться на аудиенцию, а начал искать встречи с его женами и матерью. Умудрился выяснить их вкусы и угодить этим женщинам с подарками, что он особенно подчеркнул, как свою заслугу. После чего его принял хан, без очереди, и без затруднений выдал разрешение на передвижение и даже предписание войскам оказывать Марко помощь.

Итальянец знал, как устроен феодальный мир.

Очень похоже, что закованные в броню феодалы в нем, в каком-то смысле, лишь такой же расходник как стрелы и провизия. И в этом мире, все устроено очень похоже.

— А как поднять серебра умному, красивому, благородному но бедному боярину? — вдруг спросил Илья.

— Этого мы еще не проходили. Я и сама хотела бы узнать, — ответила Милена.

— Жениться надо на девушке из хорошей семьи! — засмеялась Лизавета. — А не как Храбр.

— Меня Илья, этот вопрос интересуется даже вдвойне, — улыбнулся я, подозревая что в

моих глазах нет улыбки, а только боль взрослого человека, обремененного мыслями о будущем своей семьи.

Глава, в которой главный герой обретает спокойное, тихое счастье. И это могло бы быть отличным окончанием книги, если бы не Велимудр, который втравливает Храбра и его друзей неизвестно во что.

Я молод и здоров. Вокруг меня множество красивых девушек и огромный, наполненный магией и загадками мир. Можно найти миллион и еще сто тысяч способов провести время интересно. И что я делаю? Пялюсь на поднос с дробленными камнями. Серьезно, я надеялся на большее. Велимудр, к тому же, сегодня как с цепи сорвался. Ходит, зыркает. Еще кожаный фартук надел, бороду в узел завязал и теперь похож не на доброго волшебника, а на старого палача. Вот опять навис надо мной. Пыхтит, следит. Глаз нельзя отвести от кучки этого каменного крошева, а то начнет нудить.

Ладно, буду честен. Велимудр просто сосредоточил внимание на тех, у кого еще “дракон” не получился, а таких, кроме меня, всего две девушки и Томила. Поэтому он каждому успел и внимание уделить и нотацию прочитать. У меня уже от слов “дракон кусает себя за хвост” глаз дергаться начинает. Что за тупое название для химической реакции? Хотя, даже не химической, а физической. Старый псих вычитал где-то красоту и решил ввернуть. Так я не против, пусть. Ну раз, ну два. А Велимудр же заладил, как попугай. Это ведь отсылка к вечной изменчивости мира. Мир пожирает сам себя и перерождается. А мы вроде медь добываем. Тут бы лучше китайская жаба с монетками. Ой, хотя нет, только не жаба. Сразу болотники вспомнились. Вот то, чем жабы, то есть болотники, казались... Нет, все равно, болотники всё впечатление о своем замечательном мороке, своей гнусной сущностью испортили. И способ питания у них... Раз уж ты существо волшебное, питайся для людей полезно. Вон, из руды металл вытягивай. Люди тебя разводить будут, станешь успешным биологическим видом, как овца. Вроде бы единственный вид на планете, которого больше, чем людей. А еще лучше, сразу готовые изделия выплавляй. Хотя, у болотников морок был не так уж и плох. Даже жаль что Милена не дала долго разглядывать. За душу берет. Можно бы было стриптизбар с поправкой на местный колорит организовать. Будет мужикам куда на ярмарке сходить. И потом, в деревне, долгими зимними вечерами, будет о чем вспомнить. С другой стороны, морок у болотников кусочками, цельной картины эти изгибы в памяти не оставили. Вот госпожа Софья, да, запомнилась. Особенно выдающийся бюст. Может это она магией так прокачалась? Наверняка. Тут ничего ничему верить нельзя, все может оказаться не натуральным, в смысле волшебным...

Я моргнул. Зажмурил глаза, испуганно подумав, что у меня зрение начало садиться. Но нет, все правильно. Руда на подносе стала шевелиться. Как будто набухать. А медь вокруг наоборот, втянулась. Я отшатнулся.

— Сударь Храбр! Опять вы отлыниваете! — тут же подскочил Велимудр. Бросил взгляд на мой поднос и испуганно замер. Мелкая каменная крошка в подносе начала будто плавиться и закипать, поднимаясь как пенка на молоке. Я соскочил с лавки и отошел подальше, с сомнением поинтересовавшись у профессионального алхимика:

— А не взорвется?

— Не должно, — уверенно ответил Велимудр. И тоже сделал пару шагов назад.

Каменная каша в тарелке перестала бурлить и застыла. Почти сразу. Закоксовалась. Опала, оставив посередине бугорок.

Велимудр извлек из кармана своего фартука крохотные щипцы, осторожно приблизился, и постучал ими по бугорку. С него осыпался шлак и показалась медная поверхность. Велимудр повернулся ко мне и начал наступать, тыкая в меня щипцами.

— Что вы сделали? Сударь Храбр! Объяснитесь!

— Ничего я не делал! — возмутился я. — То есть, что вы велели, то и делал!

То есть ничего. Сидел, смотрел, о своем думал.

— Тогда что это?! — прямо таки затрясся от ярости Велимудр и ткнул щипцами в мой поднос за своей спиной. Машинально бросив туда взгляд, я вдруг увидел, как там что-то шевельнулось. Увидев мой изумленный взгляд, Велимудр тоже обернулся. Мы осторожно приблизились, как раз, чтобы обнаружить, как из плена кокса — именно такая, сухая, как будто измельченная руда получалась после вытопки из неё меди — высвобождается... Медное яйцо. Раза в два больше куриного. Оно снова подпрыгнуло и с глухим металлическим “звук” покатило к краю блюда.

— Назад! — заорал Велимудр. — Ща разобьется!

Но я, вместо этого, кинулся вперед, и подхватил яйцо, не дав ему упасть. Приятно увесистое, но не тяжелое. Я осторожно разглядывал его со всех сторон, когда вдруг оно снова дернулось в руках. И на стороне, обращенной ко мне, появилась выпуклость. Словно кто-то крохотной ручкой ударил изнутри по стенке с такой силой, что оставил отпечаток. И снова. И снова. Я еле смог удержать яйцо в руках. Медная скорлупа треснула и разошлась. Велимудр, как оказалось, внимательно следил за происходящим. Он тут же подцепил своими щипцами краешек скорлупки и совместными усилиями мы отодрали почти треть яйца. Вернее, его оболочки. Внутри, сложившись в три погибели, сидела фея. Самая настоящая фея. Ладно, я других не видел, но в принципе, похожа.

Маленькая, голенькая, похожа на человечка, но немного другие пропорции тела. Совсем чуть-чуть, просто угадывается небольшая неправильность. Она с трудом распрямила ножки, села, посмотрела на меня и потянула мне на встречу ручки. Личико миленькое, на Милену чем-то похожа, только глазки чересчур большие. Не как у чихуахуа, но почти. Я осторожно протянул ей ладонь, осторожно обхвятил, вынул из медной кожуры и почувствовал облегчение.

— Дайте сюда! — протянул свои грабли Велимудр.

— Нет! — жестко рявкнул я. — Она боится.

И прижал фейку к себе. На ощупь она была неожиданно тяжеленькой и твердой. Зато теплой.

— Чувствуете её эмоции? — нахмурился Велимудр. Потом снова бросил взгляд на неё, на меня. В его глазах промелькнуло странное выражение. Кажется, удивление густо смешанное с... Испугом? Восторгом?

— Ждите здесь! Мне срочно надо посоветоваться! — заорал Велимудр и сорвался с места. И побежал на выход. Уже в дверях обернулся и погрозил мне пальцем:

— Никуда не уходите! — я отстраненно кивнул, занятый живой фигуркой на руках. Видя, что я не проникся, Велимудр грозно сдвинул брови и прикрикнул. — Стой на месте Храбр, хоть одну ногу от пола оторвешь, прокляну!

Я внимательно посмотрел на него и серьезно кивнул. Волшебник успокоился и скрылся

за дверью. Я тут же пошел к лавке и плюхнулся на неё. Я почувствовал беспокойство, оглянулся вокруг и увидел любопытные лица. Весь класс бросил свои столы и двигался ко мне.

— Все назад! — рявкнул я. — Вы её пугаете.

— Отойдите, отойдите! — встал на дороге у самых любопытных Илья, раскинув руки. — Тут не на что смотреть!

Конечно же, Лиза с Милой ни на секунду не заподозрили, что мой окрик и их касается. Правда вели себя сдержанно — встали в шаге от меня, смешно вытянув шейки, чтобы заглянуть мне в руки. Я осторожно приоткрыл ладони. Феечка заинтересованно глянула на них.

— Какая миленькая! — умилилась Милена. Кажется, совершенно искренне, аж ладошки к личику прижала. Лиза рядом внимательно на неё посмотрела и повторила её жест.

— Кушать хочет, — я растерянно поделился ощущением. Я сам не чувствовал, просто при взгляде на увесистую мелочь, угадывал, что ей нужно.

— Ой... А можно потрогать? — Милена так полыхнула на меня синим огнем своих глаз, что я просто не мог отказать.

— Только медленно и осторожно! — строго предупредил я.

Мила послушно, медленно и осторожно протянула свою руку, задержав её рядом с феечкой. Та с интересом потрогала ухоженный ноготок. Глянула на Милену. Протянула к ней ручки.

— Ути пусичка! — сдавленно взвизгнула Милена. Протянула обе руки и осторожно погладила феечку. Та ловко подставила спинку, а потом уселась и широко зевнула.

— Наелась, — поделился догадкой я. Милена обессиленно плюхнулась рядом.

— Она восторгами вашими питается, — тихо сказала Лиза.

Феечка свернулась в моей ладони поудобнее и решила вздремнуть. Я посмотрел на Лизу, но не нашел, что её возразить. Просто сделал скептическое лицо. Лиза приблизилась и тихо шепнула:

— Я не сдуру ляпнула, я же видеть такое могу. Ути пусечка, какая, — и тоже потрогала феечку. Тут же с довольным лицом уселась прямо на пол, у моих ног.

— Это не опасно? — забеспокоился я.

— Нет, через минуту пройдет, — отмахнулась Милена. — У моей бабки есть домашний...

— Когда надо, никого нет! — в кабинет ворвался растрепанный Велимудр. — В этом месте только я работаю! Где они шляются! Я к Канцлеру! То есть, к господину Велимудру! Тьфу, Господину Махаэлю! Храбр, сиди здесь! Для остальных урок окончен! Не забудьте погасить горелки! — и старый волшебник умчал в другую дверь.

Остальные, шепчась, стали расходиться. Илья, Сергей и, разумеется, обе девушки остались. Я был им благодарен. У меня было странное чувство. С одной стороны страх, как будто моя жизнь больше никогда не будет прежней. С другой стороны душу наполняло счастье. Я осторожно покачивал маленькое существо на руках и глупо улыбался.

Последней ушла Некраса. Но перед этим, быстро подошла к нам, протянула Лизе платок, тихо буркнула:

— А то еще замерзнет.

И побежала догонять остальных. Сергей проводил её задумчивым взглядом и сказал:

— А что она такая добрая?

— Она такая, — резковато ответила Милена. — Она, кстати, помогла нам этого дурака от Лады спасти.

Это она про меня. До сих пор злится, а ведь и не было ничего

— Да хрен с ней! — прогудел Илья. — Давай Храбр, выкладывай. По порядку, с подробностями, что ты тут учудил?

— Да я сам ничего не понимаю, оно само все случилось! — возмутился я, осторожно оборачивая платок Некрамы вокруг феечки.

— Да мы и не сомневались, что все сдуру и мимодумно! — рывкнула Милена. Похоже воспоминания о Ладе её расстроили сильнее, чем мне казалось. — Вспоминай, что делал?

— Тише, феечку разбудишь! — прошипел я. Маленькое чудо у меня на руках немного поворочалось, и затихло. Я поймал заинтересованные взгляды. — Ладно. Значит сижу я флукструирую... рару...

— Спишь с открытыми глазами. Я видел, — понимающе кивнул Илья.

— Да, кстати, в точку. Как будто задремал. Вспомнил я про дракона с хвостом и подумал...

Рассказать мне было особенно нечего, но разговор был подробный, меня несколько раз заставляли пересказать все с начала. Но скрытые, хоть и явные, достоинства госпожи Софьи, я не выдал. Я заметил, как Милена с Лизаветой задумчиво переглядываются, явно имея версию произошедшего. Но сомневаются. Они отошли в сторону пошептаться, Сергей воспользовался случаем и осторожно потыкал пальцем в ножку моей феечки, с удивлением сказал:

— Твердая!

Илья был практичен:

— Как назовешь? Давай Полканка? У меня пес есть, Полкан, чудо а не пес. Хорошее имя.

— Я подумаю, — осторожно сказал я.

— Храабр! — в учебный кабинет ворвался вконец запыхавшийся Велимудр. — Оперся на ближайший стол, отдышался. — Канцлер с Софьей пошли старца Григория ругать. Сейчас они у него в кабинете. Думаю, Гришка опять запил. А я давно им говорил, такого декана... не важно. Пошли, как раз весь деканат в сборе.

— А может просто на прием к Канцлеру записаться? — обескураженно спросил я.

— Нет! Это же важно, балда! Молча, за мной, бегом! — Велимудр подбежал к своему столу, схватил посох и рванул к выходу. Насчет бегом старец Велимудр, кстати погорячился. Уже шагов через сто он выдохся и перешел на спортивную ходьбу. С палкой. Тем не менее шагал бодро и целеустремленно. И молча, глубоко задумавшись о чем-то своем, иначе бы заметил, что за нами, слегка приотстав, идут еще четверо. Разумеется, никто из моих друзей меня не бросил. Я периодически оборачивался и корчил им страшные рожи — мол не лезьте, сам разберусь. Они приотставали еще на пару шагов и все равно шли за нами. За что я был им благодарен.

От быстрой ходьбы, почти пробежки, я даже вспотел. Велимудр вывел нас наверх не через парадный вход, а провел какими-то закутками, и мы вынырнули из прямо в главном корпусе.

Я поднялся по уже знакомой лестницей. Кабинет Распутина был дальше по коридору, сразу за кабинетом Софьи. По крайней мере, так я предположил, видя как пройдя мимо знакомой двери, за которой Софья меня поила чаем, Велимудр буквально вломился в

следующую и заорал дурным голосом:

— Старец Григорий! Подите-ка сюда немедленно! Посмотрите, что ваш взысканец учудил!

Мы ввалились в большую комнату, похожую больше на цех. Голые стены, узкие оконца, даже штукатурки на стенах нет, голый красный кирпич. А Распутин то модный, ретро-лофт себе замутил. В комнате старца Григория не было, зато обнаружилась испуганная служанка, хмурый Канцлер и бесстрастная госпожа Софья.

Вдоль стен громоздились устройства, столы с чем-то, похожим на приборы, верстаки и еще какой-то хлам. Я уверенно опознал пару самогонных аппаратов. А посередине ярко освещённой светлячками-корабликами Канцлера комнаты, в центре тщательно освобожденного от всего лишнего пустого пространства, стояло массивное, собранное из бивней мамонтов и костей, сооружение.

— Вы очень вовремя, старец Велимудр, — сказал Канцлер. Вокруг него и над ним летали в боевом построении знакомые мне по прошлым беседам призрачные кораблики-дроны. Только это и выдавало нервозность Канцлера.

— А я вас искал! — забыв все приличия, просто кивнув вместо того, чтобы как следует поприветствовать вышестоящего, заговорил Велимудр. — И это срочно, немедленно! Сегодня, прямо у меня на уроке, сударь Храбр... А что это?

Все же есть в старом волшебнике что-то от ученого. Любопытство — вот чувство, которое превалировало в Велимудре над всем остальным. Разглядев загадочную конструкцию, он просто не смог её игнорировать.

— Полагаю, нечто похожее на Скрытый путь, — ответил Канцлер. — Или нечто непохожее, но сходное по результату работы. Я удерживаю нить, не давая этому пути окончательно захлопнуться. Пожалуй, я все еще смогу открыть его вновь. Но чем больше проходит времени, тем мне труднее.

— Мы послали за стрельцами лица. Уже давно, — злым голосом сказала Софья. — Я даже успела сходить к себе и переодеться. А их все нет!

Только тут я заметил, что вместо кокетливо-шикарной шубы или строгого, но сексуального платья, на ней короткая дубленка, из под которой выглядывают высокие, отороченные мехом сапоги и ноги в штанах. И на голове аккуратная шапка, не похожая на шикарные головные уборы местных барышень, а нечто близкое к шлему, хотя металла и не видно, из-за черной кожи. На плече сумка, на бедрах широкий пояс с серебряными бляхами и целым набором сумочек, смахивающими на патронташи. Довольно дерзкий наряд. Она меня игнорировала, хотя я и пытался поймать её взгляд.

— Тогда не будем ждать! Ты! — Велимудр повернулся к служанке. — Бегом ко мне. Скажи Дражко, чтобы принес мне мою боевую шляпу! И сумку, ну ту, которую я беру... Он поймет! Бегом! Одна нога тут, другая там! А то заколдую!

Девушка с испуганным всхлипом выскочила за дверь. Когда она открыла дверь, я успел заметить взметнувшиеся рыжие волосы. Лизавета как всегда, подслушивала.

— Это будет слишком долго. Я открою вам “путь”, — махнул рукой Канцлер. Рядом с Велимудром появился портал. Немного не такой, какой я видел в Музеуме, но похож. В нем я увидел рабочую комнату, в которой Велимудр показывал нам свой поисковичок и хвастался зеркалом. Из портала донесся дикий визг, тут же перекрытый еще более диким криком Велимудра:

— Маришка, дура, молчи! Где Дражко?! Драаажко! Позови мне Дражко! Хотя нет, пусть сразу принесет мне походную сумку, боевую шляпу и... Он знает! Бегом! Побежала, я

сказал! А к чему такая спешка? — последнюю фразу Велимудр произнес уже спокойнее. Ну, сорвался на дворне, можно и поговорить спокойно.

— Я вынужден предположить, что старец Григорий отсутствует со вчерашнего дня, — дернул бакенбардами в недовольной гримасе Канцлер. — Последний раз его видели вчера, когда он вел пятый курс к себе в кабинет. Как мы знаем, он любит проводить тут уроки.

Все преподаватели, не сговариваясь, покосились на самогонные аппараты.

— А может? — вскинул брови Велимудр.

— Его сани тут. Стоят у него во дворе. Через ворота никто не выходил. Остается предположить только одно, — поняла его с полуслова Софья. — Он увел весь пятый курс в эту волшебную дверь, видимо предполагая провести урок в другом месте. И с ними что-то произошло, поскольку он так и не вернулся.

Из портала, который открыл Канцлер в дом Велимудра, появился знакомый мне по прошлому посещению светловолосый парень, с абсолютно невозмутимым лицом. Видимо это и есть тот самый Дражко. Ему начали передавать из портала вещи. Со знанием дела, он одел Велимудра в длинную, бронзовую на вид, пластинчатую броню. Аккуратно расправил поверх неё бороду. Водрузил лихую остроконечную шляпу с наушами, назатыльником и очень широкими полями — кажется это был обшитый красным бархатом высокий шлем. Повесил на плечо знакомую сумку. Дал в руки Велимудру посох.

— Я готов, — сказал Велимудр.

— Сударыня Лизавета! — повысил голос Канцлер. — Скажите, вы не слышите торопливый топот ног стражи?

Через пару секунд дверь приоткрылась, в щель протиснулась рыжая, очень правдоподобно изобразила смущение, точно как её научила Милена. И пискнула:

— Сотника найти не могут, а десятники трусят. Еще даже арсенал не открыли.

— Спасибо, сударыня, — похвалил её Канцлер. — Потом зайдите ко мне, расскажите как вы узнали такие подробности. Ну что же.

Канцлер осмотрел Софью и Велимудра. Потом потер глаза жестом усталого человека.

— Когда я вернусь, то скорее всего казнь сотника. Может, не его одного. Терпеть ненавижу когда приходится... — Канцлер на секунду запнулся.

— Импровизировать? — пискнула Лиза от стеночки.

— Какое интересное слово, — улыбнулся Канцлер. И взмахнул рукой. Похожее на орочий портал сооружение затряслось, окуталось фиолетовым пламенем и перед ним появилась стремительно расширяющаяся щель. — Храбр, вы и ваши друзья оставайтесь тут. Следите, чтобы ничего не пробралось в Лицей. В случае необходимости, разрушите артефакт. Если подойдут стрельцы, пусть следуют за нами в портал. Госпожа Софья, только после вас.

Щель расширилась, и стала похожа на пролом прямо в воздухе. Тут были другие краски, другие, резко очерченные края, и изломанные линии. Действительно, не похоже на то, что открывает Канцлер. Софья вошла в портал первая. Лишь на секунду задержавшись перед ним, да и то, только для того чтобы бросить быстрый взгляд по сторонам. Велимудр полил свои сапоги из склянки истощающий приторно-сладкий запах, притопнул, одобрительно кивнул. Спрятал склянку, достал фляжку, отхлебнул. Одобрительно крякнул. Спрятал фляжку и огромным прыжком сиганул в портал. Канцлер подождал, пока оба декана зайдут, пропустил перед собой большую часть своих корабликов и зашел за ним.

Я осторожно сделал пару шагов поближе, только чтобы заглянуть в портал. Мы увидели

спину Канцлера. Выглядело, как будто вид от третьего лица в игре. Я разглядел потрескавшийся пол из громадных каменных плит, позеленевших от старости. Канцлер, словно из воздуха, извлек изысканно украшенную, но не такую зверски огромную, как у Распутина, бомбарду.

— Как интересно, — промурлыкала Милена. Я глянул по сторонам. Остальные уже стояли рядом со мной, вглядываясь в темноту перед Канцлером. Сзади раздалось вежливое покашливание. Мы испуганно обернулись, кажется, кто-то взвизгнул. Я надеюсь, это был Сергей, а не я. За нами стоял Дращко. В руках у него были два мушкета и перевязи с порохом и патронами.

— Простите мою смелость, но я предположил, что вам может понравится идея использовать арсенал господина Велимудра.

— Слушай, — сказал Илья. — Там же лапландские сани рядом? Так, может, сгоняешь за большим мушкетом старца Григория? В санях, или на них, сзади, в сундуке. И бомбарда у него еще есть...

— Полагаю, в сложившейся ситуации это будет уместно, — сдержанно и с достоинством кивнул Дращко. — Только захвачу колун со двора, чтобы сбить замок.

И он шагнул обратно в портал, ведущий в дом Велимудра. Интересно, как долго он будет работать? Пока не будет закрыт Канцлером?

— Я нашла мертвеца! — послышался голос Софьи из портала, ведущего неизвестно куда. Мы синхронно обернулись, и стали всматриваться в происходящее там. Только Илья немедленно начал заряжать мушкет.

— В этот раз я точно не чем не виноват, вы сами в это влезли! — попробовал я снять с себя ответственность.

Милена фыркнула как котенок и достала ножи. Лиза, фыркнула, явно подражая ей, но получилась скорее рысь, и села на пол, снимать сапожки. Сергей с трудом подобрал с пола второй мушкет. Эта ручная пушка ведь тяжелая, килограммов шесть весит. Как ручной пулемет. Сергей задумчиво повертел мушкет в руках, явно не особо понимая, что с ним делать. А потом глянул на меня и сказал:

— Без тебя, Храбр, мы бы пошли кушать. Но с тобой, сука, интереснее.

Глава 13

Глава, которую находят увлекательной даже персонажи. Главный герой решает быть проще из-за чего становится сторонним наблюдателем, а Милена приходится столкнуться с лишениями трудного времени.

— Я нашла мертвеца! — крикнула Софья. С нашего ракурса она почти не просматривалась, поэтому мы синхронно присели, попытавшись заглянуть за край портала. Она стояла лицом к нам. Мазнув по нам безразличным взглядом. А мы обескураженно выпрямились — рядом с ней ничего подозрительного видно не было.

— Интересно, а как старец Григорий открыл портал? — запоздало удивилась Милена.

— Что тут удивительного? Наверно, так же, как и господин Канцлер, — фыркнул Илья. — Вот так рукой махнул. И открыл.

— Но ведь старец Григорий вот так руками не машет! — не согласилась Милена. — Поэтому я и удивляюсь...

— Где мертвец, госпожа Софья, — слегка раздраженно спросил Канцлер, повертев головой по сторонам.

— Над вами! — ответила она, и покачивая крутыми бедрами, подошла поближе, и ткнула пальчиком, как мне показалось, прямо в портал.

Канцлер резко обернулся на нас. Мы притихли, только слышался “вжукт-вжукт” забиваемой в ствол пули — Илья человек простой, в любой непонятной ситуации заряжает мушкет. Я решил к нему присоединиться и тоже занялся делом. Машинально спрятав феечку в карман. Она была аккуратно укутана в платок, и тихонько посапывала, сложив ручки под головкой. На самом деле, спала она крепко, я её пару раз ощутимо тряхнул, но она не проснулась. Софье шла опасность Она аж преобразилась и сейчас картинно покачивала бедрами, мягко, как уверенная в себе кошка, поворачивала голову, осматриваясь по сторонам. К канцлеру и Софье присоединился Велимудр. Все втроем они разглядывали что-то ниже портала. Но и на нас посматривали. Мы смущенно переминались с ноги на ногу, не зная, куда себя деть. Хорошо еще, что у меня хоть руки заняты.

На пороге портала, ведущего в дом Велимудра, появилась служанка, с охапкой оружия в руках.

— Ах ты ж батюшки, страсти какие, ой мне не в жисть не заставить себя сюда шагнуть! — с визгом запричитала девушка. Мила поняла, что это её шанс оказаться при деле. И бросилась к служанке.

— Давай сюда, дура! — забрала у неё оружие Милена. И высыпала перед нами на пол. Там обнаружилось пара дешевых сабель в довольно хреновом состоянии, рогатина и... Садник. Это такая лопата для вынимания хлеба из русской печи. Обычно садник делался целиком из дерева, но у этого на мощной рукояти была насажена вытянутая, даже хищная, бронзовая лопасть.

— Садник?! — возмутилась Милена. Обернулась к служанке, которая так и торчала у портала в дом Велимудра, забыв о своем страхе. — Ты садник зачем притащила?!

— Сударь Дражко сказал, нести все, что за оружие сойдет. А я этим садником однажды старца Григория так приложила! Даром что колдун, сразу с копыт...

— Вы не могли бы там потише! — крикнул из портала Канцлер. Все притихли, только

Милена, по извечной женской привычке оставлять за собой последнее слово, прошипела служанке:

— Ты бы еще ухват притащила!

— Ща принесу, — легко кивнула та. Через портал она не заходила, но мордашу всунула и сейчас блестящими, расширенными от любопытства глазами буквально пожирала происходящее.

Пока они шипели друг на друга, педагоги, со свойственным всем им отрешенностью, обсуждали невидимый нам предмет.

— Странно, что я не вижу на нем следов зубов. И конечности целые. Кажется, даже глаза никто не выклевал... — рассуждал Велимудр.

— Хочу обратить ваше внимание, что мы в подземелье, — с оттенком иронии ответила Софья. — Судя по степени завялянности, он умер он от раны в груди... Выстрел?

— Если позволите, рискнул предположить, — вмешался Канцлер. — Что ему вырвали сердце. Мне случалось видеть подобное. Обратите внимание на то, как торчат ребра...

— Мгях, — неразборчиво сказал Сергей. И отошел в сторону.

Софья нагнулась, словно рассматривая нижний край портала. Велимудр воспользовался случаем рассмотреть её тыл. Канцлер целомудренно отвел взгляд в сторону. Госпожа декан обернулась к Канцлеру и сказала.

— Мне пришла в голову безумная идея. Насколько я могу судить, старец Григорий водит дружбу с лапландскими шаманами. Не мог ли он открыть портал с помощью духа этого тела... Привязать точку выхода к останкам человека, чье имя он знал?

— Склонен с вами согласится. Давайте проверим, — ответил Канцлер. Вытянул из воздуха широкий, лишь слегка изогнутый клинок, и ловко взмахнул им.

Изображение в портале вдруг резко сместилось, а затем и вовсе завертелось, вызвав у меня приступ морской болезни.

— Ой, что такое творится! — перепрошила служанка Велимудра. Вот только комментариев с "галерки" нам не хватало.

“Изображение” застыло, показывая кусок каменного пола. Зеленоватый налет оказался мхом, в стыках между плитами ветвились корни.

— Так и есть, — раздался голос Канцлера. — Храбр, я видел у вас там копьё? Не могли бы вы передать его мне.

Я нашел на полу копьё, просунул его в портал. Заодно улучшив момент и пристегнув на пояс саблю. Илья последовал моему примеру. Сергей, со страшным скрежетом притащил к portalу стол.

— Мушкетеры сюда можно положить, — объяснил он. Это было очень кстати, с пола поднимать неудобно. И в руках долго держать тоже — тяжёлые они, зараза.

— Так и есть. Привязка к голове, — тем временем продолжали обсуждение на той стороне. Из того, что видели мы, ничего не было понятно. Но позже мы разобрались — Канцлер отрубил голову найденного трупа, насадил её на рогатину и сейчас просто ходил с ней, как с раскрытым зонтиком. Он повернулся к обезглавленному телу. Портал повернулся вместе с ним. И мы увидели обсуждаемую персону. Омерзительное зрелище. Сергей побледнел, позеленел, сглотнул, и бросился за другим столом.

Я тоже побледнел, но держался. Труп и в самом походе на завяленную целиком тушу. Рану в груди толком я не рассмотрел и хорошо. А вот Илья отнесся к этому зрелищу спокойно.

— Хорошо, теперь у нас под рукой путь назад. Осталось лишь найти старца Григория и пятый курс. Или убедиться в их смерти, — подвел итог Канцлер.

— Минуту, — отозвалась Софья. Она снова наклонилась, но теперь её шикарную попку, обтянутую кожаными штанами, могли видеть и мы.

— Видите? — спросила Софья.

— Да, — тихо прохрипел Илья.

— Это наверняка оставил старец Григорий. Я усилием воли отвлекся от черной кожи и присмотрелся к рукам госпожи декана. Софья указывала на окурок, лежащий на каменном полу. Это точно был окурок от косяка с “византийской травой”.

— Я видел, как старец Григорий курил такие, — сказал я.

Софья присела на пол, открыла кошель на поясе, извлекла оттуда... Я с удивлением узнал в предмете, который она изящно обхватила своими холеными пальцами, угольный карандаш. Софья со знанием дела, быстрыми и уверенными движениями, начала рисовать на полу.

За нашей спиной раздалось тихое покашливание. В этот раз я почти не испугался. Так, просто обернулся и вскинул мушкет, нацелившись в лицо Дращко. Тот осторожно, одним пальцем, отвел в сторону мой ствол и невозмутимо сказал:

— Мне не удалось найти оружия в лапландских санях старца Григория. Рискну предположить, что он взял весь возимый арсенал с собой, куда бы он не отправился. Но, по счастью, кое-что мне удалось обнаружить у него дома...

С этими словами он положил на стол еще два мушкета с перевязями. Ну конечно, тут же хендмейд каждая ложка. А это значит, что под каждый мушкет нужна своя пуля. Никакой стандартизации толком нет. Я взял себе один мушкет с перевязью, Илья другой, и мы начали перезаряжать. Дращко обратился к Сергею:

— Простите, могу я вас попросить об одолжении. Давайте принесем сюда вон тот массивный стол и поставим его перед порталом. Господам школяром будет удобно стрелять из-за него.

— Конечно, — кивнул Сергей.

— А нам что делать? — пискнула Милена.

— Садник возьми! — хихикнул Илья. И тут же сосредоточился на работе шомполом, поймав синий взгляд, полный ярости.

Наши педагоги, тем временем, неспешно двигались по длинному коридору, ярко освещенному корабликами Канцлера. Впереди них бежал двумерный нарисованный пёсик, натягивая обозначенный одной линией поводок. Линия отрывалась от камня и заканчивалась на угольном карандаше Софьи, который она крепко сжимала в кулачке. Собачка вела себя вполне естественно. Если не замечать её двумерность и условность изображения. Вынюхивала, негромко тьякала, и рвалась вперед — явно взяв след.

— Вы долго сможете удерживать заговор? — поинтересовался Велимудр у госпожи декана, кивнув на её собачку. Он шел очень странно. Не торопясь, с ленцой, переставляя ноги. При этом не отставая от широко шагающих коллег. Казалось, как будто на нем электроконьки надеты.

— Думаю, достаточно долго, — уклончиво ответила Софья.

Они остановились. Путь дальше преграждал завал из крупных камней.

— Тупик! — обескураженно сказали за моей спиной недовольным женским голосом. Я обернулся. В портале к Велимудру уже торчало две любопытных служанки. Они притазили

лавку и сейчас сидели на ней. Я закончил заряжать второй мушкет. Положил его на верстак, который притащили Дражко и Сергей. Кстати, куда Дражко делся? Не важно. Я отошел в сторону, раздобыл два стула, себе и Илье. Поставил рядом с верстаком. Как настоящий джентльмен, принес еще два стула для Милены и Лизы.

Тем временем профессура, как водится, строила догадки и обвиняла во всех грехах тех, кто не мог за себя постоять в силу своего отсутствия. Или, даже, смерти, что даже лучше.

— Старец Григорий совершенно лишен чувства меры! — немного невпопад возмущался Велимудр.

— Возможно, он смог привлечь на свою сторону горянников... — вслух размышлял Канцлер не обращая на него внимания.

Софья стояла у камней, будто прислушиваясь. А потом из завала, к её ногам, радостно виляя хвостом-закорючкой выбралась нарисованная собачка.

— Завал заканчивается шагов через пятнадцать. След ведет за него, — растерянно доложила она Канцлеру. — Кажется, старец Григорий смог пролезть через щели...

— Сударь Велимудр, вся надежда на вас! — отчеканил Канцлер.

— На меня? Вся надежда?! — сначала испуганно, а потом с нарастающей гордостью повторил Велимудр. И нахмурился. Задумался. Сказал вслух. — Я могу размягчить камень. Я, кажется, знаю подходящий рецепт... Но мне потребуется три недели только на подготовку, с непредсказуемым результатом... Да еще и такие объемы.

— Неприемлемо, думайте еще, — отчеканил Канцлер.

— Так, ну я могу нас уменьшить... Но не настолько... Да как же этот индюк смог прони... Пойдите! Я знаю! Ну конечно! Он приходил ко мне на прошлой неделе! Или позапрошлой! Пойдите, это было до или после нападения на Великий Устюг?

— Сосредоточьтесь на деле, господин Велимудр, — бархатно сказала Софья и мягко положила руку на плечо старого волшебника. Надо сказать, что в своей шляпе и броне он выглядел скорее забавно, чем грозно. Велимудр расправил плечи, кивнул и с грохотом рухнул на пол. Не упал, а резким движением вытянул перед собой ноги, плюхнувшись на задницу.

— Ууууух, больно наверно! — донеслось из-за спины. Я обернулся. Первое, что я увидел, это Дражко, который невозмутимо протирал стол принесенный Сергеем. За его спиной двое пацанов на пару лет младше меня вытаскивали поднос с самоваром из дома Велимудра. Один из них и прокомментировал произошедшее. Тетка на лавке забеспокоилась.

— Шо тама, шо тама? Да уйди ты от окна, чай не стеклянный!

Я повернулся обратно. Велимудр лихорадочно рылся в своей сумке, вытаскивая то одну склянку, то другую. И раскладывал на полу перед собой. Секунды тянулись медленно, как уроки в школе. И складывались в минуты.

— Когда вы уже наведете порядок в своих зельях! — не выдержала Софья.

— У меня порядок! У меня все на своих местах — огрызнулся Велимудр. — Я просто не знаю где у неё место! Ага! Нашел!

Волшебник с победным видом извлек крохотную пробирку, похожую на пробник духов.

— С помощью этого Гриша и проник через завал! Это очевидно! Так, достаточно одной капли...

— Это точно безопасно? — заметно напрягся Канцлер.

— За кого вы меня принимаете?! Я попробовал на своем поваренке. Запер его в чулане.

Так он пробрался под дверь, подлец. Но потом я вспомнил, что у женщин как раз банный день. Там, в бане, он и обнаружился. В углу сидел. Мокрый и довольный, а главное, вполне здоровый. Полагаю, у нас будет не меньше двух часов до конца действия зелья.

— Я это, не я это, не того этого! — взвизгнул сзади мальчишеский голос. Я обернулся и успел заметить, что теперь выдавшему этот возглас перепало по подзатыльнику. Сразу четыре — на лавочке, кроме служанки и кухарки, появилось еще две тетки. Одна одета посолидней, даже с суровой местной косметикой на лице. Свеклой и углем, как я подозреваю. Возможно, прислуга соседей. А над ними стояли два мужичка, опираясь на колуны с длинными топорищами. А на полу перед ними сидели два пацана, притащившие самовар и поднос. Сначала хитреца отоварили по очереди каждая из женщин, потом второй пацан. Этого первый терпеть не стал, и полез в драку, которая тут же была жестоко пресечена подзатыльниками обоим пацанам от мужиков. Тяжелыми. Произошло все быстро, этакий “ту-ду-ду-ду-ду-мс”. Воспользовавшись тем, что я оторвался от наблюдением за порталом, Дращко протянул мне чашку на блюде и спросил.

— Чаю, сударь Храбр?

— Что? Нет! — сначала я даже возмутился. Но, немного подумал, и сказал. — А есть сбитень?

— Разумеется, — кивнул Дращко.

За моей спиной уже поставили стол, застеленный скатертью. Я мог сесть к нему в пол оборота и пить чай, оставаясь на боевом посту. Очень удобно.

— А можно мне пирожков с вишневым вареньем? — спросила Милена, с удовольствием отхлебнув из чашки.

— Простите, сударыня, но в сложные времена приходится терпеть лишения, — со сдержанным раскаянием в лице ответил Дращко.

— Ты смотри, капают все таки! — зашептались на “галерке”.

Я с благодарностью принял из рук Дращко кружку со сбитнем. И даже успел повернуться, чтобы заметить как Велимудр, уже снова на ногах и с собранной сумкой, быстрыми движениями какает из своего пробника по одной капле на Канцлера, на Софью и на себя. Как ни странно, но именно какая на себя, он чуть не промахнулся — капля попала на самый кончик бороды. И ярко белая борода, от этого кончика, стала темнеть. Не наливаясь темнотой, а словно истончатся, теряя краски и становиться прозрачной. Но медленно, никаких тебя мгновенных превращений к которым я привык по фильмам. Ну да, ну да, мое же время не экранное, дешево стоит. Я недовольно вздохнул.

— Ишь ты, барин то вона как может! — с гордостью прокомментировала кухарка. — Без него-то не в жисть бы не справились! Такое зелье наворожить, это тебе не щи сварить!

— Так! Ишь! Ну, а кто их по следу ведет? А? Нешто твой бородач вынюхивает? Наша барыня, вона жучку нарисовала. И еще много чего нарисовать может! — завелась тетка с подкрашенными ярко красным щеками.

— Тихо, бабы, а то погонят, — лениво сказал один из мужиков. “Галерка” затихла. Женщины бросили друг на друга злые взгляды. А потом кухарка сказала:

— Семки то будешь?

Вторая поджала губы, вздернула подбородок. И, словно через силу, кивнула. Кухарка толкнула парнишку у своих ног.

— Что сидишь? Оглох? Иди в чулан, с мешка плоской зачерпни. Да смотри мне, по карманам не тырь. И с начатого бери, новый не трожь!

— Ой, шо творится! Расскажу всем, никто не поверит! — всплеснула руками молоденькая служанка.

Я обернулся, держа в руках блюдце с чашкой. И успел заметить, как чернота уже поглотила всех троих педагогов-авантюристов — и Канцлера, и обоих его спутников — практически целиком, оставив только обувь. И сейчас они, больше всего походили на... Тени.

Неожиданно, изображение в портале медленно выцвело, потеряло краски, а потом и полутона, превратившись в чернобелое, словно режим сепия на камере смартфона, с выкрученными на максимум настройками контраста.

— Ээээ! — донесся возмущенный возглас с “галерки”. — Это еще чего такое! А ну верните взад!

— Вперед, — раздался приглушенный и тоже, будто обесцвеченный, голос Канцлера.

Что может быть лучше, чем приключения в таинственном подземном городе? Только приключаться в таинственном подземном городе, сидя на стуле и попивая сбитень.

Троица чародеев окончательно превратилась в тени. Зловещенько выглядит, честно говоря. Тени от свечей в угла моей комнаты теперь на всегда станут для меня подозрительными. Наконец, вслед за Софьей, черный трафарет Канцлер скользнул в завал. А кораблики Канцлера — к нам в комнату. Они ужасно яркие, у меня чувство, что я в операционной сижу, чай пью.

— Как можно забыть, что ты делал такое зелье! — недовольно буркнул Сергей. — Да убивцы и охотники до сокровищ будут за него золотом по весу платить! Один к пяти!

— Велимудр хотел забыть. Тут важно, кто, попросил.... А попросил Григорий. Для чего? Так ведь с таким зельем во все щели можно залезть... — тихо поделился своей теорией я.

— Фууу, Храбр, — не одобрила мои догадки Милена.

Некоторое время в портале наблюдалось только мельтешение камней, как в калейдоскопе. Разбегающиеся в стороны линии и оттенки серого. Магия не спасла от всех неприятностей — из портала слышалось кряхтение Велимудра, постанывание Софьи и, что и вовсе неприлично, едва слышные маты Канцлера. Чувствовалось, что у них там все пролезало с трудом. Тут я, почему-то, вспомнил свою первую девушку. Педагоги протискивались через завал достаточно долго, чтобы я начал волноваться. Пришлось взволнованно намазать калач маслом с медом и умять его, шумно запивая сбитнем. Но вот, наконец, завал позади. Пока нарисованная собачка берет след, Канцлер медленно осматривается. Мне так кажется — его тень на полу смешно дергает башкой. Дававшие столько света кораблики не торопятся возвращаться обратно в портал. Ну да, демаскируют же. Поскольку выглядят они сейчас как черные трафареты на стене, мне трудно судить, но мне кажется им эти пятнадцать шагов дались нелегко. Канцлер смотрит на завал, его самообладание дает трещину и он злобно пинает здоровенный булыжник. Но поскольку он тень, то его нога просто оказывается на поверхности булыжника.

— Смотрите, будто свет из глаз идет! — нервно хихикает Велимудр, тыкая пальцем в нас. Похоже, волшебник был уверен в своей алхимии куда меньше, чем ему хотелось показать, и немного перенервничал. Даже интересно, как сейчас выглядит отрубленная, мертвая, подсушенная башка, со светом из глаз и порталом внутри, превращенная в тень? Мне остро захотелось выглянуть, посмотреть, но я сдержался.

— Тут лестница, — слышится шепот Софьи. Искаженный, и от того пугающий. Вся троица идет дальше. Действительно лестница. С крутыми, неровными ступенями и без ограждения. Три тени скользят по стене, преодолевают несколько десятков ступеней и останавливаются на площадке, от которой в разные стороны разбегаются другие лестницы. Это больше похоже на галерею. С одной стороны скала, а с другой... Мы все видим невероятно большой, размером футбольный стадион, подземный зал. Стены хаотично покрыты выступающими арками, балконами, галереями. Эта подземная архитектура напоминает мне Петру, вырубленный в скале древний город в Иордании. Только грубее и,

неожиданно, роднее. Славянские мотивы. Деревянные детали. Резные украшения. Много растительных и животных мотивов, изваянных в камне.

Пространство между стенами огромного зала расчерчено светлыми линиями подвесных мостов. Пол — переплетение вырубленных прямо в камне улочек. На выступающих из пола пьедесталах несколько теремов, похожих одновременно и на дворцы, и на крепости.

Посередине зала огромный, украшенный резьбой и маковками, деревянный дворец, окруженный чем-то похожим на сад, ярко освещенный знакомыми мне по истории с болотниками апельсинами. Все это подсвечивается ниспадающими сверху гирляндами, мхом на стенах и потолке, роями светлячков. Света достаточно для получения общего впечатления, но не достаточно, чтобы увидеть подробности.

Это подземный город и он населен. Переходы, лестницы, мосты и площадки вокруг дворца заполнены фигурками.

— Нам вниз, — докладывает Софья, и бежит за натянувшей поводок собачкой. Точнее, скользит тенью. Ловко перепрыгивая со стен на пол, и даже на потолок. Остальные от неё не отставали. Изображение в портале мечется, трясется, переворачивается. Бежать в таком виде было сложнее чем кажется — по крайней мере, если судить по тяжёлому пыхтению Велимудра.

— Да ведь это же Блудоград! — восторженно выдохнула Лизавета. Я повернулся к ней, удивленно подняв бровь. И не я один. Сверился с “записями” Мстислава. Легендарная столица Земли Вятской, центр их магической силы. Существование этого города, впрочем, подвергалось сомнению даже дядькой Третьяком, конюхом Мстислава, который был известен своим легковерием.

— Да быть не может! — охнула тетка с галерки.

— Своими глазами видим! — тонким, восторженным голоском вскрикнула служанка.

— Молодой барин, сел, и не видно из-за него ни его, — глухо пробурчал один из мужичков. Я резко повернулся на голос, но они старательно сделали вид, что никогда в жизни не разговаривали. Остальная галерка тоже притихла. Только тихонько сплевывали семки в кулак. Я еще немного грозно их поразглядывал, поставил кружку и повернулся обратно к порталу.

Хм, а оказывается, в нашем языке много слов, обозначающих магические термины. Некоторые очевидны. “Заморочиться” от “морок”, магическое внушение на ментальном уровне. Блуд, или бляд — в зависимости от местности произносится немного по разному — магическое воздействие, мешающее физически. Слово “заблудился”, это ироничный аналог “заплутал”. Это как я бы сказал, что “в текстурах застрял”. Только тут, “блуд”, было реальным явлением.

— А точно Блудоград? — тихо спросила Милена у Людмилы.

— Похож на то, как о нем рассказывали, — ответила рыженькая и слегка зарделась. — Я только в этом году на праздник Весны туда могу пойти...

В моей голове промелькнуло смутное представление Мстислава о празднике Весны. Что-то связанное с обрядами и свадьбами. Естественно, Весна тут тоже была персонифицирована. Её трудно назвать богом, в понимании моём, человека двадцать первого века. Это была, скорее, берегиня, почитаемая по всей Руси. Единственное отличие у вятичей — у них верховный “бог” Ярило, которому оказывается куда больше внимание. Считается, что он дает плодородие, во всех смыслах — и женщинам и пашне. Ритуалы соответствующие. А в Земле Вятской, Ярило был еще и богом победы. Удачной,

малокровной и прибыльной победы.

Тем временем трафареты наших педагогов уже спустились с лестницы, и стали пробираться по узким улочкам подземного города. Дома тут рыли в глубину, оставляя на поверхности лишь большие каменные проемы, украшенные деревянными накладками с тонкой резьбой. Засланные тени на несколько секунд замерли у беседки, увитой лентами и цветами, в которой несколько человек занимались... Одним из видов физической активности. Не буду врать, не могу сказать какой точно — ведомые дрянной собачонкой, троица наших лазутчиков скользнула дальше. Но, если это не вольная борьба голышом, то тогда я даже не знаю. Звуки еще тоже чёрно-белые какие-то стали, плохо слышно.

Собачка вывела троицу теней на тонкий деревянный мостик с резными листьями и цветами на перилах. Изогнутый, красивый, под ним тихо журчал ручей — из-за серого света я не сразу понял, что там вода. А на самом мосту, смеялась и обнималась парочка. Из одежды — только условно-карнавальные маски. На девушке маска лисички, на парне — зайца. И не только смеялись. Да, это точно не борьба. Канцлер замялся лишь на секунду. А потом скользнул по мосту первым. Задумчиво рассматривая длинные, покачивающиеся заячьи уши, я подумал, что многое не знаю о местных нравах. Образ жизни Мстислава, в закрытой группе военной семейной корпорации и шире, в еще более скованной условностями и ограничениями касте бояр, может сильно отличаться от жизни остальных людей.

Кстати, а как люди относятся к столь яркому проявлению сексуальности? Я обернулся. Драко доливал мне сбитень, демонстративно отвернувшись. Девушки и парни за моим столом тоже смотрели куда угодно, только не в портал. Я посмотрел на галерку. Там никто не отворачивался. Тетки зарделись, и изредка посматривали на мужичков. Те на теток. На пацанов внимания никто не обращал, и те просто сидели с открытыми ртами.

— Эх, прям как я в молодости, — без особого стеснения выдала одна тетушка. Та, что накрашенная. Она посмотрела на себя. — И куда только все делось...

Я испытал удивительное чувство, как будто вместо головы колокол. И в него ударили. Я вопросительно переглянулся с остальными.

— Они ж простые, — хихикнула Милена, поймав мой взгляд. — Это тебя, чуть что, за хр... руку и в Храм, свадьбу оформлять. А им то делить нечего.

Как ни странно, но это мне многое прояснило. Я, по инерции, все же представлял себе этот мир как полный аналог нашего, только с магией. Но даже маленькие отличия могут иметь глубокие последствия на длинной дистанции. Тут не было христианства, а значит, в принципе не было представления о браке, такого как у меня. Для бояр свадьба была, прежде всего, вопросом имущественным и наследным — нельзя спать с кем попало, вернее, нельзя рожать бастардов, которые будут претендовать на твое добро и наследство. Свадьба для Мстислава — военный союз двух родов и договор о совместном распоряжении доходами.

А для людей простых, живших семейными группами, и без христианской морали, работали другие совсем схемы. В принципе, те же, что и в нашем мире в глубокой древности. Или, для оставшихся изолированными групп, вроде полинезийцев. Все эти праздники в особо отведенных местах служили для разнообразия генетического материала. Семейные группы, часто целые села — совместно владели имуществом и совместно растили детей. Свадьба была заявлением не о собственности на женщину, а клятве в любви и преданности. И могла быть расторгнута — заключалась не на небесах. Пробные браки сроком на год, в моем мире пережиток, окончательно исчезнувший в средневековье — тут

скорее норма. Ну и храмовая проституция оставшаяся в глубокой древности и связанная для меня с миром ближнего востока и Индии, тут никуда не делась.

Мстислав неоднократно становился свидетелем того, как ведут дела с его отцом, князем. От целого села приходил один представитель, “старший” — как правило не самый старый, а самый сообразительный. И говорил от лица сразу многих, иногда даже нескольких семей. Семья это не моноклеарная семья начала двадцать первого века, с максимум тремя поколениями. Это, скорее группа родственников с разной степенью родства, иногда сотни человек. Такая группа могла владеть не только землей, а мельницей, или вела выплавку железа. Но это всегда была община. Забавно, что в моем мире, после кризиса середины века, снова возродились общины. Конечно, на совершенно другом уровне, основываясь на технологиях, объединяясь по интересам. Впрочем, это сейчас не важно.

Я вдруг даже слегка ужаснулся, поняв, что я ведь сильно отличаюсь от этих людей. У меня есть четкое я. Мои собственные интересы. А для Ильи он — просто часть своего рода. Да и Мстислав мыслил себя не как отдельная личность, а как часть непрерывной истории своей семьи. И дела его прадеда были частью его самого. И это влияло на Мстислава. Вед все, что он делал — часть дел рода. Он не побежит перед лицом врага — потому что если он струсит, то это будет, как будто струсил весь род. На долгие годы Владимировичи, из завоевателей и героев станут трусами... Лучше умереть, но не опозорить род.

Мне стало ближе и понятнее традиция самоубийства в Японии. Неплохой способ сохранить лицо в неоднозначной ситуации.

Тем временем, осторожно подкрадываясь мимо случайных встречных, наши педагоги приближались к центру Блудогграда. Похоже основное веселье было на окраинах, чем ближе к городу, тем больше одежды на людях. Кажется, маски тут — своеобразный маркер намерений. Довольно откровенно раздетая девушка без маски пронесла мимо парней в масках волков корзину, и с ней весело и игриво, но без липкости, поздоровались. Она отмахнулась и прошла дальше. А вот две девушки, шедшие с другой стороны, в длинных тяжелых платьях, шапках, и в масках овечек, получили несколько весьма недвусмысленных предложений. “Овечки” остановились и с хохотом ответили, выражая сомнения в способности парней выполнить обещанное. Честно говоря, я не считаю себя ханжой, но если бы такая овца попалась мне, я бы просто мрачно охренел от её комментариев. Особенно на фразе, произнесенной насмешливым женским голосом: “Ну давай, показывай! Небось висит до сих пор, как стручок! Ну, покажи что хотел! Докажи, что нравлюсь, говорить то все мастера! Рыбка на червячок клюет!” Софья, Канцлер и Велимудр некоторое время прятались за углом, ожидая, пока проход освободится. “Волки” впрочем, не смущались: “Так ведь рыбак рыбное место ищет. Сначала надобно товар пощупать, коли хорош, то и интерес проснется! Что там у тебя все закрыто, небось и в ладошку то взять нечего!” Софья не выдержала:

— Давайте в обход, это надолго.

Эх, госпожа Софья, мешаете вы моей культурной пенетрации.

Я так расстроился, что съел еще один калач, макая его в мед. Как раз хватило, чем себя занять, пока наши засланцы скользили тенями дальше. Они обошли переулками. И м бы пришлось куда труднее, будь они “во плоти”. Некоторое время собачка искала след а потом, снова устремилась вперед, натягивая нарисованный поводок и приглушенно потягивая. Я зачарованно наблюдал за мельтешением каменных улочек с похожими на хоббитские домами, разве что двери квадратные. И в камне. Внезапно, движение прекратилось.

— Болваны! — сказал Велимудр. Волшебник не выругался, он просто сказал очевидное. Впереди, перед вырубленной в камне лестницей, ведущей вниз, стояли болваны.

— Чудской болванский городок, — сказал Илья задумчиво.

Големы. Грубо вытесанные из камня подобия человеческих фигур, руки и ноги из валунов, очень условно напоминающие руки и ноги. Конечности крепились к телу големов без видимых шарниров, камни словно прилипли друг к другу. Единственное, что было сделано относительно тщательно, это головы. Зверские усатые рожи, похожие на те, что я видел на иллюстрациях по курсу истории. Только на иллюстрациях такие рожи помещали на идолах. А это были болваны.

Действительно, голем это из еврейского языка, по-русски будет правильно болван. На хрен терминологию — существа были высотой метров в пять, сколько же там тонн камня? Они буквально сканировали местность, с легким каменным скрежетом поворачивая огромные бошки, как будто и правда могли видеть. Такая штука, если физика тут еще хоть немного работает, могла одним ударом расплющить гридня.

— Нас не должны заметить, они ж тупые... — прошептал Велимудр.

— Я проверю, — ответил Канцлер, и осторожной полуденной тенью плеснулся на площадку перед големами. Помаячил на границе строений. Оторвался от стены, метнулся к самым каменным ступням — болваны по-прежнему зорко осматривали окрестности, никак на него не реагируя.

— За мной! — скомандовал канцлер. А вот звук голоса заставил големов насторожиться. Они присели, расставили оканчивающиеся каменными дубинами руки и с удвоенной скоростью завертели башкой. Канцлер замер тенью у их ног. Но големы продолжали его игнорировать. Действительно, болваны. Канцлер скользнул вниз по лестнице. Спуск был довольно долгий, по моим ощущением, метров на сорок, как в Московском метро. Кто-то же это должен был вырубать в скале! Трудно понять в чернобелом свете, но похоже на гранит. Хотя, может пару болванов приспособили для горнопроходческих работ. Такие что угодно вырыть могут...

Канцлер остановился перед воротами. Солидные, но я в Лицее и посолиднее видел. Тоже обиты железными полосами. К канцлеру присоединились Софья и Велимудр.

— Порожек железный! — ткнул канцлер под дверь.

Велимудр заметался по стенам и прошептал:

— И весь проем железом проложили.

— Давайте между створками! — скомандовал Канцлер и опять двинулся первым.

За дверью они оказались в темноте.

Несколько корабликов над нашей головой, проплыли в портал, дав им свет.

— Что это такое? — изумленно спросил Велимудр.

— Заложенные, — непонятно ответил Канцлер.

Они находились в помещении с низким потолком и массивными колоннами, похожем на соляные выработки. И от входа, на плоских камнях, тесно, рядами, лежали люди. Не обращая внимание на обстановку, Софья сгустилась вокруг собачки, та засуетилась, беря заново след, и устремилась в глубину. Остальные последовали за ней. Они двигались со скоростью хорошо разогнавшегося велосипедиста, но пещере, наполненной неподвижно лежащими людьми, все не было конца. Это были не просто люди — воины. В шлемах и кольчугах, с мечами на груди, похожие на рыцарские надгробия. Они мелькали в пятне света от корабликов, как деревья за окном поезда. Сотни, если не тысячи. Некоторые казались

живыми. Некоторые — точно мертвы. Я заметил отсутствие рук, страшные раны на лицах и шеях.

— Что такое "заложенные"? — спросила Милена у Лизаветы.

— Когда умирает воин, или думает, что вот вот умрет, его оставляют в залог для Вятко. Как война от семьи. Когда Вятко просыпается, он бывает, хочет крови. И если его не удастся успокоить, то поднимает заложенных и идет с ними в поход.

— Потому с вятскими никто и не воюет. Дураков нет, — хмыкнул Илья.

— Да не важно, просто последние лет сто только Радим просыпался. А этот Вечный князь поспокойнее. Вернее, он Ярило не любит победами почитать, он по-другому ему славу возносит, — сказала Лизавета. — Но все говорят, что Вятко вот-вот проснется. И очень ждут. В прошлый раз ведь заложенные столько добра принесли, что до сих пор с серебра едим.

— Это когда было? — удивилась Милена.

— При моем прадеде, — ответил я. Обнаружил сведения, неизвестные остальным и тут же начал рассказывать, с чувством превосходства и удовлетворения. Как человек, который не зря читал онлайн-энциклопедию, и теперь может наконец-то использовать полученные знания. — Румыны из Царьграда открыли путь прямо в... к себе, в общем, — я хотел сказать в Турцию, но тут такого слова не знали. — На них как раз Железная орда навалилась. Базилевс к нам послов прислал, воинов нанять. И тут от вятских люди пришли, сказали что у них армия в десять тысяч человек и еще тысяча бояр. Им никто не поверил. Но скрытый путь румыны все равно открыли. Очень отчаянное было дело у них, нанимали всех. Моего прадеда тоже наняли. Он после вятских с дружиной из Царьграда вышел. Дошел до того места, куда путь вятским открыли. Города богатые, села. И ни одного живого, только мертвые. Даже скотину резали. А потом побоище. Прадед говорил, что хан там сто тысяч воинов потерял. Но отец в это не верил.

— Вятко потому и спит так сладко, насытился тогда победой, — кивнула Лизавета. — Ведь ордынскую армию всю положил. Прямо после битвы уснул. Но бабушка говорила, что чем дольше он спит, тем голоднее будет, когда проснется. Это хорошо. Говорят, однажды мы до самой Индии дошли...

Тем временем, в портале начали происходить изменения. Проход расширился, снова появились ступени, которые вывели наших засланцев в большой зал. Этот был обработан получше — стены почти ровные. А под потолком светящиеся гирлянды, которые нам попадались в городе наверху.

— Действие зелья кончается! — ужаснулся Велимудр. И в самом деле, Софья, "бегущая" впереди, начала проявляться, становится выпуклой, обретать краски.

— Ускорится! — рывкнул Канцлер. Вся троица промелькнула мимо стоящих вдоль стен десятка болванов, пролезла под очередными воротами и тут же, рывком, обрела плоть. Портал налился красками, залился светом.

— Тронный зал Двух Вечных! — сказал Канцлер. Я впервые слышал в его, обычно бесстрастном голосе, восхищение.

А я не впечатлился — после хором самого Лицея и подземного города, тронный зал вятских князей меня разочаровал. Помещение метров десять в высоту, метров двадцать в ширину и тридцать в длину. В конце стоят два трона. Троны не парные и разные по стили. Нет, большие, шикарные, золотые и украшенные камнями. Наверное, уволокли откуда-то. Один трон пуст, на втором кто-то сидит, но рассмотреть лучше не получается. Темновато.

Освещение только от корабликов канцлера.

На стенах знамена и гирлянды из черепов, нанизанных на цепи. Обстановка, в общем, праздничная. Но все это я отмечаю краем глаза.

— Тут был бой, — говорит очевидное Илья. — Жаркий бой.

Тайны и приключения — как американские горки. Подходят только для людей с крепким желудком.

— О, сотник нашелся, — радостно сказала Софья. — А то я уже переживать начала.

— Точно сотник? — засомневался Велимудр.

— Мундир выдает его с головой, — сказал Канцлер. Мне показалось, что он иронизирует. И вообще, он заметно веселее двигался, походка стала молодой, пружинящей. Судя по походке и голосу, прогулки по подземелью ему на пользу. Кораблики надо мной вереницей потянулись в портал, выстраиваясь над Канцлером в ромбообразную формацию, как рой военных дронов.

— А где голова, кстати? — снова проявил своё неумное любопытство Велимудр.

— Вон, — забывшись я ткнул пальцем. Они же не видят. Пришлось говорить голосом, слегка повысив тон:

— Смотрите, справа, там где друг на друге трое лежат. Там голова, не та, которая расплющена, а которая в кишках застряла, видите?

— Четверо, — поправила меня педантичная Софья. — Их там четверо.

— Двое и две половинки, — из чистого упрямства сказал я. Ладно, она права. — Технически, то есть, вернее будет, четверо.

— Технически? Забавное словцо, — пробормотал канцлер. — Так, Госпожа Софья, станьте за меня. Господин Вели...

— Буууэээээ, — раздалось сзади. Звук был такой громкий, что я перестал слышать, что там говорит Канцлер. Да еще и шел по нарастающей. Я раздраженно обернулся. Это галерка, наконец, рассмотрела место “жаркого боя”. Или просто до них наконец дошло, на что они смотрят. Произошла типичная, в таких случаях, ситуация. Первой не выдержала служанка и извергла содержимое желудка на сидящих впереди пацанов. Это вызвало цепную реакцию — блевать стали все. Обе тетki, два пацана, мужики с топорами. Последние, хотя бы в стороны. Пацанам крупно не повезло — могучим потоком рвотной массы их не то что окатило, к полу прижало, как будто под водопад попали. Рвотаопад, в их случае. Пацаны кричали “не надо”, пытались спастись, отскочить. Но рвотные спазмы делали их неуклюжими, их руки скользили, они падали, пытались подняться и падали еще более неудачно, запуская новый цикл рвоты. И у себя и у оуружающих.

Странное дело, стоит только нескольким людям в прямой видимости начать блевать, как тут же начинаются рвотные спазмы и у свидетелей этого. Заразно, как зевание. Девушки отбежали в сторону, тихо и интеллигентно блевали в уголке, трогательно придерживая друг другу волосы. Илья тоже отошел в сторону и сейчас стоял согнувшись, уперев руки в колени, с тем непередаваемым выражением лица человека, пытающегося усмирить восставший желудок. Смесь крайнего напряжения воли и растерянности от предательства собственного организма. Илья держался стойко, но увy, он проиграл эту битву.

Куда лучше справился Драко. Он отвел взгляд в сторону и стоял бледный, как простыня, прижав к лицу тряпку, которой вытирал стол. Но лучше всех, не считая меня, держался Сергей. Он был бледно-зеленый, как молодой листочек, и дрожал, как на ветру. Смотрел в

портал большими глазами, но еду в себе удерживал.

Нет, их можно понять. Ощущение такое, что полсотни людей в мундирах охраны Лицея пропустили через миксер. Рубили не в фарш, а на кусочки. Порубили и разбросали по половине зала. Такое зрелище не каждый без последствий может пережить, просто у меня в военную подготовку входило психокоррекция — я же в штурмовой группе числился. А может, это меня спасала так до сих пор и сохранившаяся во мне отчужденность от эмоций Мстислава.

Я повернулся обратно к порталу. Встал и взял мушкет.

— Старец Григорий? Вы меня слышите? — довольно громко позвал Канцлер. — Григорий, отзовись!

— Тут я, — раздался слабый голос.

— Григорий, выходите! — снова прикрикнул Канцлер.

— Привалило меня, — голос Распутина был очень грустным и болезненным. Я его едва узнавал. — Не встать... Не руки поднять...

— Ладно, мы идем! — крикнул канцлер. Отдал пару коротких команд, и тройка наших педагогов, осторожно двинулась вперед. Я не видел их лиц, но никто не сблеванул, точно. Вот что значит годы педагогического стажа.

К столу подошел Илья, вытер рот рукавом и взял мушкет.

— А деканы и Канцлер, неплохо держатся, — поделился я с ним своими наблюдениями.

— Так в Лицее, наверное, и не такое в навидались, — мрачно пошутил Илья. Он же пошутил?

— Не подходите, — прохрипел откуда-то издалека Григорий. — Не подходите ближе, болваны!

Григорий закашлялся и замолк. Троица спасателей замерла. Я только сейчас заметил подозрительную грудку и обломки камней, раскиданные вперемешку с трупами. Да, похоже на големов. Все же меня зрелище кровавой бойни проняло сильнее, чем мне показалось снаала. Теперь мне интересно, а чем их стрельцы долбили, что камень в куски размолотили?

— Старец Григорий. Кажется вы убили всех болванов, — пропела ласковым голосом Софья Это у неё наверно от волнения так получилось.

— Нет! Их ещё... — явно с напряжением всех сил ответил Распутин, но не успел договорить. Из проема в стене, прикрытого древним полотнищем, выскочил голем. С другой стороны — еще один. Второй был без руки, но это его особенно не беспокоило. Они были поменьше тех, что я уже видел. Зато вместо рук — бронзовые клешни, как у краба. И двигались быстро.

— Госпожа Софья, готовьте пушку! — крикнул Канцлер и шагнул к правому голему.

— Я его придержу! — крикнул Велимудр и кинулся к левому.

— Стреляй по глазам! — крикнул мне Илья и вскинул свой мушкет. Но Канцлер начал размахивать башкой, уворачиваясь от ударов голема. В портале мелькал то голем, то потолок, то пол. К счастью, Канцлер помнил о нас, и в какой-то момент смог удержать портал ровно, по моим ощущениям, почти сунув отрубленную башку под нос ожившей каменюке. Мы с Ильей среагировали буквально в ту же секунду. Шипение пороха на запальной полке, звонкое, сдвоенное бум, под аккомпанемент оглушительного визга с галерки.

От каменной башки брызжет каменная крошка, но из-за дыма и вспышки я ничего не вижу. Стрелял почти навскидку — мушкет лежал на столе готовый — поэтому прижал к

плечу небрежно, ногами как следует не уперся. А отдача у этой дымной дуры, о-го-го. Честно говоря, мне даже сравнить не с чем, хотя из всякого пострелял. Может только “антиматериальные” снайперки бы могли сравниться с мушкетом по силе отдачи, не знаю, из них не стрелял. Меня отбрасывает назад, я плюхаюсь на стул и не падаю с него только потому, что врезаюсь в стол. Сквозь непрекращающийся визг с галерки слышу, как со стола падает на пол и бьется посуда. Мне становится немного стыдно — она красивая и дорогая. Еще и пойдя найди такую, тут с алиэкспресса не закажешь.

В плече вспыхивает резкая боль. Я настороженно ощупываю правую сторону груди. Вроде ничего не сломано, просто неудачно ударило прикладом. Приклад у этого мушкета, в жопу бы засунуть тому кто сделал. Хрень какая-то неудобная. Повезло еще, что отделался синяками и кожу защемило. Недовольно осматривая приклад мушкета, и понимаю что он сделан сделан так, чтобы можно было мушкет перехватить за ствол, и орудовать им как клевцом. Лучше бы штыки придумали, затейники. Вскокиваю, хватаю второй мушкет.

Неожиданно чувствую теплое тельце сзади, слегка оборачиваюсь и вижу Милену, подпирающую меня плечиком. Ути белая пусечка, сколько в тебе там весу, килограмм сорок хоть есть? Серьезно надеешься удержать меня от падения после отдачи? Я улыбаюсь и ничего не говорю. Человек старается, помочь хочет. Это даже трогательно. Вскидываю мушкет, в этот раз со всей серьезностью — наклоняюсь вперед, широко расставляю ноги, прямо как дядьки учили. Мушкет тяжёлый и перевешивает, сошки нет, опереть не на что, напрягаю мускулы рук изо всех сил. У меня пара секунд, чтобы прицелиться и выстрелить точно.

Драка, в отличии от поединка высокомотивированных и хорошо подготовленных спортсменов моего мира, всегда рваная, быстрые, короткие обмены ударами чередуются с долгими паузами. Обычно. С болванами не так — каменные гиганты перли напролом, размахивая своими длинными конечностями с бронзовыми клешнями. В своей отчужденности и ровным ритмом, они напомнили мне машины. Механизмы на конвейере, виденные мной в документальных фильмах. Хотя, почему напоминали? По сути, големы и были механизмами. Механизмами по раздаче звездюлей.

Велимудр уворачивался от ударов голема. Ждал замаха, а потом резко перетекал этой груди за спину. Видать успел опять капнуть себе на сапоги волшебной ускорялки. Двигался старый волшебник быстро и с небрежностью — все время бквально на ладонь уходя от удара. А потом, пока болван растерянно осматривался, медленно разворачивался, заносил единственную клешню для нового удара — старый волшебник даже не смотрел на огромную каменную тушу. Велимудр буквально засовывал нос в свою сумку и лихорадочно в ней рылся. Эта небрежность и наплевательское отношение к собственной безопасности выдавало в Велимудре человека очень опытного, привычного к переделкам, легко читающего противника и привыкшего к опасности. Или безумца. Впрочем, если верить Илью, безумие с магией всегда рядом.

Канцлер следовал схожей тактике. Он просто уворачивался от ударов. Не могу сказать, что прямо как мастер кунг-фу от ударов мечом в фильмах — болван явно помедленнее бил, чем актеры в фильмах — но выглядело очень похоже. Болван тупил, вместо того, чтобы сломать ритм, или сменить дистанцию, он просто бил и бил, одними и теми же ударами. Очень предсказуемо. Со стороны уворачиваться от таких ударов кажется легко, но я понимал, что нужна недюжинная выдержка. Канцлер еще и не забывал держать бошку так, чтобы нам с Ильей было удобно. Над болваном висела карусель из корабликов. Они ярко

вспыхивали, испускали лучи, бьющие в голема, отчего тут же тускнели. Потом медленно наливались светом, и снова стреляли. Я готов поставить кувшин сбитня против кружки воды из лужи — эти штуки били лазерами. Мне даже показалось, что я вижу багровые отблески раскаленного камня на сколах.

Все это вместе напоминало ночной клуб, с авангардным световым оформлением. Мельтешение теней, вспышки "лазеров" и танцы волшебников — вечеринка точно вышла запоминающейся. Не хватало только тяжелой музыки. С этим я как раз могу помочь.

Я выстрелил в морду болвана, практически в упор. Грубо обозначенный несколькими линиями, каменный глаз взорвался. Мушкетная пуля выбила солидный кусок камня из уродливой башки. Точно, камень слабо светился красным — как говорится, клиента разогрели. Болван перестал пытаться достать Канцлера и отступил на шаг, словно потрясенный. Тут ему добавил Илья. Хорошо стреляет, Муромский. оставляет в граните, или из чего там сделан болван, выбоины размером с детский кулачок. Убойная сила у этих мушкетов очень солидная. Скорость пули может и не очень большая, по моим меркам, но зато по моим же ощущениям, сама пуля весит не меньше тридцати грамм. Илья попал во второй глаз голема и тот замер, будто поник, растерянно поворачивая голову то в одну сторону, то в другую.

— Теперь второго! — скомандовал нам Канцлер. Мы с Ильей молча заработали шомполами.

Велимудр периодически метал в своего противника колбочки. От одной тот слегка заиндевел, от другой по нему побежало веселенькое зеленое пламя, которое тут же погасло. Похоже, ничего камнедробильного у Велимудра с собой не было.

— Веля, в сторону! — взвизгнула Софья. Несмотря на подобную фамильярность, ерепениться Велимудр не стал, резко отпрыгнув в сторону. Грохнул выстрел. Пушечный. Я понял, что не слышу ничего, кроме звона в ушах. Оказывается, до этого тут было довольно шумно. Канцлер, вместе с порталом обернулся. Софья стояла рядом с нарисованной на полу пушкой. А густой пороховой дым, буквально затянувший помещение, был настоящий. Канцлер повернулся к голему. Ядро попало тому в ногу, и снесло её полностью. Каменный болван неуклюже ворочался, делая попытки встать на ноги. Получалось у него очень плохо. Голем просто приподнимался на единственной руке, пытался подставить под себя отсутствующую ногу, и падал. Выглядел он при этом, реально как робот, со сбоем в программе. Он не то, чтобы тупой, он на алгоритмах...

Канцлер выхватил из воздуха двуручный молот, подскочил к ворочающемуся болвану, и с широкого замаха опустил боек молота ему на голову. Камень брызнул осколками. Подключились кораблики. Голем не обращал внимание на то, что его долбят по башке, не пытаясь отогнать врага сохранившейся рукой, или хотя бы прикрыться. Не могу сказать, что Канцлер расколол камень, изображающий болвану башку, всего за несколько ударов. Нет, нашему декану военных наук пришлось попотеть. Но он справился. Боевой молот на длинной рукоятке не выглядел особо массивным — если бы не хищный клюв одной стороны и шип сверху, размерами он был бы как обычный бытовой молоток. Тем удивительнее была просто таки камнедробительная мощь ударов. Я пристально всматривался в оружие Канцлера, но следов магии не заметил.

Болван, оставшись без башки, мгновенно осыпался грудой камней. Второй, ослепленный мной и Ильей голем, так и стоял, не пытаясь придавить кого ни будь на ощупь. Но его все равно обошли очень осторожно.

— Старец Григорий, отзовитесь, — позвал Канцлер, не пряча молот. И нервно дернулся в сторону, когда на его голос повернулся слепой болван. Впрочем, кроме этого, каменный конструктор больше ничего не предпринял. Понятно теперь, почему болван — имя нарицательное.

Гриша не отзывался. Но нарисованная собачка уже его нашла и сейчас легонько потягивала рядом. Я посмотрел через плечо Канцлеру, когда он подошел к первому человеку, которого я затащил в постель в этом мире, и даже вздрогнул от неприятного зрелища. Милена за моей спиной тихо охнула. Да, тут было от чего заохать.

Старец Григорий был наполовину завален каменным телом голема. И это была лучшая новость. Верхняя часть тела Распутина была буквально измочалена, вся перемазана в крови, одежда изорвана. Сам он был очень бледный, да еще и седой. Кожа на лице обтягивала череп, как у узника концлагеря. Вот тут как нельзя кстати поговорка — в гробу и то лучше выглядят.

Старец Григорий слабо трепыхался и силился что-то сказать.

— Еды, воды — распорядился Канцлер, спрятал молот и требовательно протянул руку в портал. Мы с Миленой лихорадочно сунули ему в руку чудом уцелевшую чашку с чаем и повесили надкусанный калач прямо на неё. Канцлер сунул Распутину калач в рот, одновременно ловко вывернув из его руки кинжал. Распутин дернулся вслед, но Канцлер строго сказал.

— Нет. Вы так себя убьете. Восстановите силы, поешьте, поспите, а потом я вам его верну.

Распутин в два укуса проглотил калач, буквально вылизал чашку и слабым голосом попросил:

— Еще...

— Конечно, — кивнул Канцлер, — Но сначала объяснитесь. Что вы тут делаете, и почему тут половина охраны Лицея?

— Подсобить попросил. За мзду. Не ожидал на болванов нарваться, против людей брал, — тихо сказал Распутин. — Виноват...

— Зачем вы тут, старец Григорий, — повторил Канцлер, присаживаясь у как мне показалось, умирающего чародея. — Отвечайте честно и по существу.

— Попал я, как белка в силлок. Поймал меня вон тот, который сейчас Вятко баюкает. На страсть взял, силу пообещал. Надо было только сделать, как он просит. Я сделал. А он обманул.

— Что ты сделал?! — еще тише сказал Канцлер.

— Храбр... Я то думал, старый дурак... И кому поверил? Ох, Махаэль, притянул я в наш мир что-то, а что не знаю, — глухо забормотал Гриша. Это он ведь про меня? Вот же сдавала. Канцлер, вдруг, резко отбросил от себя башку с порталом. Далеко отбросил, подлец. Я прислушался, о чем они там шепчутся, но ничего больше расслышать не смог.

— Ну вот, на самом интересном месте! — заворчали с галерки. Я оглянулся. Тетки стояли поодаль, уже умытые, служанка с ведром и шваброй драила пол. Пацанов видно не было — насмотрелись, видать, на сегодня мультиков.

Я обернулся обратно. Из портала был виден один из тронов. Тот, который не был пустым.

— Это кто же такой? — восхищенно выдохнула Милена.

— Это Вятко и есть, — ответила Лизавета странным, тихим и хрипловатым голосом. —

Вечный Князь.

Глава 16

Глава, в которой все должно было разрешиться, но вместо этого все еще только еще больше запутывается.

Вятко вполне мог бы стать фронтменом поп-группы, способной потеснить с пьедестала влажных девичьих фантазий всех южно-корейских айдолов. Но ему не повезло и он коротал жизнь в сырой пещере. Хотя, возможно, ему то как раз и повезло — он то мог воплощать в жизнь свои фантазии.

Кто-то уже давно заметил — можно не смотреть фильм, ничего не знать про сюжет, но если в главной роли лысый brutальный мужик — фильм понравится в основном парням. Если на постере андрогин тощенький и грустненький — к гадалке не ходи, это вампир. И фильм с ним пойдет, в основном, девушкам.

Так вот, Вятко был создан, чтобы девушки насквозь мокрили свои... подушки. Правильные черты, чувственные губы, большие и грустные, даже когда закрытые, глаза. Все это в сочетании с белыми волосами и очень бледной кожей — если Вятко одеть в платье, он сошел бы за красивенькую девочку с чуть грубоватым лицом.

Мне он, конечно, не понравился. Насчет хрупкости телосложения я, впрочем, погорячился. Запястья тонкие, как у фехтовальщика, но легкая рубаша не скрывала здоровенные, как моя нога, предплечья. А еще у него были противоестественно широкие плечи и грудь, как у ныряльщика. Дыхалка, наверно, ого-го.

В ногах у Вечного князя, прикованный толстыми железными кольцами к каменной плите, лежал омерзительный, полуразложившийся труп. Ну, как в ногах — белобрысый красавчик стоял на трупе босыми ногами. Кажется, его босые ступни даже слегка погрузили внутрь подгнившей тушки.

Насчет трупа я тоже слегка погорячился — бедолага, со свисающей лохмотьями кожей и обнажившимся кое-где костями, изредка дергался и хрипел.

Вятко казался спящим, что не мешало ему сидеть с ровной спиной, слегка склонив голову, как будто он смотрел на труп и с вытянутой рукой. В руке Вечного Князя был длинный, очень красивый, прямой меч. Меч был воткнут в сердце трупа.

Это заставляло нервничать — я бы в такой позе не то что уснуть, я бы просто долго сидеть не смог.

Тут я заметил, что тонкие изящные пальцы Вечного Князя, с очень давно не стриженными ногтями, непрерывно проворачивают клинок меча в теле прикованного. Ах, вот почему тот дергается.

— Какой он красивый, — выдохнула Милена.

Это она про Вятко, я надеюсь. Как по мне, так слишком уж женственный. К тому же на Вятко была надета идиотская корона. В ней угадывались какие-то индийские мотивы — гроздь жемчуга, крохотные зеркала по кругу, и два больших, с ладонь, зеркала спереди. В такой короне только стриптиз танцевать. Или на детских утренниках выступать. В роли Снегурочки. Справедливо, все же, будет отметить, что посередине лба в корону был вставлен красный, необработанный камень, размером с куриное яйцо, в котором красиво вспыхивали искры отраженного света. Его бы огранить, цены бы ему не было. Ладно, тут же нет недель высокой моды. Мне хорошо рассуждать, я всяких красотостей навидался. Тысячи артов с

коронами, в том числе. И пара вариантов эльфийских корон бы Вятко подошли куда больше.

А еще, у Вятко были длинные, заплетенные в сложную прическу волосы. Если бы не меч, и рельефная мускулатура плеч и груди, вот реально на Снегурочку бы был похож. Косплей точно бы смог сделать. Косплей с сюрпризом. Да о чем я вообще думаю?

Это были мои личные ассоциации, вслух я ничего не сказал. Обсуждать чужую внешность вообще недостойно, а внешность такого существа и вовсе кошунство. К тому же, девкам вот нравится. А смысл ведь, в этом. Я вот, будь у меня выбор, предпочел бы выглядеть так, чтобы нравится девушкам, а не мужчинам.

В нашем поле зрения появляется Канцлер, он подхватывает голову с порталом и оборачивается.

— Надо вбить ему золотые гвозди в глазницы, — кричит Распутин. В этот момент его пытаются вытащить из под обломков голема Софья и Велимудр. Мне кажется, что я слышу хруст костей. Он охает от боли. Я морщусь, хочу крикнуть что-то тупое, типа "Будьте осторожнее". Сдерживаюсь. Наверно он не стали бы рисковать своей жизнью в этом забеге, если бы планировал просто прикончить в конце коллегу. Просто Распутин и так весь изломанный, плюс-минус пара костей погоды не сделает. Наверное. После очередного рывка его удается вытащить, отчего Распутин теряет на секунду сознание. Канцлер подходит ближе.

— Храбр, Илья, примите старца Григория, — командует Канцлер. Хороший знак. Что бы там ему Гриша про меня не наговорил, окончательно доверия я у господина Махаэля не утратил.

Григорий открывает глаза, видит что его вот-вот накроет порталом и горячо шепчет, как в бреду

— Вы не понимаете, господин Махаэль! Вы видели, кому Вятко вонзил свой меч в сердце?

— Кащейю, полагаю, — равнодушно отвечает Канцлер. — Это объясняет, почему Вятко так давно спит. Ему есть, чьими страданиями напиться.

— Великому Узнику? — удивленно переспрашивает Софья.

Все трое замирают, пристально разглядывая престол Вятко. Канцлер медленно, словно нехотя, тоже поворачивается.

И в этот момент трупешник поднимает голову и пырится на Вятко. То есть, не трупешник. Это ж Кащей. Как минимум дважды мировая знаменитость, хоть автограф проси. От Кащейя отделяется какая-то белесая муть и втягивается в корону Вечного Князя. Прямо в зеркала. После чего тело на мече обвисает и перестает дергаться. Вятко, кажется, этого не замечает.

— Видите! Видите! — Григорию аж полегчало, он говорит громко, хоть и прерывисто. Ему явно больно, он корчит гримасы. Плюс седые волосы, запавшие тусклые глаза. Распутин сам на себя не похож, бедняга. Но голос у него становится тверже с каждой фразой. — Я был прав! Он сбежал! Кащейю всегда сбегает! Всегда находит способ! Он научился отправлять свою дух через зеркала! Он лежал там, не видя ничего, кроме зеркал в короне Вятко! Ему потребовалась сотня лет, но он научился сбегать от боли, отправляя свой дух в зеркала!

— Зеркала? Он прячется в зеркалах? — говорит с беспокойством Велимудр. — У меня одно дома...

Я вспоминаю о зеркале в кабинете Велимудра. Я оборачиваюсь к галерке. Кабинет Велимудра отсюда не просматривается. Но меня понимают без слов. Мужичок

перехватывает топор поудобнее и идет проверить. И почти сразу же доносится его предупреждающий крик. Крик резко обрывается влажным хрустом. Предупреждение запаздывает — тварь уже здесь. Он появляется в коридоре, ведущем в кабинет Велимудра и несется к нам. Вернее, к порталу, ведущему к нам. Дух Кащея, значит. Надеюсь пули его берут.

За ним с грохотом волочится зеркало — он смог вылезти только наполовину. Сейчас Кащей на вид сильно напоминает скелет с обрывками мышц. Для человеческого, правда, слишком длинные пальцы с когтями и зубы как иглы. Уж не знаю, чем он там за зеркало зацепился, что смог вылезти только наполовину, но и пары конечностей для него многовато — передвигается он стремительно. Второй мужичок замахивается было колуном и тут же отлетает в сторону, в веере кровавых брызг.

Дух, но не бесплотный. Значит точно можно пристрелить. Я хватаю мушкет. Был бы экзорцист, схватил бы экзорциста. Хотя нет, все равно бы схватил мушкет. Меня посещает идея прочесть молитву, но я не знаю ни одной. А по латыни только поговорку про то, что человек человеку волк. Хорошая поговорка, но сейчас будет не к месту.

Зазеркальный призрак парой быстрых ударов расчищает себе путь и выпрыгивает из дома Велимудра в нашу комнату, оставляя после себя изрубленных и умирающих людей. Я едва успеваю понять, что происходит, а он уже, перебирая лапами со скоростью Джеки Чана на стероидах, несется вперед, прямо на меня. Я вскидываю мушкет и стреляю. Успеваю выстрелить, если точнее. И умудряюсь попасть прямо в грудь Кащея, сбивая чудище прямо в прыжке. Рядом грохает второй выстрел — Илья тоже сориентировался.

От зеркального монстра отлетает одна лапа, он падает сначала на стол, потом скатывается на пол. Но лапа тут же начинает отрастать. Стремительно. Как в тупых фантастических фильмах, где ни грамма правдоподобия. Хотя, если это дух... Уцелевшей конечностью Кащей упирается в зеркало и вылезает из него, как сантехник из канализационного люка.

Я хватаюсь за саблю, что принес Драко, выдергиваю её из ножен...

Вернее, пытаюсь. Я слишком опытный пользователь и знаю этот баг. За оружием не ухаживали, сталь заржавела, ножны прикипели к клинку и теперь его вытащить не проще, чем лошадь из полыньи. Но выбора у меня нет и я продолжаю пытаться. Тем временем тварина встает на ноги. Кащей продолжает обрастать плотью — оказывается, он не скелет, а просто не до конца собрался. Я вижу, как на его белых буркалах формируются веки. И понимаю, что он смотрит на меня. Взмах лапы — и с его дороги, в сторону, отлетает стол, одновременно распадаясь на части.

— Теперь ты мой! — хрипит Кащей. Отрастил себе глотку и сразу пошлости болтать. Извращуга потустороня.

— Может, поговорим? — я пытаюсь отступить но упираюсь задницей в верстак. У меня нет шансов — не убежать, не увернуться, и даже защититься нечем. Надо потянуть время — краем глаза я вижу как Илья отступив, лихорадочно заряжает мушкет.

Драко плеснул в чудовище воду. Милена вытащила ножи и заходит сзади. Лизавета побледнела так, что её веснушки на лице смотрятся кровавыми родинками. Но я вижу, что она готовится к прыжку.

И в этот момент, забытый всеми Сергей встает со стула. Он так и сидел там все это время. Кащей, не глядя бьет его уже отросшей лапой. И та исчезает в яркой вспышке. И отрастать не торопится. Все, кроме Сергея, растерянно смотрят на дымящуюся культю. Даже

Кашей.

— Теперь ты мой! — хрипит Сергей, вытягивает руки, как зомби и неуклюже бросается навстречу Кашею. Тот недоуменно смотрит на него, взмахивает второй лапой. Та так же бесславно исчезает в вспышке белого пламени. На лице чудовища уже достаточно кожи и мимических мышц, чтобы понять — оно выражает крайнее удивление.

Мимо меня проносятся три размытые тени — это наши деканы и Канцлер, наши супергерои, наша надежда и спасение. Кажется, Канцлер в прыжке даже вытягивает вперед кулак. Вот сейчас бы сфоткать. Пафосно бы получилось. Гриша только все портит — его видать просто швырнули в портал первым, и сейчас Распутин валяется на верстаке, безвольно свесив голову с некрасиво раскрытым ртом.

И в этот момент Сергей, наконец, добирается до Кашея и обнимает его. И некоторое время ничего не происходит. Если не считать того, что меня передергивает от отвращения. А потом Кашея охватывает пламя и он взрывается, истаивая в белом огне. Взрыв бьет меня в грудь, переворачивает через верстак и Григория, и я вылетаю в портал. Прямо в тронный зал Вятко.

Я мгновенно вскакиваю на ноги и понимаю, что я тут один. Если не считать Вятко. Я стою рядом с копьём, воткнутом в расщелину каменной плитки пола. На копьё череп с остатками шевелюры и бороды. Перед головой на копьё — портал. С этой стороны он выглядит крайне неприятно — никаких тебе простых и приятных дверей, как делает Канцлер. Это клякса, вызывающее пространственное недоумение, как лента мебиуса — одновременно она и большая, и маленькая. Я вижу сквозь неё комнату из которой меня вышвырнуло. Посередине стоит дымящийся Сергей, все остальные валяются на полу. Кашея не вижу. Я резко оборачиваюсь к престолу Вятко, в очередной раз — уже, наверное десятый — дергая саблю из ножен. Сабля сламывается. Часть остается в ножнах, а у меня в руке оказывается рукоять из которой торчит обломок клинка длиной примерно в две ладони.

Я вижу, как труп перед тронном Вятко обмякает и начинает стремительно разлагаться. Жуткая вонь бьет мне в ноздри — как будто засунул голову в пакет с испорченным мясом. Это не от Кашея — это тут атмосфера такая, полсотни трупов стражников Лицея вокруг лежат уже около суток.

В этот момент я замечаю, что рука Вятко начинает двигаться энергичней. Он совершает движения мечом, похожие на то, как если бы он переключал скорости в механической коробке передач. Клинок не встречает сопротивления в опадающем гнилой трухой грудной клетке. Вятко недовольно морщится и открывает глаза.

Я смотрю на него и в моей голове снова проносятся те же мысли. Те, которые про то, насколько же у него нелепая корона и что он слишком женственный.

Вятко открыл глаза, посмотрел на труп перед собой. С оттенком удовлетворения, я боялся что он разозлится, но нет. Потом Вечный Князь поднял зеленые глаза на меня. Взгляд у него был такой неприятный и опасный, что никакая миловидность не могла его смягчить. И вызывал этот взгляд ужас. И даже моя отрешенность не спасала. Я никогда не чувствовал такого ужаса. А ужаса я повидал разного. В своем мире я испытал испуг, как холодной водой окатывающий хребет, когда близкий прилет рядом, ты падаешь мордой в землю и ждешь, что следующий снаряд упадет в тебя. Тяжело было пережить и мутный, тянущий жилы страх, когда скоро надо идти в атаку. Уже в этом мире мне довелось попробовать на вкус яркий, жгучий как ожог крапивы страх, когда по льду прямо на тебя летит кровавик.

Но то, что я чувствовал сейчас, было еще ужасней. Это было настолько сильное

ощущение, что мне хотелось орать, мне как будто кости железными ножами скребли. Я застыл, даже и не пытаюсь пошевелиться, только чувствуя, как у меня немеют мышцы лица в гримасе ужаса и топорщатся волоски по всему телу.

Единственное, что меня утешает, так это то, что все остальные похоже испытывали тоже самое, даже находясь за порталом. Иначе бы пришли мне на помощь. А так, просто стояли парализованные ужасом. Вечный Князь изящно вскинул свободную руку к своей голове, стянул с головы корону. Посмотрел на неё. Скривился недовольно. И швырнул свою корону в меня. Не как питчер мяч в бейсболе, из-за уха, а небрежным движением кистью. И эта, даже на вид тяжёлая, конструкция полетела в меня, как бейсбольный мяч. Быстро, по пологой траектории. Корона с хрустом врезалась мне в грудь, но не упала — я машинально поймал её обеими руками, как баскетбольный мяч.

Ненавижу, блядь, командные виды спорта. Вот, прямо сейчас, это понял. У меня воздух из груди выбило. И реальная боль в груди заглушила ужас. Силясь вдохнуть, я беззвучно ругался. Тишина становится по-настоящему гнетущей, когда в ней нет твоего дыхания. Хуже только когда она нарушается твоими криками.

По-настоящему гнетущая тишина нарушилась мелодичным, музыкальным голосом Вятко:

— Раз эта так корона плоха... Найди и принеси мне другую. Корону, достойную меня. А это тебе подарок, чтобы было легче подобрать, — он небрежно взмахнул рукой в мою сторону и я ощутил жгучую боль. Как будто мне в лицо воткнули тысячи иголок.

Я закрыл лицо руками, едва не уронив глухо звякнувшую жемчужными подвесками корону. Но боль была такой сильной, что я упал на колени.

— Пшёл вон! — услышал я голос Вятко. Через силу глянул на него, но успел увидеть только, как портал хлопывается. Я оглядываясь и с невероятным облегчением понимаю, что я в Лицее. При этом копье с отрубленной башкой оказалась воткнута прямо в доски кабинет Григория.

Я растерянно ощупываю лицо. Ран не чувствую, крови на руках нет. Боль потихоньку отступает, только кожа горит, как при сильном солнечном ожоге.

Ко мне бросаются Милена и Лизавета. Заглядывают мне в лицо и испуганно отшатываются. Даже не так. Не испуганно. Девушки отпрянули от меня с неподдельным выражения ужаса на лицах.

— Храбр? — испуганно пищит Милена. — Это ты? Что он с тобой сделал?

А потом я потерял сознание.

Глава 17

Глава, в которой главному наконец-то все объясняют. Выкладывают карты на стол. Объясняют все секреты. Закрывают все вопросы. Это могло бы быть отличным завершением главы и началось долгой, счастливой, обеспеченной жизни для главного героя. Но увы, даже хорошие новости могут иметь неприятные последствия...

Я никогда никому об этом не буду говорить, но встреча с Вятко меня глубоко потрясла. Все эти магические фокусы были мне постольку, поскольку — мне казалось, что просто достаточно уложить их в систему, подогнать под собственную шкалу, уместить в привычные рамки. Как бы не были страшны и опасны природные силы, если классифицируешь их, зачинишь в цифры — и ты, если не победишь стихию, то поймешь. Не подчинишь, но сможешь оценить. И через это, сможешь предсказать.

Поэтому люди, особенно если чувствуют что ничего не могут изменить, с таким увлечением следят за событиями в мире. Выскивают причины и следствия, выясняют подробности. Это подкрепляется дофамином — эволюция встроила в нас механизм, поощряющий любопытство к опасности.

Полистайте случайную подборку заголовков новостей — и, если у вас нет органических повреждений мозга, то вы буквально зацепитесь взглядом за сообщения об авариях, катастрофах. Это интересно. Хочется выяснить, разложить по полочкам, разобраться в причинах и следствиях. И получить удовлетворение — теперь я знаю больше о работе атомной электростанции. И как произошла авария. Отлично. Предупрежден, значит вооружен.

Но это лишь иллюзия контроля. Хоть она и не иллюзорно успокаивает.

Этим я ничем не отличался от местных. А я отличался тем, что я автоматически упаковывал свои новые знания в систему, выстраивал структуру, мое мышление было устроено так, чтобы поймать закономерности, уловить зависимости, понять правила игры. И победить.

Местные воспринимали магию иначе. Они относились к ней как к данности. Если человек упадет в воду и не сможет дышать — он утонет. Если дрова бросить в огонь, они сгорят. В шестнадцать лет боярин получает фамильяра.

Местные ведь никогда не учились в школе. У них нет в голове привычки оценочного, оцифрованного, научного подхода.

Местные говорили, объясняя дорогу: “Терем с зеленой крышей и резными летучими конями”. Я говорил “Трехэтажный, второй с конца”. Они говорили про человека: Хмурый, на хряка похож”. Я говорил “Лет сорок, сажени полторы ростом, пудов семь весом”. И так во всем. Я мыслю цифрами, я понимаю мир во многом, через цифры. И впервые я столкнулся с тем, что не могу описать пережитый мной страх по шкале “от одного, до десяти”. Нет. Я испытал ужас, от которого сердце в груди замерзает.

Хочется цитировать Лавкрафта. Что-то вроде “неописуемо ужасный” и “невообразимо страшный”.

Да, эта мимолетная встреча с Вятко меня проняла.

Самое время сходить к психологу, проработать этот эпизод. Хорошо, психолога тут не

найти. Но я мог бы побыть один. Лучше бы на берегу теплого моря, но и заснеженный сад тоже сойдет. Может, мне бы помог как-то отвлечься яркий и страстный секс? Да, наверняка. Вообще, я преступно невнимателен к этой стороне жизни. Когда вообще еще не пасть в объятия порока, если не в шестнадцать?

Я посмаковал эту мысль, прислушался к себе, тяжело вздохнул и принял решение. Мне нужен отпуск. И пусть весь мир подождет.

Надо ли говорить, что такой радости мне никто давать был не намерен?

Уже на следующее утро после веселых приключений в кабинете с самогонным аппаратами, я стоял в кабинете канцлера. По их лицам было видно, что они много пили и мало ели. Может, за исключением Григория. Он стал напоминать просто глубокого и больного старика. Что, по сравнению с почти трупом, явный признак улучшения его самочувствия. Сейчас я сижу на стуле с высокой спинке. Слева госпожа Софья, справа старец Велимудр. Григорий сидит в глубоком мягком кресле слегка в отдалении. Передо мной могучий рабочий стол Канцлера, на котором столько резтбы и украшений, что хватило бы на небольшое парусное судно. За столом скрывается Канцлер. Прямо на столе, недалеко от меня, на красной бархатной подушечке, лежит корона Вятко.

Господа педагоги смотрели на меня со смесью легкого испуга и удивления. Это из-за моего лица. Я сидел злой, соответственно и лицо было злое. Но дело не только в этом. Лицо у меня сейчас было не только злое Оно ещё было точь в точь, как у Вятко. Только помоложе.

Я уже прошел процедуры магической безопасности, которые сводились, в основном, к ощупыванию и оханью. Ничего опасного не нашли. Единственный вывод — это действительно мое новое лицо, никакой ни морок. Или, правильнее сказать "мое новое лицо, это лицо Вечного Князя"? Тогда получается, это не мое лицо? Так, я подумаю об этом потом.

Корону у меня сразу отняли, я увидел её снова только сейчас. Забирали на "анализ", видать. Сейчас она стояла передо мной на столе, хоть и на аккуратной пафосной подушечке, но все зеркальца пальцами захватаны.

Канцлер начал:

— Мы собрались тут, и пригласили вас, сударь Храбр, чтобы обсудить последние события. Те, которые касаются вас напрямую...

— Положите на стол, что вы там прячете! — строго сказала Софья. Я просто придержал пытающуюся выбраться из кармана феечку. Любопытная мелочь обожала все разглядывать и щупать. И пробовать на зуб.

— Я много чего прячу, что на стол можно положить, — огрызнулся я. Мы же тут правил приличия придерживаемся, цивилизованные люди, все дела. Пусть выражается яснее.

— Как мне объяснил старец Велимудр, — вздохнул Канцлер. — Вы, сударь, на уроке алхимии призвали некое загадочное существо. Мы бы хотели на него взглянуть.

Пришла моя очередь тяжело вздохнуть. Я вытащил свою феечку из внутреннего кармана и поставил на стул. Она была одета в маленькое беленькое платьице — подарок от Милены. Я подозревал, что она свою куклу раздела, платье было с каймой из цветочных узорчиков и даже обворожительно усилительным пояском из серебряного шнурочка. Подозреваю, такое за полчаса на коленке не сошьешь. Милена уже называла мою феечку Златой, за медовый оттенок кожи. Я не против. Как-то называть феечку надо, а мне на ум приходило только "Би". Сложная ассоциация — мед, пчела, название фирмы в логотипе которой пчела. Короче, я не стал протестовать против Златы. Злата на столе смешно плюхнулась на жопку,

осмотрелась, увидела корону, вскочила и кинулась к ней. Я дернулся было вперед, подхватить и уберечь мелочь от соприкосновения с артефактом неясного происхождения, и увидел в отражении свое лицо. И замер.

Мда. Уж. Я ж помоложе Вятко. На вид, года на четыре-пять, по факту лет на тысячу. Но все же, помоложе. И на мне его морда выглядела... Еще красивее, в общем. Я коснулся щеки пальцами и ужаснулся тому, как это выглядело. Мое прекрасное отражение очаровательно округлило глазки.

— Не переживайте, сударь Храбр, — хмыкнул Канцлер, заметив и правильно расшифровав мое движение. — Мы проверили корону. На ней нет никаких наговоров. Разве что этот большой камень... Притягивает верных друзей, счастье и вещие сны. В общем, ничего такого, что не делают похожие камни. Правда, я никогда не видел такого большого.

— Камня? — тупо спросил я, растерянно разглядывая себя в зеркало. Феечка занималась тем же — разглядывала себя, вертясь перед зеркалом. Очень по-женски оценивая себя со всех сторон.

— Кхм... — прокашлялся Гриша. — Пожалуй, мне стоит объясниться, сударь Храбр. Я оказался во власти черных сил. Был ими обманут. И во время излечения вашего, подсадил в это тело, как мне казалось, демона.

Я мгновенно напрягся, бросив быстрый взгляд по сторонам.

— Но теперь я понимаю, что вселил в пустое тело душу выходца с другого мира. Не хотите назвать свое имя?

Повисла напряженная пауза. Я немного растерянно оглядывался по сторонам. В глазах волшебников и был напряженный интерес. Никакой агрессии я не заметил. А вот госпожа Софья на меня смотрела... Я не знаю. Странно. Как будто в уме трехзначные цифры умножала. Я не понял этого взгляда.

— Не бойтесь говорить откровенно. И не переживайте, тайна того, что вы пришелец... Я даю вам слово, этот секрет не будет раскрыт присутствующими, пока вы сами не посчитаете нужным, чтобы мы перестали его хранить, — небрежно успокоил меня Канцлер. На самом деле, не успокоил.

— А если нет? — спросил я, упершись взглядом в Канцлера. Тот спокойно выдержал взгляд. И ответил:

— Будете жить так же, как старец Григорий. Он, если вы не знали, ведь тоже выходец из другого мира.

Я с удивлением посмотрел на Григория.

— В моем мире меня отравили, потом несколько раз прострелили. Это может удивить, но в нашем мире пистолы многозарядные. А потом утопили. Очнулся я уже здесь. Так что вы, сударь Храбр, не одиноки в своей беде. Я, как вы понимаете, испытываю интерес к подобным историям. Если хотите, то позже мы с вами поговорим и я расскажу вам о похожих на наши случаях. Кстати, сударь, а вы не хотите рассказать мне о своем мире?

— Пока нет, — спокойно ответил я. Намеренно пошел на обострение. Сейчас сразу все станет на свои места. Все такие вежливые, понимающие. Аж подозрительно. Посмотрим, на что вы на самом деле готовы, чтобы выпытать тайны и знания...

— Хорошо, — легко согласился Канцлер. — Сейчас это не так важно.

Я растерялся. И наткнулся взглядом на свое милое отражение в короне Вятко. Я такой милый с очаровательно приоткрытыми губками. Да млять!

Софья коснулась моего плеча и промурлыкала.

— Это может осложнить вашу жизнь, но только если вы заняли тело человека, занимающего высокое положение. Да и то, вас с радостью примут в любой род. Личность, сумевшая преодолеть границы миров просто обязана быть выдающийся. Это все понимают. Если, конечно, вы не Великий Князь, — она мне улыбнулась. — Тогда у вас могут быть проблемы. Старые обычаи слишком строги и слишком расплывчаты, и это дает в руки врагов слишком много возможностей...

— По настоящему нас беспокоит то, что произошло с вами на уроке старца Велимудра, — устало перебил госпожу декана интриг и соблазнений, Канцлер. Он кивнул на феечку, которая стояла перед зеркалом, задрав платьешко до горла и задумчиво трогала себя одной ручкой за грудки. — Вы не против, если мы осмотрим призванное существо?

— Вы её не напугаете? — я уже понял, что тут аутопсия не входу, поэтому был достаточно спокоен насчет осмотра. Я куда больше боялся, что её у меня отнимут. Но напрямую об этом я не спросил. Если захотят отнять — отнимут. Сделаю вид, что смирился. И придумаю, как вернуть.

— Постараюсь, — кивнул Канцлер. Встал, снял с полки сложную конструкцию из серебра и золота. В первый момент меня кольнула паника — уж не ошибся ли я насчет аутопсии? Но разглядев устройство получше, убедился, что никаких лезвий там нет.

Канцлер поставил эту штуковину на стол, знаком попросил меня посадить Злату перед ним. Я одернул на феечке платье и передвинул её поближе к господину Махаэлю. Канцлер навел на феечку, которая с любопытством разглядывала его в ответ, несколько кристаллов. Посмотрел сквозь них, как сквозь линзы. Несколько раз менял кристаллы. Поднял взгляд на меня.

— Да, это не призванное существо, оно принадлежит этому миру. Похоже на то, что оно было получено с помощью "созидания", — наконец кивнул Канцлер. А потом спокойно так, без суеты, начал рассматривать через кристаллы меня.

— Это не "созидание"! — провозгласил Велимудр. И ткнул в висящую на стене схему в дубовой рамке, похожую на четырехлучевую звезду. — В великом искусстве алхимии есть двенадцать основных алхимических процессов, разделенные по четырем сторонам света. Это...

— Мы не на вашем уроке, — перебил его Канцлер. И уже мне сказал. — Мы склоняемся к мнению, что это не алхимическое преобразование.

— Алхимия искусство, требующее последовательности. Для "созидания" ему бы пришлось совершить 144 преобразований... — продолжал скандалить Велимудр.

— Мы думаем, что ты чудотворец, Храбр, — очень угрюмо сказал старец Григорий. — Именно поэтому Кащей и хотел тебя захватить...

— Кстати, — перебил я его. — А что с Кащеем?

— Лет на пять о нем точно можно забыть, — ответил Канцлер.

— То есть он не мертв? — удивился я.

— Слишком часто людям казалось, что он мертв. Правда, в этот раз ему уничтожили дух...

— А иголку сломать пробовали? — уточнил я. Софья с Канцлером недоуменно переглянулись. Велимудр насторожился, и пытливым взглядом посмотрев на меня, спросил:

— Какую иголку?

Я промолчал.

— Я её никак найти не могу. Может это не иголка? А может, и не яйцо... — тяжело

вздохнул Распутин.

— О чем это вы, старец Григорий? — тут же обернулся к нему Велимудр.

— Я хочу попросить всех сосредоточимся на главном! — повысил голос Канцлер. — Главное то, что у нас тут чудотворец с даром созидания!

— Это хорошо? — осторожно уточнил я.

— Единственный из людей, кто обладал таким даром, это Волх Всеславич, — начал было Велимудр.

— Скорее всего, после него были другие, но умело скрывали свое умение, — тут же перебила его Софья.

— Мне всегда казалось, что Волхв не был человеком. В полном смысле этого слова, — вскинул брови Канцлер.

— Обсудим это потом, — рявкнул Распутин неожиданно сильным голосом. Он по прежнему был тощий, с запавшими глазами. Но корни волос уже потемнели, на пояс вернулся неизменный кинжал, в руки очередной, опять новый, посох. — Храбр, это умение сделает тебя самым сильным чудотворцем этого мира. В будущем.

Все замолчали. Видимо, Гриша озвучил то, что у остальных было на уме, но они не решались это сказать.

— Так это же хорошо? — еще более осторожно уточнил я. И взял Злату на ручки. Погладил головку. Она недовольно оттолкнула мой палец и потянулась к короне. Пришлось посадить её обратно на стол.

— Это не очень хорошо, Храбр, — снова тронула меня Софья, теперь за ногу. И стул поближе подвинула. И в глаза мне так проникновенно заглядывает, как никогда раньше. А мне есть с чем сравнивать. — То, что вы можете... Ваш дар может напугать людей.

— Особенно могущественные силы этого мира. Неизвестно, что ты еще создашь. Например, знакомые тебе полудушники, это творение Волхва. И это ещё не самые мерзкие его создания, — сказал Велимудр. А потом осторожно протянул руку к феечке и коснулся. — Впрочем, в ваших творениях я вижу куда более... кхм... доброты.

— Я почти уверен, что уже скоро вас, сударь, попытаются убить. Возможно, даже в Лице, — сказал Канцлер. — Вы в большой опасности. И не следует искать надеяться найти союзников за пределами Лицея. Хотя многие, несомненно, могут попытаться такими показаться.

— Я запутался. Вы же сказали, что я сильный чудотворец, — удивился я. — Разве не выгодно иметь меня на своей стороне, чтобы усилить свой род, получить преимущество?

Это вызвало улыбки на озабоченных лицах.

— Первое проявление дара всегда в высшей степени сильно! — сказал Велимудр и устремив мечтательный взгляд в потолок. — Однажды, моя мать попросила меня присмотреть за жарящимися карасями. А у меня получились четыре кабана, фаршированных яблоками!

Он рассмеялся. Я никогда не видел его таким счастливым. Похоже, голодно у него было в детстве.

— Я нарисовала в своей спальне, на стене, яблоню. Сестра пишет, что она до сих пор каждый месяц приносит по полведра яблок, — так же мечтательно сказала Софья.

— А я, по видимому, перенесся в другой мир, — хмуро сказал Распутин.

— А я однажды стоял в вересковом поле, пас овец клана, и очень захотел попасть в легендарный Царьград. И оказался там, — сказал Канцлер. — Проблема в том, что назад я

так и не вернулся. Увы, сударь Храбр, но дар после первого проявления может спать годы. И чтобы разбудить его, и развить, и научиться пользоваться, вам придется приложить много усилий.

— Ну, я в Лицее. Лучшее место для такого, — улыбнулся я. В ответ на это все остальные улыбаться перестали и отвели глаза.

— Может быть вы не обратили внимание, — сказал Канцлер. — Но ни у одного из нас нет фамильяра. По какому-то несправедливому закону мироздания, мы, чародеи и чудотворцы, не можем обзавестись фамильярами.

— А фамильяр необходимое условие для продолжения обучения, — закончил я за него. Канцлер медленно кивнул. — А Злата вам чем не фамильяр?

— Вы можете заставить её исчезнуть, сударь? — грустно спросил Григорий. — Именно это вы должны будете сделать на экзамене. Призвать, а затем заставить исчезнуть фамильяра, подтверждая свою полную власть над ним.

— Может показаться, что я всемогущ в стенах Лицея. Это правда. Но только от части, — немного виновато проговорил Канцлер. — И экзамены как раз тот случай, когда я обязан подчиниться древним условностям и обычаям.

— Так вы меня что, выгоните из Лицея? Может у вас есть курсы, в смысле, отдельный факультет для чародеев? — я даже немного напрягся. Уже, знаете, привык к местной кухне. Друзей завел. Да и идти мне особо некуда.

— У нас есть еще почти полгода, до экзамена... — осторожно ответил Канцлер. — Я полагаю, что мы сможем что-то придумать.

Глава, в которой Сергей Гончаров раскрывает себя с неожиданной стороны, а главный герой прикидывается психологом а потом играет в психотерапевта с двумя девушками. Хорошо, что со смертельной опасностью он справляется с помощью других навыков, иначе книга бы уже закончилась его смертью.

— Ну, рассказывай! — скомандовал я. Мы сидели в библиотеке. Мы, это я, Лиза, Мила Сергей и Илья. И, что неожиданно, Людмила. Она выглядела как наркоманка. Заострившиеся черты лица, тени под глазами, бледность кожи оттеняющая опухшие, искусанные губы. И всё это только добавляло ей очарования.

— Да что тут рассказывать, — пробубнил себе под нос Сергей. — Нечего тут рассказывать. Когда-то, очень давно, Кашей напал на семью одного боярина. Моего далекого предка. Убил почти всех, осталась только его жена и её сын. Маленький, младенец совсем. Она перед смертью наложила чары, которые защитили её ребенка от Кашея. С тех пор это благословение, передается в старшей ветви рода.

Сергей решительным движением запустил пальцы в челку, подняв волосы и показал лоб, на котором темнел шрам, напоминающий латинскую “У”.

— Сергей Гончаров! Как я могла не понять сразу! — грустно сказала Людмила. А потом прижала ладони к щекам, подозрительно изогнувшись в пояснице, как будто ей очень хотелось почесать грудь, и она пыталась ей незаметно потереться о свои руки. — от всех этих волнений, я такая испуганная... Ах, интересно, как там принц.

Все тяжело вздохнули. Мы уже беседовали с Людмилой на эту тему. Трудно сказать, насколько дело в волшебстве, а на сколько в психологии, но помнила Людмила только то, что хотела помнить. А хотела она помнить о томящемся в подземелье принце, безумно в неё влюбленном. Все это накладывалась на самую настоящую наркотическую ломку. Не чисто физиологическую, как от синтетических наркотиков, а психологическую, как он кокаина. Она ничего не могла делать, ей было очень грустно и плохо, ничего не радовало. Только периодически яркие воспоминания бросали её в другую крайность — и она на несколько минут становилась изнывающей от страстной тоски нимфоманкой. К счастью, такие приступы длились не долго. Я пытался объяснить ей про зависимость, и она кажется даже понимала опасность, но... Что взять с наркоманки.

— Пойдем, я сделаю тебе успокаивающий массаж, — сказал Сергей. Людмила немедленно вскочила. Они пошли в глубину библиотеки, кажется там были кушетки поудобнее.

— Пойду тоже, — сказал Илья и устремился за ними.

Я остался с девушками. Они сидели в креслах в таких позах... Как будто боялись меня. ножки вместе, ручки на коленях. Подчеркнуто целомудренно. И в лицо мне не смотрят. Неотрывно наблюдают за копошащейся на столе Златой. Та тщательно осматривала книжки на предмет червей и насекомых — почему-то они ей очень нравились. Не книжки, насекомые. Мы же тут на лоне природы живем, все вокруг натуральное — живности вдоволь. Не буду говорить, что мышей и тараканов вокруг ордами — есть, но мало. Котов я вижу часто, мышку видел только один раз. Я подозреваю, что с вредителями тут борются не

только котами и отравой, но и другими, надежными и древними как мир, способами. Профилактикой. Например, не разрешают таскать еду по всему Лицею. Ах, да. Ведь тут же еще волшебство есть. Постоянно забываю. Не поверю, что за сотни лет не изобрели пару сотню наговоров для помощи при очистке туалетов и сохранении муки от мучных жучков.

Но и без откровенных паразитов в Лицее полно живности. Домашние муравьи, сверчки, пауки, мокрицы, какие-то бабочки. И это еще зима. И вот за всем этим с радостью охотилась Злата, с жадностью пожирая пойманное. Хотя я кормил её до отвала обычной едой в пиршественной зале. И не только со стола — я выпускал её прямо на стол, ей все умилялись. Она съедала пару кусочков хлеба и заедала всеобщим умилением. После чего тут же сыто засыпала.

— Так, девочки, — сказал я и хлопнул себя ладонями по коленям. Мила и Лиза вздрогнули.

— Нам надо поговорить. Я знаю, что в последнее время я сильно изменился. Но, если вы загляните в своё сердце, вы поймете, что это тот же я.

Я с ожиданием посмотрел на них. Увы, мой поэтический пассаж не прошел. Ни та, ни другая на меня не посмотрели, Лиз даже недовольно скривилась. Плохой знак Само не пройдет.

— А если серьезно, я хочу с вами поговорить. Мне тоже не очень... Но я стараюсь держаться. И я бы не отказался от вашей поддержки. Вместо этого вы ведете себя так, как будто я вас чем-то обидел. Расскажите, что вы чувствуете, — начал я, на ходу вспоминая психологические уловки, которых нахватался в свое время. И, с ужасом, понимая, что нахватался их явно не достаточно. Я тронул рыженькую. Она обернулась. Посмотрела на меня. Передернула плечами. Отвернулась. Я тяжело вздохнул.

— Я никогда толком не смотрел на свое лицо, — решил начать я. — Поэтому мне, по большому счету все равно, если я выгляжу по другому. Я, честно говоря, не особенно помню, как я выглядел раньше. Сегодня, когда умывался, испугался, что лицо будет ощущаться под ладонями как чужое. Но нет, все как обычно. Возможно, если бы я раньше постоянно видел себя со стороны, то мне было бы тяжело привыкнуть, что я выгляжу по-другому. В общем, я чувствую себя как и всегда и не замечаю изменений. Только в вашем поведении. Вашем и Ильи, тот тоже шарахается, но у него выдержка получше, это почти не заметно.

Ну, еще Серый оказался достаточно воспитанным, чтобы не подавать виду.

— Да я как на тебя посмотрю, вспоминаю Вятку. Не вижу, а вспоминаю. Ты уж прости Храбр, но ты против него, как лодочка против корабля. Посимпатичнее, конечно, но ни в какое сравнение не идет, — прорвало Лизавету. — Ты как зарубка на носу памятная. Как вижу тебя, так вспомню Вечного Князя. И каждый раз у меня... сердечко сжимается!

— Я ведь тогда чуть не обкакалась, — неожиданно всхлипнула Мила спрятав личико в ладошки. Если я хоть что-то понимаю в девушках, если она в этом призналась, то скорее всего, она чуть обкакалась. Но слегка смягчила факты.

Я достал из кармана платочек Несмеяны, развернул его. Внутри у меня был припасен стянутый за обедом со стола кусочек сыра и жареного мяса. Я по очереди предложил оба кусочка Злате. Вредная мелочь сначала принялась, но потом фыркнула и отмахнулась, с удвоенной энергией начав выискивать насекомых в переплете особенно ветхого тома, то и дела суя себе в рот бумажных червей. Я спрятал еду обратно. И сказал:

— Сядьте на кушетку. Рядом. Так, чтобы я вас видел.

Они, не сразу, но послушались. Я сел пред ними прямо на стол. Они по прежнему

старались избегать смотреть мне в лицо, но уже не с таким упорством, как прежде.

— Дайте мне руку. Каждая по одной. Вот так, — я взял их за руки и, переводя взгляд с одной на другую, сказал. — Сразу скажу, что с первого раза может не получиться, но мы будем повторять пока не получится. С первого раза может не получиться, потому что у нас сразу жестокая рана в душе, а начинать лучше с чего поменьше. Ну да ладно.

Для получения гражданства в моем мире я проработал около двух лет в волонтерских организациях. Это условие было не обязательное, но серьезно помогало. Хотя государственные волонтерские организации на законодательном уровне были запрещены, для них было несколько важных правил. И первое правило — волонтера не допускают к полевой работе, где возможно он столкнется с жертвами и горем, пока он не пройдет курс психологической подготовки. Я наивно полагал, что моя военная психокоррекция делала для меня такой курс не нужным. И с удивлением узнал, что это не так.

Одно дело оставаться хладнокровным и собранным, когда вокруг умирают друзья, тебя самого ранят, и ты убиваешь людей. По большому счету, с такой настройкой человеческой психикой неплохо справляются и тут, своими, дедовскими способами.

Совсем другое, когда ты сталкиваешься с бессмысленной жестокостью мира. Три дня лазишь по лесам в поисках потерявшихся детей, а потом находишь их утонувшими — один упал в дождеприемный колодец, а его друзья полезли его спасать. Или... Впрочем, не важно. Важно то, что такие вещи накапливаются. Каждая несправедливость, жестокость, ошибки — как кирпичи падают на душу, гнут её, давят. Лица мертвецов вспоминаются в самые неожиданные моменты. Это не просто мешает наслаждаться жизнью. И это уже не только психологические проблемы — сбоят гормоны, можно вляпаться в депрессию.

Для того, чтобы помочь волонтерам справляться с нагрузкой на психику, психологи придумали несколько простых и понятных упражнений. Возможно, придумать и было не так просто, но конечный результат выглядит удручающе примитивно. Я просто закрывал за собой дверь, когда возвращался домой. И все, все проблемы, несчастья, незаконченные дела — оставались за дверью. Где-то там, вне безопасности своего дома. Потом я переехал в другой дом в котором дверь услужливо распахивала домашняя нейросеть. И мне приходилась на секунду задерживаться перед входом, захлопывая за собой дверь мысленно.

Полагаю, множество людей двадцатого века спились или сторчались на антидепрессантах, не умея хоть на время снять с себя ответственность, которая давило их ежесекундно. Сначала учеба, и получать хорошие оценки, потом экзамены, потом работа, оправдать ожидания родителей, быть не хуже вон того парня с обложки. В начале двадцать первого века люди были несчастнее, чем когда либо за всю историю. Неудивительно, что мы научились делать себя счастливыми. Нам пришлось.

Любая психологическая уловка, которая хорошо работает, выглядит простой. Но за ней, чаще всего, стоит кропотливая работа.

— Закройте глаза, — сказал я девушкам и выпустил их руки. — Постарайтесь сесть так, чтобы вам было удобно.

Я и встал и отошел от них, чтобы не мешать им своим присутствием. В просвет между шкафами я увидел, Люду с Сергеем. он делала ей массаж кистей, целомудренно отсев на край дивана. Напротив них, в кресле, сидел Илья и рассказывал одну из своих историй. Люда улыбалась спокойной, ясной улыбкой. Может быть для неё еще не все потеряно. Я повернулся к Лизе и Миле, и начал:

— Постарайтесь представить себе место, где вам хорошо. Уютно. Безопасно.

Я был уверен, что пара тройка занятий, и ребята станут чуть устойчивее. Надежнее. Дело не только в том, что надо следить за личным составом и его психологическим здоровьем. У меня были планы. Долгие планы. И мне понадобятся помощники. Хорошие помощники. Кажется я нашел себе несколько. Если все будет хорошо, то скоро мне потребуется на них опереться. Не просто опереться — использовать их как рычаг, засунуть в самое темное место и обрушиться сверху всей тяжестью. Ведь я собираюсь перевернуть мир.

Важно, чтобы к тому времени они не стали травмированными невротиками с непредсказуемым поведением. Тем более, что уже на этих выходных у меня намечен первый шаг.

Глава 19

Глава, в которой главный герой придумывает надежный план по личному обогащению и начинает его реализовывать. И двух книг не прошло. Если честно, лично я начал подозревать, что он на пенсию надеется.

Мне случилось жить в ультрасовременных в мегаполисе. Я видел всякие архитектурные изыски. В живую побывал во многих городах, а в симуляции такого насмотрелся... И все же, Великий Устюг смог меня удивить. Застроенный двухэтажными разукрашенными теремами, с деревянными тротуарами из грубых досок, узкими улицами над которыми нависали сверху лавочки, вывески, входы, а над улицами то и дело были перекинута крытые галереи — можно ходить из дома в дом, не выходя на улицу. Очень удобно. Я подозревал город и внизу имеет разветвленную сеть подземных ходов. Однажды листал статью об Астане, это такой город в Казахстане. Краткий экскурс в историю этого города рассказывал о первых каменных строениях — лавке и доме купца. Так вот, между ними был подземный ход. Всего два дома, и те подземным ходом соединены.

Логично предположить, что это нечто вроде традиционного элемента русской архитектуры. Старые города были источены подземными ходами, как огород в котором завелись медведки. И я понял, почему, уже через полчаса, как потолкался по улицам. Ходить тайными подземными ходами было явно безопаснее и спокойнее.

Народу было не так, чтобы много. Мне случилось бывать, например, на концертах — толпой меня не испугать. Но тут было очень... тесно? Тесно не то слово. Что-то среднее, между тесно и давка.

Проблема была не в количестве людей, а в том, как эти люди себя вели. Самые страшные были торговки рыбой — не могу сказать, что они прямо совсем уж жутко воняли. Пахло от них рыбой, но относительно свежей. Несли они рыбу в огромных корзинах перед собой. И, явно со злым умыслом, не смотрели вперед — буквально тараня тех, кто не успел убраться с их дороги. Этаким матершинный дорогоукладчик.

Сразу после торговки рыбой, на моей личной шкале дорожной опасности я поставил бояр. Навроде нас. Функцию вонючих корзин исполняли слуги — передо мной, с поистине ледокольной эффективностью, шествовал Оногур. И надо сказать — он не церемонился. Я видел как случайные люди от него буквально отлетали в сторону как кегли от шара в боулинге.

Пару раз мы столкнулись с аналогичной процессией уважаемых людей — богато и ярко одетые персоны в центре, впереди рослые охранники, вокруг челядь. Илья кусал губы, хватался за саблю. Я думал дело к поножовщине идет. Но потом кортежи расходились по разные стороны улицы и двигались дальше.

Ко второму разу, я понял, что это ритуал — хоть бы и частично, но уступить дорогу было запахло и не по масти. Для сохранения приличий требовалось сделать это не сразу. Иначе, видимо, мог пострадать статус. К тому же, надо думать, были варианты с "не уступить". Присутствие Оногура нам явно на пользу шло и такого не случилось.

Зато теперь понятно, почему в Лицей слуг не пускают — боярам на людях следовало всячески выказывать гонор, а без сопровождения боярские детки терялись. Даже Илья совершенно преобразился, когда к нему присоединились его люди. Плечи расправлены,

морда надменная, подбородок задрал. Всего маленькой группе гуляющих школяров, слуг было человек десять. Сравнивая с другими "эскортами", я понял, что это не так много, если на четырех бояр. Кроме меня и Ильи, с нами были и обе девушки.

Сергей на выходных, разумеется, воспользовался случаем, чтобы посидеть в библиотеке. Я подозреваю его в том, что он не такой книжный червь, каким прикидывается и ему за книжками составит компанию Людмила, но это не мое дело. Памятный мне по заварушке с полудушниками дед Дарён по случаю выхода в свет не поленился надеть на себя шлем с бармицей, красивую серебряную кольчугу с бронзовыми пластинами на груди и комплектные наручи к ней наручи. Я сначала подумал, что он слегка перегибает, но после того как встретился с местными уважаемыми людьми — убедился, что и у тех в сопровождающих есть полностью одопешенные бойцы.

Я начал подозревать, что тут на улицах бывает ой как не спокойно.

Казалось бы — идя по улице такой свитой я должен был избежать толкотни и мелких неприятностей. Но увы, к тому времени как мы прошли два квартала и подошли к храму Первака Рыбака — с моего кафтана уже срезали две кисточки с серебряными украшениями.

— Эх, деревня, — хамски прокомментировал заметивший это Илья. — Небось и не видел никогда, народу когда столько?

— Не видел, — вздохнул я. — Столько наглого народа, за один раз, никогда еще не видел. Лиза, а ты что такая испуганная?

Рыженькая и в самом деле притихла. И только сейчас, когда я к ней присмотрелся, заметил, что у неё глаза непривычно круглые. Без хитринки. Первый раз такое, я аж удивился.

— Это ж, наверно, месяц нужно тут жить, чтобы со всеми перезнакомиться! — выдала Лизавета. Илья расхохотался, Милена улыбнулась.

Стоило нам подняться на крыльцо храма, как к нам подошел ничем не примечательный мужичок и спросил у Ильи:

— Это ты Храбр Королев будешь?

Тот молча ткнул в меня.

— Это я, — признался я. Мужичок удивленно приподнял брови, меня разглядывая. С сомнением посмотрел на саблю. Вот к гадалке не ходи, особист местный. Везет мне на них.

— Прошу за мной, боярин, — наконец закончил осмотр мужичок и приглашающе махнул рукой. Мы вдвоем прошли в здание храма — очень высокая изба-пятистенка, сложенная из могучих стволов. Внутри никого не было — крышу, на которую упала Пися, аки наказание божье, еще чинили. Все мои сопровождающие остались снаружи.

Встреча у меня, что называется назначена. И обговорены детали. С кем я встречаюсь, можно ли оружие. Что у меня с собой, какие условия договора. Для меня дико выглядело время встречи — с полудня и как смеркаться не начнет. Типа приходите после обеда в любое время Ну да, часов же тут пока нет.

Договаривались о встрече не со мной, а со старцем Григорием. Я повертел головой, пока меня вели через главный ал. Честно говоря, внутри храм был похож на местечковый музей о рыбной ловле. Я прошел за мужичком в отгороженный угол. И наткнулся на деревянную лестницу, ведущую вниз.

Нет, я все еще люблю подземелья... Но все хорошо в меру. Я тяжело вздохнул и стал спускаться. Хорошо хоть появился местный служка с массивной свечей в руках, который шел впереди и подсвечивал ступени. Крутые и неодинаковые — спуститься по ним и не

навернуться, само по себе достижение.

— Начерно починили. Дракон же тут лазил. Порушил все, — извиняющимся тоном пробормотал служка, ведя меня коридорами. Особенных разрушений я не заметил.

Наконец, меня привели в отдаленный закуток. Узкая и длинная комната. Две двери. Посередине стол. За за массивным столом, сидел местный жрец. Ему бы сутану и как вылитый православный батюшка будет — борода окладистая, статный. Хороший батюшка бы получился, представительный. Но он был в местном тряпье, и оно все портило. Коричнево-грязный кафтан, высокая шапка мехом внутрь, и на груди два бронзовых выпуклых диска. Зеркала. Как я понял, одевался он в стиле рыбаков. А бронзовые зеркала — символ статуса. И я с ужасом понял, что забыл, как его зовут.

— Ну что же, сударь Храбр, говорите, — поощрил меня начать “батюшка”. Не представился. Но и грубияном не назовешь, улыбается, голос ласковый.

Начал я, дело ясное с подарка. Достал из-за пазухи аккуратную шкатулку. подарок старца Григория. Внутри бархатный мешочек. Подарок старца Велимудра. Достал из мешочка оторванное от короны зеркальце. Подарок князя Вятко. Все вместе подарил я подарил жрецу.

Увы, но зеркальце потянет рублей на сто. Храмы в этом мире выполняли функции банков. Ну, таких, очень специфических банков. Своим подарком я подтверждаю свою платежеспособность. И теперь у меня открыт кредит на сотню, может даже на две, рублей.

Проблема со средневековьем в том, что это не капитализм. У меня, честно говоря, до сих пор не особенно внятная картина сложилась в голове. Как по мне, так то, как тут всё функционировало, было похоже на коррупцию в терминальной стадии. Вот сейчас, например, я буквально подкупил верховного жреца подарком. И одновременно с этим, тут это было нормой. Фактически, даже князя при встрече, обменивались подарками. А уж занести вышестоящему стопку монет вместо “здравствуйте” — вообще традиция граничащая с обязанностью. Были и другие яркие элементы “дикого капитализма”.

Попробуйся я выставить корону на аукцион, то любой князь мог бы заявить на неё свои притязания. Придумал бы что-нибудь, более или менее правдоподобное, заявил что корона должна принадлежать ему. И послал бы своих гридней. И не стало бы у меня короны.

При капитализме такое государство бы уже рухнуло задолго до того, как коррупционные связи стали настолько обыденны, а законы настолько необязательны. Однако, никаких Великих Революций тут пока не случилось. Почему? Потому как средневековье. Все работало, потом что сам принцип работы общества строился иначе. Люди жили тесными сообществами, в которых нельзя потерять лицо. Поэтому, даже вывали я перед жрецом мешок таких зеркалец, и попроси потом сделать что-то, что нанесло бы удар по популярности храма, например, оправдать меня в очевидном преступлении — он откажет. И даже наоборот, первым обвинит.

Тут не было четко прописанного закона, зато то, над чем я в свое время смеялся, некая размытая условность “а что люди скажут” — в самом деле было сдерживающим и дисциплинирующим фактором. Возможно, общественного порицания люди боялись больше, чем реального гнева богов или мифических законов, которые тут тоже существовали.

Я пришел в храм Первака Рыбака потому, что мне присоветовал Гриша. Хороший, говорит храм, обязательно сходи. А присоветовал он мне Храм, когда я сказал, что мне нужны деньги.

Я же человек с широким кругозором, имеющий удвоенный жизненный опыт, потому я

точно знаю — мне нужны деньги. Ведь у кого нет денег, тот бедный. Не хочу, чтобы про меня говорили “бедненький”. Хочу быть богатым. Но нельзя стать богатым, тупо распродавая то, что имеешь. Мне нужен был источник дохода. Местные обходились доходами с земли, промыслов, мельниц, добычи металлов, меда, воска, пеньки и так далее. Хороший бизнес, вот только все вкусные места уже разобрали и местные богатыньки меня никуда не пустят. Конечно, у меня еще было наследство отца. Но я привык полгаться на себя. Мне надо было просто найти свою нишу. Я потратил полчаса времени и придумал хороший, годный вариант. И сейчас, после обмена формальностями со жрецом, я решил начать его реализовывать. Хотя нет, начал я его реализовывать еще раньше, подготовившись еще в Лицее.

После разговора о моей феечке, господа и дама деканата проявили ко мне неожиданную доброту. О причинах этой доброты я догадываюсь — банальная корпоративная солидарность. Одно дело барчук, который пришел-ушел и ничем не обязан. Совсем другое дело — юный чародей с хорошими задатками. Продолжатель, последователь, потенциальная звезда. Наверное, такое чувство испытывают по отношению к молодым ученым старые опытные зубры.

Я постарался воспользоваться этой добротой. С Велимудра я стряс обещание, что он покажет мне как варится зелье для дыхания под водой. Для этого ему потребуется кровь болотника — и я как раз знал, где её взять. Потом я заручился поддержкой Григория — мне потребуются его сани. И вот сейчас последний кусочек пазла — храм рыбаков. Куда еще идти, если ты ищешь затонувшие сокровища?

Опустив подробности, я излагал улыбающемуся “батюшке” свой план — мне нужны были примерные места, в которых на дне лежат затонувшие корабли с богатым грузом. Мне потребуются надежные люди, лодки, команда и доставка на место. Я смогу поднять со дна все ценное. Мне достаточно будет всего половины, остальное пойдет храму. Самое главное, это найти места, где на дне лежат ценные грузы, ведь наверняка такие места есть. Поэтому мне и нужны вы. Пospрашивайте прихожан...

Рыбный жрец встал.

— Пойдемте со мной, сударь Храбр, — сказал он и вышел в свою дверь. Я последовал за ним, с трудом протиснувшись между столом и стеной. Пара лестниц, храмовая постройка, и я оказался рядом с “батюшкой” на летней веранде. Хотя, когда такая штука выдается далеко за стены, вроде это называется балкон? Не важно. Слегка занесенная снегом, крытая конструкция, похожая на летнюю пристройку к кафе, выдавалась за стену храма, нависая над рекой и опираясь на бревна. Храм Рыбака ведь стоит на самом берегу. Город растет вверх и над рекой, больше расти некуда.

Перед нами белая простыня реки. Совсем рядом, в полынье у причала водовозы наполняют бочки. А на реке множество рыбаков на льду. Некоторые шерудят в лунках баграми, кто-то делает новые лунки, несколько групп из десятка человек пилит лед и кидает сети в большие полыньи.

— Что вы видите? — спросил “батюшка”.

— Люди рыбачат? — сказал я.

— Нет. Они ищут дракона. Все знают, что он сожрал у нас семьдесят пудов серебра и двадцать пудов золота. На самом деле, куда меньше. Но мы не спорим. Ведь сожрал? — он хитро глянул на меня. — Сожрал. Раньше, в других городах, нам не верили, что у нас есть... да хоть бы и пуд золота. Теперь думают, что уж хоть пуд у них, да остался.

Он посмотрел на меня. Я еще раз, внимательнее, посмотрел на реку. И увидел рисунок масштабных работ.

— Да они уже все дно обшмонали?!

— Баграми, сетями с крючками, кое-кто даже нырял, — хохотнул “батюшка”. — А теперь, сударь Храбр, представьте, если бы тут поблизости затонул челн с товарами. Да его уже бы до последней досточки вытащили, прямо из подо льда. Так что мысль у вас может и дельная. Но глупая. Нет на реке таких мест, где можно бы было с затонувших кораблей поживиться. Потому как уже поживились. Ничем помочь я в вашем деле не смогу.

Жрец развернулся, уходя. Я повернулся за ним, и обнаружил, что нашу благостность доверительной беседы портят два, неизвестно откуда взявшиеся, угрюмых субъекта с дубинками в руках. Одеты они были так же, как и “батюшка”, но при этом умудрялись выглядеть не рыбаками, а мясниками. Тонкий намек на то, что аудиенция окончена.

— Как вас зовут, уважаемый? — спросил я.

— Вторак, — отозвался жрец без улыбки. Странно, без обязательного слова-маркера впереди. Я заподозрил, это у него не имя, а титул.

— Можно я у вас отниму еще немного времени? — сказал я. Выказал уважение. Вторак медленно кивнул. Явно удивившись. Он то меня уже определил в боярские сынки, надо думать. А у этого храма есть некоторые сложности с правящим сословием.

— Когда я беседовал с Григорием, — блин, как-то неуважительно я его назвал. У жреца аж брови приподнялись. Хорошо, хоть не Гриша. Я тут же поправился. — Старцем Григорием. Когда спросил его о вашем храме, он рассказал мне историю жизни Первака Рыбака. Я хочу уточнить.

— Спрашивайте, сударь, — жрец передумал уходить и вернулся на веранду. Оперся на перила.

— Первак был рыбаком. Я не буду пересказывать историю его жизни полностью, вы уж меня простите. Суть проста. Первак был хорошим человеком и сделал много добра. А потом, вдруг, люди поняли, что он рыбачит уже без малого сто лет. Три жены схоронил. А выглядит на сорок. И тогда князь Великого Устюга пригласил его к себе. И спросил, каков секрет его долгой жизни.

— И Первак ответил, что жить нужно так, чтобы не стыдно было перед людьми, — явно процитировал жрец.

— Князь велел его схватить. Его посадили в подвал и пытали. Требовали раскрыть секрет долголетия. Скоро он умер, — закончил я. — Так все было?

Когда Распутин мне это рассказывал, мне вдруг стало понятно, почему у Канцлера одни “старцы” собрались. Есть не иллюзорный шанс отбросить коньки в частной пыточной, просто потому, что ты не стареешь. Я подозреваю, это нечто вроде побочного эффекта от магических способностей, и “старцы” попросту сами не знают секрета. Иначе бы торговали им уже во всю. И все же, попытать этих “старцев”, хотя бы в виде вдумчивого исследования с интервьюированием, даже я бы не отказался. От пытливых исследователей Канцлер и давал надежную защиту. Поэтому тянулись в лицей выдающиеся со всех сторон личности.

— В общем, верно, — ответил жрец. Сейчас он снова стал походить на батюшку. Только очень настороженного. Посматривал на меня, пытаюсь понять, к чему я веду. А я спокойно и открыто смотрю ему в лицо. Я сейчас как Маугли. Мне просто надо сказать “Мы с тобой одной крови, жрец”.

— Старец Григорий таким способом предостерегал меня. Я сейчас выгляжу, как

боярин. Но это потому, что иначе мне никак было не попасть в Лицей. А в Лицее мне попасть нужно, потому как опасно мне снаружи. Я ведь, чудотворец.

Видя как у рыбацкого жреца удивленно взметнулись брови вверх, я добавил:

— Слабосильный, только пробудились силы. Но, кое-что уже могу. Я не гонюсь за славой. И я не хочу силой брать. хочу честное дело. Я рассказал, что умею. Ты, подумай, Вторак, не торопись. Мне не боярский гонор потешить, я работу ищу. Таковую, чтобы и людям хорошо, и себе не в убыток, и тебе пригожусь.

Вторак долго смотрел на реку. А потом снова посмотрел на меня. И снова заговорил, перейдя на "ты". Я расценил это, как хороший знак.

— Слышь, работничек. Глянь вон туда. Видишь, верстах в двух отсюда излучина? Вон, правее, отсюда только плес видать, так там рукав, и дальше излучина есть.

Я осторожно кивнул, внимательно всматриваясь в снежную даль.

— Видишь? — строго спросил меня рыбацкий батюшка. Я вздохнул и покаялся:

— Нет.

Он кивнул, со снисхождением и продолжил:

— Там протаяло уже, рыбы как гороха в гороховом супе, аж вода кипит. Подышать всплывает. А никто не ловит. Как думаешь, почему?

Я послушно ответил ожидаемое:

— Почему?

Вторак огладил бороду.

— А дураков нет. Место гиблое.

Я терпеливо заполнил его паузу своим вопросом:

— Почему гиблое?

— Люди стали пропадать. Там всегда клев был хороший, а то и сети можно было поставить. Полдня на реке и на берег. Еще и улов перебираешь. Рыбу, ту что помельче, обратно выкидываешь, а то в лодку не помещается. Хорошее место. А потом то одна лодка перевернется, и все кто в ней, утонут. То другая. А то и пара сразу.

— Разобраться пытались? — спросил я.

— Лет десять назад, мужики собрались. Перегородили все сетями, топоры взяли, остроги. Часть сели на лодки, часть с берега зашли. И тогда ясно стало, что нечисть там. Двоих под воду утащило. Только одного отбили.

— А бояре что? — искренне удивился я. Мстиславу всю жизнь мозг промывали, что это прямейшая обязанность бояр, защищать людей от подобного рода опасностей.

— Так река. С одной стороны, вроде как и ничья. С другой стороны, коли не лезть, то и не тронет. А главное, — Вторак вздохнул. — Это ж не упырь или кабан чудной. Как из под воды то достать, непонятно. И славы не добыть. Да и заплатить за такой труд некому.

— И ты хочешь, чтобы я это гиблое место зачистил... — решил уточнить я.

— Зачистил? Какое слово забавное. Ты, маленько чудесник, за меня не проговаривай. Я тебе говорю, что мест таких гиблых, на реках и протоках, по всей Руси видимо-невидимо. Шутка, что ли, прям рядом с Великим Устьем одно. А в позапрошлом году торговый челн от своих отбился. И пропал. И некуда ему деться, кроме как в ту излучину по недоумию свернуть.

— Что вез? — заинтересовался я.

— Вина заморские, — тут же ответил Вторак.

Я задумался. Одно дело спокойный, рассудительный дайвинг с пусть и трудной, но

прибыльной работой по подъему ценностей. И совсем другое — ловля всякой нечисти в мутной воде. К тому же, я по серии игр про Ведьмака знаю — охотников на нечисть никто не любит. Вторак ухмыльнулся в бороду, разглядывая мое задумчивое лицо.

— Ну, вот и поговорили. Ты заходи, коли что надумаешь. Охочих людей тебе присоветую.

Жрец скрылся в храме. Я еще немного понаблюдал за зимними поисками утонувшей в реке Писю. Потом вздохнул и вернулся к своим.

Глава, в которой главный герой наконец-то проявляет врожденную страсть к романтике. Ужин при масляной лампе, в музее непонятных древностей, с двумя вооруженными и опасными девушками, за которыми он ухаживает одновременно — что может пойти не так?

Предложите человеку волшебную палочку и он будет готов ради неё на всё. Один день. Дайте человеку волшебную палочку, а за это попросите его колдовать каждый день по полчаса — уже через неделю ему надоест, а через месяц он будет изнемогать от этой рутины.

Что поделаться так уж мы устроены. В школе моего мира нам что-то вдалбливали про поведенческие паттерны, поощряющие человека к постоянной смене места и деятельности. Вроде, мы унаследовали это еще от общего с обезьянами предка — любопытная обезьяна знает, где в округе есть еще деревья с фруктами, если на этом еда кончилась. Поэтому она чаще сытая. И чаще выживает, если вдруг что-то пойдет не так.

Поэтому в обществе моего мира есть различные программы для желающих сменить род деятельности. И их часто критикуют, типа человек может всю жизнь учиться за государственный счёт. Ну, не знаю. Там все равно учиться надо, проверяют же. Ведь бывает и так, что ты выучился, начал работать и друг понимаешь — ну не твоё. Я однажды общался с порноактером. Он был пьян и жаловался, как же его работа “зае. ла”. Хотя, в его случае, это было ожидаемо.

К чему это я? А к тому, что через месяц мне в Лицее стало скучно. Сначала я, вместе с тем чтобы как все нормальные люди, развлечь себя невинными шалостями вроде идиотских шуточек над сокурсниками и онанизмом — сосредоточился на учебе.

И вот тут то я и понял, что надо было в школе на уроках слушать внимательнее. На уроках в моем мире, а не на тех, на которых я мучился сейчас — в лицее у меня по прежнему уроки вызвали легкое недоумения. Хорошо хоть Велимудр отстал. Моя нулевая предрасположенность к алхимии очевидна. На уроках "социального здоровья" нам давали теорию душевного равновесия. И рекомендовали следить за собой.

Сначала было немного не до того, поэтому спохватился я, когда стал стремительно проваливаться в депрессию. Так же, как раньше я чувствовал магические воздействия, потому что все время словно чувствовал себя со стороны — так и сейчас я видел, что меня гнет к земле тоска-печаль. Нет, я немного погорячился, вряд-ли это была аж целая депрессия. Так, немного приуныл просто. Хорошо непробиваемым попаданцам в Сталина — их никто не любит, они никого не любят, не скучаю по родному миру и близким людям в нем. А еще жутко раздражало, что у меня не получается эту гадскую медь из руды вытопить. Я не привык, когда у меня не получается. больше всего меня бесило, что я не понимал, что я делаю не так. Аж до скрежета зубовного бесило.

Вот тебе и стресс от учебы. А ведь только четвертая неделя учебы пошла. Сеансу самоанализа я себя подвергать не стал — побоялся узнать о себе слишком много нового. Зато я вспомнил рецепт от депрессии — прогулки и общение. Мы, люди, ведь существа социальные.

Короче, хватит оправдываться и пора сказать прямо — я понял, что пора бы мне уже и прибухнуть. Я до сих пор даже новоселье не отпраздновал. А ведь не каждый день в новое тело переезжаешь. Такое не отметить — не по-русски даже как-то.

Пить одному — не по обычаю, пить с Ильей — не хотелось. Было у меня и без него, с кем выпить. Лиза и Мила. И у них, кстати, тоже был повод отпраздновать кое-какие обновления. На днях мы поймали Распутина. Прямо в коридоре Лицея. Он ехал по своим делам на своей каталке. Увидев нас, пытался скрыться. Это была жалкая попытка. Помня, как Гриша заставил резво скакать деревянного коника-качалку, в погоне за Писей, я думал, что он сейчас на кресле с деревянными колесами просто умчит вдаль. С пробуксовкой. Но нет, двигался он не быстрее быстро шагающего человека. Так что мы его нагнали. И, без лишних разговоров, всучили трофеи взятые мной с полудушника. Григорий выглядел как сумасшедший под успокаивающими — глаза запавшие, блестят, борода всклокочена. А когда еще с шарфиком шептаться начал, так вообще захотелось в психдиспансер позвонить.

Затягивать Распутина не стал. Шепнул пару слов каждому из предметов и обратно протянул. Сказал:

— Ближе к телу держите, через день-другой сродство появится. И пользоваться сможете.

— А что они могут? Что мы сможем с ними делать? — заинтересованно спросила Мила, забирая рукоять.

— Что-то, да получится, — мудро пожал плечами старец Григорий.

— Точно получится? — засомневался я. Слишком уж он быстро все сделал. Как будто отвязаться хочет. Не посмотрел толком. Не проверил. Я обеспокоенно уточнил:

— А не опасно?

— Точно нет. Точно не опасно. Но, что получится, точно не скажу, — слабым голосом ответил Григорий. Похоже, эта волшба его притомила. Или разговор с нами. Или он в принципе последнее время утомленный, никак от своего приключения а тронной зале Вятко не отойдет. Мила и Лиза поблагодарили волшебника и отпустили, хотя я бы его еще потерзал. Учитывая то, что Мила и Лиза и так все время таскали эти штуки с собой, то уже вечером у них действительно “что-то “ получилось.

Я еще в начале недели через Илью выяснил каналы контрабанды, подкупил кого надо и достал медовухи. Медовуха класная штука. Алкоголя как у вина, но очень сладкое. Привкус кумыса есть, но к нему быстро привыкаешь. И даже находишь в этом свое очарование. Пьется медовуха, как лимонад. А пьянит, как водка с колой.

На закуску я разжился вкусной сдобой. Поскольку это была контрабанда, в мою комнату её не пронесли, оставили в тайнике рядом с Музеумом.

И вот, сейчас, когда вечер томен и приятен, за стенами идет мокрый снег, тепло, свечи дрожат, я сижу в Музеуме, слегка пьяненький. Не только от медовухи, но и от приятного общения. Стоило Милене и Лизавете выпить, с них как будто невидимые цепи сняли. Они стали смеяться. рассказывали забавные истории из своей жизни. Ничего серьезного "А потом оказалась, что она пьяная была". Но я жадно впитывал эти бытовые зарисовки.

— А почему ты нас сюда привел? А ну как поймают? — вдруг заволновалась Лизавета.

— Нас тут никто и искать никто не будет. Хочешь что-то спрятать, прясь на виду. Хочешь сбежать, беги туда, откуда бегут, хочешь мира, готовься к войне, — банальности в моем мире, не всегда были банальностями в этом. И даже наоборот — раз банально, значит часто повторяют. А раз часто повторяют, значит что-то в этом есть.

— Надо идти туда, куда нельзя идти, — хохотала Лиза, пытаясь повторить, но переиначивая мои слова. Она и так огненно-рыжая, а сейчас еще и раскраснелась от медовухи и хохота. Хотите узнать, нравитесь ли вы человеку — расскажите ему не смешную шутку, или даже просто улыбнитесь. Если вы ему не безразличны, он обязательно тоже улыбнется в ответ. Я осторожно поправил выбившую рыжую прядь, на секунду задержавшись пальцами на лице Лизы. Она не отстранилась. Я сказал:

— Но ведь логично же. Раз нам в Музее быть нельзя, значит нас тут и нету. Лучшее место, чтобы спрятаться. У тебя кстати не откатилось, умение?

— Откатилось? — не поняла она слова. Я объяснил. Её шарфик давал ей возможность телепортироваться. По крайней мере, так это выглядело со стороны. Сама Лизавета описывала свои ощущения “будто сквозь твердь плыву”. Она не мгновенно исчезала и появлялась, а через некоторое время. И расстояние этой “телепортации” было ограничено. На самом деле, это что-то вроде теневого шага в играх. Меня напрягало, что срабатывало это перемещение, хорошо если раз в час. Но все это мелочи — Лизавета была абсолютно счастлива. Ну да, коварный артефакт. Очень в её духе.

— А моя работает! — радовалась Милена. Она снова вызвала свой меч. Вернее, шпагу. Мне кажется, что клинок который я видел у полудушника отличался формой. И гардой. То, что сплеталось вокруг руки Милены было ярко золотистого цвета. И слегка светилось. Выглядел этот призрачный меч изысканно — с узорчатой гардой, полностью обнимающей её кулак, с узким длинным лезвием, строгим и прямым, на вид хищным и лёгким.

Милена уже истыкала и наставила зарубок на ящике, в котором так и лежал китайский пугач. Мы решили сесть рядом с ним. Во первых, очень кстати пришлась ткань — пол был довольно холодный. А так мы стянули с ящика мешковину, и соорудили прямо рядом удобное гнездышко — кусок был большой и толстый. А как только Милена слегка выпила, ей немедленно захотелось испытать золотистое и невесомое лезвие, появляющееся в её руке, как по волшебству. Хотя, почему это “как”? По волшебству. Клинок формировался не мгновенно, но быстро Вытряхнуть рукоять из рукава и активировать меч — на все уходило примерно секунда. Я успевал сказать “Миссисипи раз” — и Милена уже вооружена. Девчёнки хохотали до слез над словом “Миссисипи”. И, кажется, они так и не поверили мне, что это название реки, а не местечковое ругательство. Вот и сейчас, вызвав меч, Милена крикнула “миськиписси”, сделала стремительный выпад, с глухим стуком вогнав свою золотистый клинок на пару пальцев в дерево. Ящик дернулся, и над ним появился паук. Она быстрая, я бы не хотел с ней в рубке сойтись, если оба без доспехов будем. Но а в доспехах её шампур не так опасен. Мне хватило ума не говорить ей это в слух. Неожиданно дала о себе знать медовуха — ноги мушкетёрыши запутались, когда она попыталась выдернуть свою шпагу, но ящик держал крепко. не иначе, решил отомстить. Милена взвизгнула, дернулась, потеряла равновесие и плюхнулась попкой на пол.

Мы все расхохотались. Но пора было заканчивать. Нельзя размахивать потенциально опасными предметами, на пьяную голову. Я позвал Милену, похлопав по мешковине рядом с собой.

— Мила! Белая краса ты моя! Да прячь ты свою выкидуху! Садись к нам. Давайте еще по глотку! Только кувшинчик не разбейте!

— Выкидуха! — снова расхохоталась Милена. Но послушалась. Деактивировала свою джедайскую шпагу и села к нам.

— Ты забавно так говоришь, — мурлыкнула Лизавета. Подсела ко мне поближе, кутаясь

в шарфик.

— Холодно? — распереживался я. Подтянул рыженькую поближе и накрыл полрой кафтана. Она начала деловито вошкаться, устроиваясь поуютнее.

— А я? — подлезла с другого бока Милена. И тут же спросила:

— А откуда ты слов столько, таких диковинных, знаешь?

Посмотрел сначала на одну, потом на другую. Милена приложила к горлышку. Вытерла губки и поймала мой взгляд. Глаза девушек в свете тусклой лампы блестели неожиданно ярко. В них плескался алкоголь и что-то еще.

— Я не только слова диковинные знаю, — улыбнулся я. — А вот вы знаете, что такое поцелуй по-французски?

— Поцелуй знаю, — что-то совсем уж пьяно хихикнула Милена и облизнула губы. — А по-французски, это как?

— Хм... Так сразу и не объяснишь, — нахмурился я. — Показывать надо.

— Ах ты и жук! Показывать, да? — очень правдоподобно возмутилась Лизавета. Но попыток выпутаться из под моего бока не сделала.

— Ну покажи, — сказала Милена неожиданно хриплым, низким голосом. И заглянула мне в глаза.

Пришлось показывать. У меня выбора не было. Вы её складной ножик видели? Опасная женщина.

— А мне? — прошептала Лиза. У неё тоже голос ниже стал. Медовуха наверно холодная.

— Подождите, девушки. А может, пока мы совсем не напились, проясним наши отношения? — на всякий случай я решил расставить точки на “ё”. Я уже говорил, что не люблю командные виды спорта? Тут есть нюанс. Я не люблю командные игры спорта, только если там есть мужчины. Женский волейбол, например, мне нравится. Но все же, тут вроде как не доросли до отношения к сексу как... Хотя... Память Мстислава мне услужливо подкидывала народные праздники, в которых я с трудом опознавал “Ивана Купала”, только тут эти дни были приурочены к местным берегиням. Я, кажется, даже слегка покраснел. Нет, Мстислава туда никто не пускал. Что не мешало ему подглядывать. И Псковщина ещё считалась землей со строгими нравами. Впрочем, если отвлечься на секунду, обычные обряды плодородия...

Теплая ладошка Лизаветы нежно, но властно, повернула моё лицо к своему. Она впиалась в меня губами. Мда... Чему я тут их учить собрался? Самому бы не опростоволоситься, учитель херов.

Милена приобняла меня сзади. Хотя стоп, не приобняла. Потянула с меня кафтан. Блин, тут прохладно, и дует... Да о чём я вообще думаю?! Да плевать, что дует! В бане пропарюсь, если простыну и все.

Наверное, это выглядело со стороны очень красиво. И немного мистично. Три тела, нежные движения, тихие женские вздохи в тусклом свете масляной лампы. В окружении теней, за которыми угадываются странные и загадочные артефакты...

Я запомню это навсегда. И эти беленькие зубки, когда Лиза покусывают свои губки в нетерпении. И эти нежные вздохи Милены, когда она прижимается к моей спине. А ведь это мы еще только до рубашек добрались.

Вдруг Лиза застыла. Напряглась. Повела головой, как зверек. Прислушиваясь.

— Дверь открывают, — раздраженно сказала она. — На главном входе. Опять. Как в тот

раз.

— Даааа ёкарный бабай! — я с досады даже ладошкой по полу шлепнул. Получилось неожиданно громко.

— Тише! — прижала мою руку к своей груди Милена. сердечко у неё билось часто-часто. — Спрячемся и переждем. Как в тот раз. А потом... А потом посмотрим, что дальше делать.

Мы засуетились, прибирая следы своего присутствия. Я накинул кафтан, подобрал еду и медовуху. Мы затушили лампу, залезли в памятный мне ящик, накрывшись тяжелой тканью. С одного угла я предусмотрительно оставил щель. Для подглядывания.

В этот раз времени у нас было много — кто бы там не испортил мне вечер, делал он это не торопясь. Со скрежетом и грохотом, от главного входа, в глубь Музеума тащили что-то очень тяжёлое.

Тяжелые времена рожают сильных людей.

Сильные люди создают хорошие времена.

Хорошие времена рожают слабых людей.

Слабые люди создают тяжелые времена.

Ибн Хальдун.

Казалось бы, уже давно позади период жизни, когда я срывал плоды любви в случайных укрытиях, рискуя быть обнаруженным случайными прохожими. Я слишком стар, чтобы стыдиться того, что я с красивой девушкой (тем более с двумя) и я бы даже не стал прятаться, будь я дома. Но увы, в этом мире были свои правила. Среди которых было про то, что школярам в Музеуме находиться было запрещено. Но если честно, я особо не боялся. Ну что мне сделают, даже если поймают с поличным? Пошлют брюкву чистить? Не в первый раз.

Вдалеке послышался голос Канцлера.

Во мне поднялось глухое раздражение. Закипело, черное и злое, как битум. Да какого хера он постоянно сюда вместе со мной ходит? Ему заняться больше нечем?

Холодная догадка заставила затуманенный злостью и алкоголем мозг на секунду замереть — а может, господин Махаэль врет мне прямо в лицо и у него есть способы наблюдения за Музеумом? И именно поэтому он тут все время так удачно оказывается?

Грохот все приближался. Сквозь грубую ткань, благодаря яркости магических дронов канцлера, можно было рассмотреть происходящее. Я отложил свои подозрения на потом.

Та самая конструкция, которую мы видели в кабинете Распутина, похожая на алтарь богам хаоса но сделанная эскимосами, сейчас была водружена на небольшую повозку, которую толкали несколько стражников. Их белые мундиры были безнадежно перепачканы, как будто они по самым пыльным подземельям её тащили. Позади них шли Канцлер и Григорий. Вернее, Гриша ехал, а Канцлер толкал его кресло на колесиках.

— Я не хочу на вас давить, старец Григорий, — вещал Канцлер негромко, видимо стараясь чтобы его не слышали стражники. — Но я бы советовал вам самым серьезным образом пересмотреть свое отношение к Арвадалтаскому кинжалу. Я не стану пытаться призывать вас к осторожности. Будь в вас хоть толика осторожности и благоразумия, вы бы не полезли в чертоги Блудограда и не загубили мне лучшую половину охраны Лицея...

— Я же все предусмотрел, просто там досадная...

— Невозможно предусмотреть всё! — неожиданно рявкнул Канцлер. Вот это у него командный голос, я аж позавидовал. По всему Музеуму эхо гулять пошло. Уже спокойнее, громко но ровным тоном Канцлер сказал стражникам. — Хорошо, оставьте тачку тут. Дальше мы сами.

Стражники, остановились возле повозки, поправляя сабли.

— Не стойте. Идите на выход. И ждите. С той стороны двери, — отрывисто командовал Канцлер. Стражники рванулись на выход, сначала шагом, а потом и переходя на бег. Внезапно Лиза тоже дернулась к выходу. Мы с Милой её схватили и удержали. Силы в Лизе больше чем кажется — только что мы сидели спокойно, но один её рывок и мы уже похожи на бутерброд. Лиза, Мила, я.

Несмотря ни на что, всю эту возню мы провернули довольно тихо. И хорошо еще, что пугач-камень китайский разрядился, только полупрозрачного морока паука еще нам не хватало.

— Знаете, старец Григорий, назначая вас деканом я рассчитывал на ваш пытливый ум и то, что вы привьете свою способность находить выход из сложных ситуаций своим ученикам, — тем временем резко выговаривал Канцлер Распутину. — Я ведь вежливо попросил вас только о нескольких важных для меня вещах. Беречь учеников, заботиться о Лицее, следить за своей и его репутацией...

— Но ведь ничего с пятым курсом не случилось. Посидели пару дней в Храме Любви. Да они и рады...

— Ты убил полсотни людей, тупой ты валенок! Лучших! Захлопни пасть и слушай! — сорвался Канцлер. Оттолкнул от себя каталку с Григорием. И начал ходить вокруг, громко топая каблуками, сжимая и разжимая кулаки. Так продолжалось не меньше минуты. Мне стало скучно. Девочкам подо мной тяжело — они завошкались, устраиваясь поудобнее. Я осторожно постарался сползти, чтобы не давить на них всем весом. Отчасти мне это удалось. Но параллельно я, кажется, изобрел новую позу для камасутры.

— Простите за грубость, — неожиданно сказал Канцлер. — Вы понесете наказание, как только поправитесь.

— Хорошо, — слабо кивнул Распутин. Видно было, что ему прямо реально тяжело.

— Вы чуть не загнали себя в гроб этим кинжалом. Мне всерьез кажется, что вы бы восстановились куда быстрее, без него. Возможно, он выпил силы даже вашего, бессмертного тела. Не случайно его используют в исключительных случаях. Но это меньшая из ваших ошибок, поскольку пострадали только вы. Куда печальнее то, как вы нашли Кащея. Вы хоть понимаете о чем я?

— Вы про Буреслава? Я не тревожил его дух. Просто мой друг, лапландский шаман, вызнал где его останки и создал устройство, с помощью которого я открыл портал к его телу. Никакой тошной некромантии! — с трудом, но горячо запротестовал Григорий.

— Нет, это как раз пример вашего живого ума. Вы смогли вычислить, что Буреслав под конец жизни связался с Кащеем. Основываясь только на слухах и разрозненных упоминаниях в книгах. Но то, как вы нашли самого Кощея, уже в портале. Вы ведь использовали “поисковичок” старца Велимудра, не так ли?

— Да, — нехотя признал Григорий.

— И вы потеряли артефакт во время вашего провала? — жестко спросил Канцлер.

— Болван наступил... — снова кивнул Распутин.

— Вам повезло, что старец Велимудр все ещё не обнаружил пропажу. Вы уже придумали, что вы скажете, когда он обнаружит пропажу? Он ведь сразу поймет, кто тут вор. — Канцлер будто хлестал словами.

— Нет, не придумал, — тихо ответил Гриша. Лицо грустное.

— Кстати, — канцлер задумчиво почесал левую бакенбарду. — Как вы заставили его поисковик работать? Насколько я знаю, все части Кащеева тела, отделенные от Кащея, тут же обращались в прах.

— Написал на бумажке имя “Кащей”. И положил на ласточку, — ответил Григорий.

— Это сокол! — прошептала подо мной Милена. — Храбр, мне тяжело. Слезь с меня.

— И сработало? — искренне удивился Канцлер — И вправду, прекрасный был артефакт. Последний вопрос, скажите, на что вы рассчитывали, связываясь с Вечным

Князем?

— Я не рассчитывал связываться ни с кем, — ударил кулаком по подлокотнику кресла Григорий. Удар вышел слабый и неубедительный. — С помощью теневого зелья Велимудра я хотел попасть в узилище Кащея. Там я хотел найти что-то, с помощью чего он может ходить по зеркалам. Раньше он же не мог? А потом вдруг смог. Почему? Надо было понять и лишиться его этой возможности. А потом я бы просто вернулся и все.

— И даже болваны и то, что вы в Блудограде, вас не остановило? — язвительно спросил Канцлер.

— Я не понял, что это Блудоград. Откуда мне было знать? А големы нас не замечали. Я начал что-то подозревать, когда увидел престолы. Велел остановиться. Да вот только зелье Велимудра кончилось в самый неподходящий момент, — оправдывался Григорий.

— Видимо, что-то в Тронном зале Вечного Князя мешает чужой магии, — задумчиво кивнул Канцлер. — Что ни секунды не уменьшает вашу вину. Вы допустили смерть людей, подвергли опасности нас, себя. Отправили пятый курс в Храм Любви, подумать только! А ведь там две замужних сударыни!

— Да они больше всех и рады были, — буркнул Гриша, но Канцлер его не слушал, снова начав расхаживать перед ним вперед-назад.

— Увы, я ошибся в вас, старец Григорий. Вы не доросли до декана. Вы не готовы нести ответственность даже за себя, не то что быть деканом факультета.

— Декана выбирают сами студенты! — зло сощурился Григорий.

— Не думаете же вы, что они выберут вас, если у них действительно будет выбор?

— И из кого им выбирать? Думаете они захотят видеть деканом Велимудра? Ха-ха-ха! — вскинулся Распутин, попытался изобразить надменный смех, но закашлялся.

— Велимудра? Конечно же нет. Он слишком сосредоточен на своих изысканиях. И ему лестно внимание, но он достаточно мудр, чтобы понимать и ответственность которую несет с собой власть. Ах, так вот чем вызвана ваша затаенная к нему неприязнь, вы боитесь, что он станет деканом? Это подтверждает вашу неуверенность в себе, старец Григорий, и укрепляет меня во мнении, что вы не готовы к такому посту. Нет, я присмотрел более опытного человека. Вам известно имя “Ибн Хальдун”?

— Это великий чародей, чьим именем стали называть всех кудесников. Хальдун, превратилось в “колдун”. Он был еще и демонолог. И сгинул тысячу лет назад. При чем тут он?! — нервно спросил Григорий.

— Рад вашим широким познаниям, но увы, вы знакомы с ним поверхностно. Этот человек побывал визирем при двух великих правителях древности, еще при трех он был хаджибом, а...

— И всех их он предал, — хмыкнул Григорий.

— И не только их, — легко согласился Канцлер. — Но он поплатился за это. И у него было много времени поразмыслить. Я думаю, что такой человек как Ибн Хульдун, станет достойным деканом факультета естественных наук. Ему ведь действительно есть чем поделиться. Его знания весьма обширны, и он выстраивает связи, системы, его теория колдовства...

— Он ведь мертв? — осторожно уточнил Распутин.

— Не вполне. Давайте я вам покажу, — Канцлер подвез тележку и Григория в ней к одной из стен. Пробормотал что-то. И отворилась одна из ниш. С моей стороны толком ничего не было видно. И, как будто специально для меня, Канцлер нырнул в проход и

вернулся обратно, неся на руках зловещего вида том.

— Мукаддима! — аж приподнялся на своем кресле Распутин и потянул руки. Канцлер остановился на почтительном расстоянии.

— Да, это она. Третий том. Писанный Ибн Хальдуном собственноручно и обернутый в его кожу. В нем часть духа Великого Ибн Хальдуна. Этим мы и воспользуемся.

Канцлер вдруг заунывно, на восточный манер, произнес несколько фраз. Вернее, даже, проорал. Мне это сильно напомнило призыв к молитве, который “поет” муэдзин с минарета мечети. Но у Канцлера в эти несколько строчек души больше вложено было.

Мы все притихли. Даже Канцлер с Григорием замерли. Распутин подозрительно повел длинным носом. Мне показалось, что кораблики-светильники над канцлером притушили свет. Как будто их дымом затянуло... Хотя нет, не как будто. Синий, выющийся дым появился из неоткуда, длинные ленты опутали пространство вокруг Канцлера, как будто сто сорок невидимых сигарет разом начали летать вокруг него. Ленты дыма переплетались, закручивались, вспыхивали пухлыми облачками а потом как-то разом, внезапно, уплотнились и превратились в трехметровую, человеческую фигуру.

— Добрый день! — гулким жизнерадостным голосом произнес сотканый из дыма гигант. И уже даже по этим двум словам было понятно, что русский язык ему не родной. Чуть иначе произносил буквы, чуть по другому ставил ударения. Акцент был немного похож на кавказский, но родину говорившего, совершенно точно, надо было искать дальше на восток.

— И вам здравия, Ибн Хальдун. Надеюсь, я не оторвал вас от важных дел? — вежливо осведомился Канцлер.

— Надеюсь, вы позвали меня, чтобы ми тут все занялись важными делами? — весело ответил Ибн Хальдун.

— Я помню о нашем договоре. Я нашел способ проникнуть в Бискру, — твердо сказал Канцлер. Он подошел к сооружению из рогов и костей. — Этот артефакт способен открывать пути практически к любому месту, где есть останки человека. Достаточно знать имя этого человека, найти его дух...

— Ой, ошень интересно! — взмахнул руками Ибн Хальдун и стремительно кинулся к шкуровке. Завертелся ужиком вокруг неё, одновременно стремительно уменьшаясь в размере и уплотняясь. Стало понятно, что он одет в огромный тюрбан и яркий кафтан в золотую и красную полосу. И весь буквально усыпан драгоценностями. Которые еще и светились. Настоящая новогодняя елка. Сходство усиливало и отсутствие ног — вместо ног у Ибн Хальдуна был тонкий хвостик, как у привидения из детских мультиков.

— Как только вы выясните... — начал было Канцлер.

— Ужье, ужье! Как раз, ми недавно бохоронили уважаемого друга... Хотя, вам его имя ничего не скажет, но шьеловек был очень хороший, и он мне должен услугу, — Ибн Хальдун уже сгустился настолько, что казался почти материальным. Он на секунду прислушался к чему-то. — Да, спасибо дарагой! Все, можно забускать!

Прямо перед явно удивленным Канцлером и совершенно потрясенным Распутиным, который даже дернулся в сторону, распахнулся портал. И это было не та невнятная клякса, какую я помнил по кабинету Григория, а могучее обзорное окно, высотой метра три и окружающее стоявших перед ним людей полукругом. Как на мостике корабля.

Нам с девушками повезло — с нашего ракурса тоже открывался неплохой вид. Мы прильнули к нашей смотровой щели, Лиза даже рискнула ещё немного её раскрыть.

— Босмотрите большое спасибо! — торжественно прорекламовал Ибн Хальдун. —
Город джинов Великая Бискра!

Глава, в которой главный герой обнаруживает, что дедушка на ящике может оказаться хуже, чем бабушка на лавочке.

Что ожидаешь увидеть в городе джинов? Джинов! И их то я и не увидел. Но всё равно я впервые не то, чтобы понял, но прочувствовал, насколько заметно отличается этот мир от моего. Архитектура Бискры напоминала арабскую. Очень похоже строятся кварталы “старого города” в восточных городах. Безликие желтые стены домов, с крохотными окошками под потолком и вычурными, резными дверями. Дома внешне отличались только размерами. Жилые кварталы соседствовали с высокими башнями окруженными стенами — явно резиденциями солидных людей. Эти башни, круглые в сечении, тянулись вверх на десятки метров, ярко блестя под лучами солнца белой плиткой с синими узорами.

Пыльные улочки заполнены народом. Весь город покрыт разноцветными пятнами рынков — множество лавочек и торговых палаток, как будто мох на пне завоевывала город и ползла по улицам, занимая любое свободное место на площадях и даже взбирающаяся вверх по скалам, на которых и был построен город.

И эти скалы парили в воздухе.

Я испытал странное, щекочущее чувство. Мозг подстраивался под увиденное, корректировал перспективу. Соединенные цепями и мостиками между собой, город состоял из десятков парящих кусков камня. От скал размером в пару кварталов, до сравнительно крохотных кусочков, на которых умещались только пара башен и несколько домов.

— Башня владыки Шяззуасфи, столь жестоко бленившего меня, вон там, — Ибн Хальдун указал рукой на здоровенную скалу, явно давящую над остальным городом. Дома там были заметно крупнее а башни заметно выше, чем на остальных парящих в воздухе кусках города. — Давайте не будем затягивать, я знаю способ проникнуть в неё...

— Нет! — резко сказал Канцлер. Он сложил руки на груди и задумчиво рассматривал открывшийся вид. Потом повернулся к Ибн Хальдуну и, уже мягче, добавил. — Сейчас мы не готовы к бою. Я призвал вас, уважаемый, для того чтобы сказать что мы не забыли о вас. И уже скоро будем готовы. Кстати, знакомьтесь, это старец Григорий. Именно ему я поручу ваше спасение. Он любит рисковать и не боится столкнуться с самыми страшными существами...

— Спасибо на добром слове... — хмыкнул Распутин.

— Но сейчас он, как видите, не в лучшей форме. Последний его поход был не вполне благополучен, — пояснил Канцлер. — Как только он поправится, нам следует собраться и как следует все обсудить.

Ибн Хальдун подлетел к поближе к Григорию и склонился в небольшом, но вежливом поклоне. Древний маг все продолжал сгущаться и сейчас он стал уже практически не отличим от нормального человека. Так, слегка только просвечивал.

— Магическое истощение? Ай-ай-ай, кто-то берестарался с лечьбными зельями! Ешьте больше мяса! И бейте больше бива!

— Спасибо за совет, — кивнул Распутин, хитро глянув на Канцлера. — От вас советы особенно ценны, буду стараться им следовать. Я очень наслышан о вас, уважаемый... Как

мне вас лучше называть, ведь боюсь ваше имя за сотни лет извратили...

А Григорий молодец. Действительно, даже человека легко обидеть, исковеркав его имя. Что уж говорить об этом... существе.

— Меня зовут Абу Зейд Абдуррахман ибн Мухаммад аль-Хадрами, — ответил крохотный улыбчивый старичок. Он так и продолжал уплотняться. Сейчас он был высотой примерно в метр. И был очень четкий. Но не дерзкий.

Все что на нем было одето, имело очень яркие цвета — золото и красный бархат его одежды как будто были процентов на двадцать выше контрастностью, чем все остальное вокруг него. А многочисленные украшения, играющие внутри загадочными огнями, бросали отблеск на лица Канцлера и декана как цветомузыка на домашней вечеринке. Вот только кожа по прежнему отдавала синевой. Как будто его показывали на мониторе с испорченным модулем автоподстройке, где контрастность выкручена на максимум, а баланс цвета смещен в синий спектр.

— Это ведь некрополь, эм... Абу Зейд Абдуррахман? Вы открыли путь на некрополь? — вдруг строго спросил Канцлер.

— Как ты сказал, мой дорогой друг, так я и сделал, — по прежнему улыбаясь, но твердо ответил Ибн Хальдун. Я про себя решил называть его так. Это намного короче.

— Что в городах джиннов защищеннее, чем серали их владык? — поднял в ответ брови Канцлер. — Только их некрополи! Выйдя тут мы поднимем на ноги всю Бискру! Закройте портал!

Портал в дивный сказочный город закрылся.

— Ай, не подумал, — всплеснул руками ибн Хальдун, впрочем на его лице не промелькнуло и тени раскаяния.

— А следовало бы, — Канцлер нахмурился. — В любом случае, нам надо будет сначала как следует обсудить план вашего спасения. Вас не хватятся?

— Только если владыка захочет видеть своих рабов и убедиться в их покорности. Надо будет просто постоять пару недель перед его окнами на коленях. Это нудно, но не сложно, — весело ответил Ибн Хальдун. — А в остальное время я всегда к вашим услугам!

— Постарайтесь найти место, в котором мы можем появиться. Оно должно быть поближе к башне Шиза... шя...

— Шаззуасфи, — мягко подсказал Ибн Зальдун. Но это я должен называть его по имени, иначе я могу пострадать. А вы можете называть его... иначе.

— К башне нашего противника, — благодарно кивнул Канцлер. Мне кажется, что Ибн Хальдун намекал на более личные эпитеты, но господин Махаэль склонен держать лицо в любой ситуации и не опускаться до ругани. У него не всегда получается. Вот Гриша его сегодня смог довести.

— Так где же заточили ваш дух? — продолжал беседу Канцлер. Разговаривая он между делом спрятал книгу, с помощью которой призвал Ибн Хальдуна. Открыл новый путь и закатил туда лапландский портал Распутина.

— Хм... Трудно вот так, сразу, сказать... Из моих рук сделали боевые босохи и бродали в далекие царства. Иногда я чувствую, как обрушиваю на кого-то грома и потоки горячей серы! Хорошее чувство! Удивительно, но при жизни я так не умел. А из моей головы сделали очень красивую плитку в тронном зале владыки Шаззуасфи, — это было сказано Ибн Хальдуном даже с некоторым оттенком гордости. — Я вишу на колонне, недалеко от алмазного трона владыки. Если брисмотреться, то даже видно моё лицо. Теперь, я могу

давать ему советы. И с этим мне бовезло больше всего — за боследние сорок лет в тронный зал никто не входил. А моих советов владыка Шаззуасфи не сбрашивал уже... Еще дольше. Бравильнее всего было бы забрать именно эту мою часть, которая в тронном зале. Хотя, я бы хотел, чтобы вы брежде всего сбасли другую мою часть. Она сейчас находится в серале владыки...

— Она сильно важна? — устало спросил Канцлер. Он как раз закрывал все пути.

— Безмерно, — всплеснул руками Ибн Хальдун. — Это очень важная часть меня. Из неё сделали лампу! Бредставьте, как мне больно, когда её зажигают?

— Обсудим это позже. Как только старец Григорий встанет на ноги, — твердо сказал Канцлер.

— Да я уже все бридумал. Вот, только что! Зайти и выйти, дел на бять минут! — засуетился крохотный волшебник, подлетев к Канцлеру поближе.

— Нет! На сегодня наш разговор окончен, — отчеканил каждое слово Канцлер. — Просто знайте, что скоро мы за вами придем. Думайте, готовьтесь. И терпения вам, до следующей нашей встречи.

— Слушаюсь и бовинуюсь, — резко сбавил напор Ибн Хальдун и отлетел подальше от канцлера. Коротко поклонился и растаял в воздухе.

Канцлер повез Григория на выход, по дороге тихо обсуждая налет на город джиннов.

— На вид вполне разумный волшебник. Мне случилось видеть людей с куда меньшими силами и очень неприятных в общении. А уж после тысячи лет рабства у джиннов... Я точно бы с ума сошел, — рассуждал Григорий.

— Я показал вам сударя Ибн Хальдуна не просто так. Я верю в вашу инициативность и находчивость. Сосредоточьтесь Григорий. Если кто и может придумать, как стянуть живую колонну из тронного зала владыки джинов, то только вы.

— Я буду думать, — серьезно ответил Григорий. — Но потом. Вы же слышали, мне посоветовали пить больше пива и есть мясо. Я считаю, что мне пора всерьез заняться своим здоровьем и этой рекомендации я намерен последовать немедленно.

А мы, трое в ящики, с трудом дотерпев, когда наконец голоса затихнут вдали и дверь за ними закроется, буквально вывалились из ящика. Там стало уже невыносимо душно.

— Все, больше никаких Музеумов! — взвизгнула Лиза. А Мила просто взвизгнула громко и испуганно. Проследив за её взглядом, я обнаружил сидящего на нашем ящике Ибн Хальдуна.

— Добрый день, друзья мои! — обезоруживающе улыбнулся он. Он стал еще меньше и еще ярче, сейчас в нем было сантиметров семьдесят, от истекающего дымом хвоста внизу, до верхушки непропорционально огромного тюрбана. Глазки его весело поблескивали из полуприкрытых век. — А почему вы тут прячетесь?

"Для долгого и счастливого правления просто достаточно дать подданным понять, что нет в жизни лучшей доли, чем служение Нам. Мы пока не изыскали аргументов лучше, чем угроза жизни, здоровью и ясное понимание отсутствия иного способа избежать жестокой кары, кроме как ревностное выполнение их должностных обязанностей." Владыка Шаззуасфи, *Высказывания и жизнь как воплощенная мудрость, том семьдесят шестой.*

Я подошел поближе к Ибн Хальдуну, одновременно прикрывая собой девушек. Мало ли, что можно ждать от всяких мелких старикашек, слишком разговорчивых для своего разобранного состояния. Попырился на него угрюмо и сказал:

— Что мы тут делаем, вас не касается, уважаемый, — я выдержал паузу, внимательно смотря на волшебника. И хотел уже отвернуться к девушкам, сказать им “собираемся, мы уходим”, но не успел. Видимо мою паузу сидящее на ящике существо расценило по своему. Как вежливое приглашение к знакомству.

— Меня зовут Абу Зейд Абдуррахман ибн Мухаммад аль-Хадрами, — он взлетел и слегка поклонился.

— А меня Храбр, — я вежливо поклонился в ответ. С меня не убудет. Блин, у меня же мордочка как у солиста корейской попгруппы. Надо менять привычки, я так не то, что никого не запугаю, а еще и поклонников соберу. Вот же имечко у него, скороговорка блин. Я, не удержавшись, спросил у колдуна. — А можно вас как-то покороче звать? Абу, например?

Мне запоздало вспомнилось, что так звали обезьянку из древнего мультика моего мира. Было бы забавно так звать древнего волшебника.

— Абу? — удивленно переспросил Ибн Хальдун. — Абу на арабском значит “отец”. Мое имя означает, что я отец Зейда, Абдуррахман, потомок Мухаммада из Хадрама. Хадрам это очень далеко отсюда...

— Значит Абдуррахман нормально будет, — утвердительно кивнул я.

— Пусть будет так, уважаемый Храбр. Но ты же понимаешь, что я просто обязан рассказать о вас, — он обвел ручкой меня и девушек. — Своему доброму другу, господину Махаэлю?

— А ты заметил, что он чудно говорить перестал? — шепнула мне на ухо Лиза. И действительно, акцент у Ибн Хальдуна как будто слегка сгладился. Он все еще немного невпопад тянул гласные и его “п” все еще напоминало русское “б”, но уже не так явно. Довольно примитивная уловка — говорить нарочито неправильно, чтобы люди относились к тебе со снисхождением. Но работает.

— Не надо ему ничего о нас говорить, — притворно испуганно ответил я. Не то, чтобы я сильно боялся наказания, но мне было интересно, что еще скажет Ибн Хальдун. Тот удовлетворенно кивнул, и погладил бороду, пряча улыбку. Да, а вот испуганным выглядеть мне проще, чем угрожающим. Блин, надо менять манеру поведения в связи с новыми обстоятельствами. Ибн Хальдун подлетел поближе, заглянул мне в глаза и проникновенно сказал. — Если бы я мог точно знать, что вы хороший честный человек, то я бы конечно

выполнил вашу маленькую просьбу. Но...

— И как же мне доказать, что я честный человек? — я постарался наивно поднять бровки, прямо как Милена.

— О, это просто! Честный и благородный человек никогда не откажется выполнить просьбу другого хорошего человека. Особенно если тот хороший человек маленький и старый. Помогать старикам — вот мерило благородства...

— И что же вы хотите, чтобы мы сделали? — не выдержала Милена.

— Пустяк. Мелочь. Я бы все сделал сам, но увы, меня стягивают по рукам и ногам изощренные чары... — переключился на неё Ибн Хальдун.

— Ближе к делу. У нас есть всего час, до того как нас хватятся, — одернул я его.

— Да это дело всего на пять минут. Просто зайдите в сераль и заберите оттуда мою лампу! Даже обезьяна справится!

Ибн Хальдун улетел к тому месту, где беседовал с Канцлером. И что-то забормотал себе под нос, смешно перебирая ручками, как будто умывающаяся выдра.

— Может наймете обезьяну, а мы тогда просто пойдем? — предложил я. — Или хотите, мы вам белку поймаем. Обучите...

Стена в арке открылась. Спецэффектов в виде разобранных камней не было, теперь проход был обрамлен украшениями из камня, в виде причудливых узоров. Ибн Хальдун поманил пальчиком и на пол Музеума, сама собой выехала тачка с рогато-костяным лапландским генератором некропоралов. Эффектно.

— Я знаю одно хорошее место, там есть несколько трупов. И, о чудо, я знаю их имена. Пока я с вами тут говорил, часть меня говорила с ними. И один согласился помочь мне открыть портал к его бранным останкам. Он попросил помочь ему упокоится в мире, но это сейчас не важно...

— Ты с мертвыми говоришь? — вскинулась Лизавета. Действительно. Я, конечно, не шовинист, но некромантов никто не любит.

— Он не совсем мертвый, а я не совсем живой. Это сближает. Не мешайте, я сейчас буду открывать волшебные врата, это будет сложно, я такое никогда не делал, всё готово.

И действительно, портал открылся. В этот раз обзорное окно было раза в два поменьше и наполнено абсолютной темнотой.

— Так, стоп, — сказал я. Еще мне не хватало вляпаться в мутные истории с подозрительным стариком. — Во-первых, я ни на что не соглашался. Во-вторых, сейчас тут будет стража. Канцлер поставил... — я на секунду запнулся, подбирая понятный синоним к слову “сигнализация”. — Канцлер уже знает, что тут открыт портал и сейчас, наверняка, спешит сюда.

— Не думаю, — отмахнулся Ибн Хальдун. — Я заметил его сигнальное плетение и перенаправил... В общем, не думаю, что господин Махаэль что-то заподозрит. Увы, ему не хватает практики в чарах, некоторого мастерства. И не удивительно, ведь в этом месте столько силы! Зачем думать, если можно просто надавить посильнее!

С последними словами Ибн Хальдун крутанулся волчком широко расставив руки, по которым пробежали разноцветные всполохи. Потом снова повернулся ко мне и сказал:

— А что насчет первого... То я напомню тебе юнец, с кем ты разговариваешь! — он стал увеличиваться в размерах. Впечатление несколько смазывало то, что он при этом становился менее плотным и ярким, а к тому времени как достиг головой потолка и вовсе стал прозрачным как воздух в кальянной. Но все равно, этот фокус впечатлял. При этом Ибн

Хальдун говорил, все более густым басом:

— Я проник в тайны миров и существ, я прозрел законы рождения и падения династий, я тот кто возводит на престолы и ниспровергает с них, мудрость моя безмерна, могущество моё безгранично...

— А сможешь дворец за ночь построить? — крикнул я ему снизу. — Извини, что перебил.

Некоторое время огромное дымное лицо удивленно смотрело на меня. А потом Ибн Хальдун стал стремительно уменьшаться, одновременно задумчиво поглаживая бороду. И сказал, снова подпуская в голос акцент: — Слушай, дарагой, бодожди. Как дворец? Куда дворец? Какой дворец? Ничьего себе, ты задачки ставишь!

Ну вот! Так я и знал, всё сказки врут.

— Значит не можешь? — подытожил я.

— Смотря какой. Такой, деревянный, маленький, — Ибн Хальдун показал ладонью на уровне груди. Учитывая, что он был все еще раза в три выше меня, то дворец выходил двухэтажный. Или меньше. Волшебник продолжал уменьшаться, не убирая ладони. — Если вот такой, да, могу. Но не за одну ночь. Может, неделю дашь?

— Что с лампой делать потом? — спросил я, уяснив в общих чертах границы “всемогущества” странного существа.

— Выкинь на дно морское! Хотя, нет, не надо. Спрячь далеко, чтобы никто не касался! Но только там где тепло. И сухо, — зачастил Ибн Хальдун. — Ты сначала достань, да! А я потом придумаю, да?

— А наперед что заплатишь? — выступила из-за моего плеча Милена.

— Ай, красавица, ай умница, и куда ты лезешь, когда мужчины разговаривают? — всплеснул ручками колдун. Он был уже примерно одного с нами размера и продолжал уменьшаться. — Давайте уже отправляться, я между мирами дверку всю ночь тоже не могу держать!

— Это Милена. Она у нас торгуется, — представил я беленькую. — Ты бы, уважаемый Абдурахман, с ней повежливее, а то ведь в цене не сойдемся.

— Ах, красавица, я просто ослеп, ты какая умная! — Ибн Хальдун потянулся к девушке руками, заулыбался. Но не поклонился. — Милена. Сладкое имя для такой сладкой джинни как вы, моя госпожа. Будь я помоложе, семь верблюдов бы з вас отдал. Что вы хотите, только скажите! Хотите золота?

Абдурахман метнулся в портал, осветив его на короткую секунду светом своих новогодних огней и исчез. Я успел рассмотреть неровные каменные стены из крупных блоков и кучу костей на полу.

— Что думаете? — спросил я девушек. Лично я пребывал в сомнениях. С одной стороны, я бы бросился помогать не раздумывая, будь это обычный человек. Но это существо выглядело кем угодно, только не беспомощной жертвой.

— Не нравится он мне, — веско сказала Лизавета.

— Надо послушать внимательно, что он предлагает, а потом уже решим, — предложила Милена и в самом деле разумную вещь.

В портале снова появился Ибн Хальдун. А вместе с ним появились и тут же упали на пол глухо звякнувший мешочек, сверток ткани изумительного яркого зеленого цвета и меч странного вида в очень широких ножнах.

— Вот, ликуйте, вы богаты. Это золото! А вот отрезки драгоценного паучьего шелка, —

и он метнулся к лицу Лизаветы. — Эта изысканная ткань очень пойдет к цвету твоих волос, моя огненная госпожа!

Во мне поднялась темная волна ревности. Впрочем, возмутиться я не успел. Абдуррахман уже подлетел ко мне и указывал своей маленькой рукой на меч.

— И конечно, у меня есть и то, что не оставит равнодушным никакого мужчину. Волшебное оружие.

Ну что сказать. Не оставил он меня равнодушным. Я взял лампу и шагнул вперед, в портал. Действительно, пол покрыт слоем мусора. Воняло очень мерзко. Однажды в подвале у знакомых сдохла кошка и год там валялась. Похожий был запах. Я отшвырнул сапогом мусор в сторону, поставил лампу на пол. Потом поднял с пола меч и извлек его из ножен. За ним давно не ухаживали. И слишком тяжелый. Я привык к саблям. Сабля весит грамм 700–900, может меньше. Как бутылка водки. Конечно, стальной прут ведет себя в руке немного иначе, но в принципе саблей махать не тяжело. А эта штука, что мне приволок Ибн Хальдун, очень толстая, сильно расширяется к концу. Очень сильно, форма просто гротескная. Как ятаган в мультиках. Только заточка с внутренней стороны изгиба клинка. Весит килограмма два, не меньше. Как чугунная сковорода-гриль. Причем сковородой поудобнее орудовать будет. Может это меч палача? Или ритуальная какая приبلуда? Выглядит подозрительно вычурно — ручка даже на вид неудобная и вместо гарды узоры, заманаешься их потом вычищать...

Я оглянулся в портал, чтобы спросить, что же в этом мече такого волшебного. И удивился. Портал с этой стороны выглядел чуть иначе, чем тот, который держал Канцлер. Проход изнутри почти не просматривался, просто неправильность в пространстве. Битые пиксели вселенной.

Да, к такому конечно привыкнуть сложно. Но удивился я не порталу, а тому, к чему он был привязан. Это был труп. Что ожидаемо. Вяленый такой, сушеный как естественная мумия. Что я не ожидал, так то, что труп будет шевелиться. Я не знаю, что он там делал, пока я в потьмах меч разглядывал, но как только я повернулся, трупак потянул ко мне свои гнилые кочепатки и пасть раззявил. Не распахнул, а слегка так раззявил. Я, чисто машинально, рубанул неприятно подвижные останки по шее — несмотря на мрачный видок, меч оказался достаточно острым, чтобы легко смахнуть голову с плеч. Мне было тяжело им махнуть, а сопротивления шеи и костей я не почувствовал.

Я тут же отскочил в сторону. Безголовое тело еще немного постояло, подергивая лапками... А потом обвисло. Я разглядел, что оно было пришпилено к стене монолитной

железной конструкцией. За руки и ноги не стали приковывать, чтобы не перегрыз. Но это я потом понял. В этот, конкретный, момент я отчего-то заорал. Видимо прорвалось напряжение.

— Аааа б... — честно говоря, матершинные завороты у меня не вышли. Не до лингвистических изысков. Все же страшная хрень, оживший мертвец. До костей пробирает. Вот только сейчас понял это выражение. Мне как будто ледяные когти в хребет воткнули. Жуткое, противоестественное создание больше не шевелилось, но я орал одни и те же маты, и никак не мог остановиться. Рядом словно из воздуха появилась Милена. Выпрыгнула из портала. В руке джедайская рапира, в глазах обещание смерти. Чуть позже в помещение ввалилась Лиза. Стало тесновато. Каморка два на три метра, половину из которых занимал труп, от которого я разумеется, старался держаться подальше.

— Ты почему так орать, да?! — появился возмущённый Ибн Хальдун, змею ему в анус. Посмотрел на труп. — Ты, его что, убил?! Зачем так сразу! А вдруг заметят! Вай-вай-вай! Давайте быстрее, надо идти дело делать!

Все же дымный колдун тоже волновался, хотя по нему и не скажешь. Размером Абдуррахман сейчас примерно с мою голову и иллюминацию приглушил. Но волнение выдавало не это, а сильный акцент, в этот раз не игривый, а вплоть до того, что он путал слова, и иногда заменял их арабскими, тут же поправляясь.

— Ты куда нас завел? — заорал я на него. Ну, не прямо так. Речь у меня была короткая, а если без матов, то считай вообще промолчал. Но в общих чертах Ибн Хальдун уловил причину моего возмущения.

— Слушай, ты в башни владыки джинов, да? А чего ты хотел! Нью канешь тут будет стража, чудовища, всякая ебола! Все, пошли дело делать.

— Назад нас выпусти. Не пойдём мы никуда, — твердо сказал я.

— Жаль, что не пойдёте, но назад я вас не выпущу, — спокойно сказал Ибн Хальдун. Милена ловко ткнула его в ножку своим клинком. Древний подонок дернулся, пытаясь увернуться, но не успел. Впрочем, это ему не повредило. Как будто колечко дыма карандашом проткнули, но оно потом обратно собралось.

— Смотри лучше сюда. Пока ты орал, как дурак, я вам план нарисовал, куда вам идти надо... — из воздуха выпал увесистый свиток. Лиза с разбегу прыгнула в воздух, метя в портал. Пролетела сквозь него прямо в стену. Умудрившись оттолкнуться в воздухе от стены, сделать сальто и приземлиться рядом с нами. Я едва успел её поймать. Она опять была босиком, а ножки и ручки её теперь были больше похожи на лапки с внушительными, сантиметра по три, когтями. Достаточно твердыми, чтобы оставить царапины на камнях стены, хорошо заметные даже при тусклом свете лампы. Ибн Хальдуна она тоже вспорола по ходу полета, развеяв чуть-ли не на половину. Это его несколько не побеспокоило, даже голос не сбился:

— Лево́й ногой рисовал, сильно не суди, как смог, так сделал. Ну, давайте уже быстрее, пошли-пошли. Ай, дикий человек, сразу мечом махать! Говорю же, давай тихо, спокойно, не шумя... Нет, сразу рубяк-рубяк, рубяк-рубяк! Ты хоть понимаешь как зря его убил? Скоро заметят, что умер тот, который умереть не должен...

— Так, стоп! — поднял руку я. — Какой план?

— Вот смотри. Ну, возьми и посмотри! — ответил этот дымный гад. Я не сразу понял, куда мне смотреть надо. Абдуррахман висит, на меня смотрит. Оказывается, он ручкой вниз указывает. Хальдун уже совсем маленький стал, ростиком в два кулака. Милена первая

поняла. Наклонилась, крикнув от натуги подняла с пола свиток. Развернула. И ещё. И ещё. Вот врет он опять. Не он рисовал, кружку сбитня ставлю. На свитке была подробная карта башни. Нарисовано в изометрии, с мелкими деталями. Не план, а псевдо 3D с разрезами по этажам. И красной толстой чертой наш путь.

— Вот смотри, я сейчас снаружи проход открою, мы сразу в серале выйдем. Там нам надо вот сюда походить, вот сюда походить и вот сюда примитить.

— Портал к башке привязан? — перебил я его.

— Что, извиняюсь? А, да! — отмахнулся он. — Ты будешь смотреть, кому я показываю?

— Так, Лизавета, заверни башку в сукно зеленое, — скомандовал я. — С собой возьмем, тогда назад идти не надо будет.

— Подожди, — отмахнулась Лизавета стала внимательно разглядывая карту, подняв в одной руке лампу. — А вот это что? Вот тут, у лестницы?

— А, это просто два евнуха-гуляма, они у всех лестниц сидят. Но это так, просто по традиции. И чтобы наложниц разнимать, когда те сцепятся...

— И что, они нас не заметят?

— Канешна заметят, это ж гулямы, их специально для охраны выращивают! — всплеснул руками Ибн Хальдун. И потом оглядел нас с головы до ног. — А, я понял. Ты думаешь что вы одеты как шакалы северные. Да, это подозрительно очень. Как бы вас в приличное переодеть? — Он задумчиво погладил крохотной ручкой бородку, а потом щелкнул пальцами. — Знаю, что делать. Все, идем!

С этими словами он спикировал вниз, к мешочку с золотом. И растворился в воздухе вместе с ним. И через самую длинную минуту в моей жизни, часть стены отъехала в сторону. Мы выбрались в тесный узкий коридор. Я вышел первым. Справа в стене был рычаг, на котором висел мешочек. Я взял его, и рычаг начал подниматься, а дверь закрываться. Я повесил мешочек обратно.

— Три раза пришлось ронять, никак цепляться не хотел, — поделился своими трудностями почти невидимый в темноте Ибн Хальдун.

— Так ты не можешь ничего в руки взять, да? — спросил я.

— И перемещать вещи могу только в башне, — развел лапками мелкий гад. — И только те, на которые соизволение есть. Почему, ты думаешь, я с тобой связался?

Ежеминутно сверяясь с картой мы двинулись длинным коридором. Если верить карте, мы шли потайным ходом, проложенным вдоль наружной стены. Коридор и в самом деле постоянно загибался. Я на ходу сколотил походный ордер — Я впереди, с мечом на плече. Если что, буду орудовать им двумя руками, благо рукоять позволяет, хоть и неудобно. Посередине Лизавета с лампой. Она ловко умеет ронять лампу так, чтобы она не погасла, и бросаться в сторону. Позади Милена.

— Тут ловушка, смотри ногами! — периодически предупреждал Ибн Хальдун. На карте ловушек не было. Пол был очень пыльный, видимо потайные ходы не убирались. Зато по ним периодически ходили. На плитах-обманках и нажимных западнях многовековая пыль была не тронута. А по безопасным местам пола была проложена буквально тропинка. Я старался идти по ней.

— Так, дошли, тут выйти надо. Где золото? — засуетился Ибн Хальдун у ничем не примечательной стены. Хотя нет, вон, на уровне моих глаз дощечка и рычаг.

— На рычаге висеть остался, — ответил я.

— Как висеть? Зачем остался?! — всплеснул ручками Ибн Хальдун. И умчался обратно

по коридору. Я осторожно отодвинул дощечку. За ней обнаружилась щелка для подглядывания. Естественно, я заглянул в неё. Закуток, занавешенный тяжелой тканью. На полу столик, вокруг столика подушки. Свет идет откуда-то сверху. Появляется Ибн Хальдун, одновременно рядом с ним появляется мешочек и падает на рычаг. Отскакивает. Я ловлю мешочек. На ощупь — внутри и правда монеты. Судя по весу — золотые. Я прячу их в карман и тяну рычаг.

— Ай, точно же, ты же сам можешь! — хлопает себя по лбу колдун. Но, поскольку он дымный, это приводит к его частичному развеиванию. Впрочем, он быстро собирается обратно уже на лету — в стене появилась щель, в которую он юркнул. Я отодвигаю в сторону дверцу, замаскированную под каменную стену, и захожу за ним.

Свет сюда падает из узкого, забранного решеткой окошка, расположенного прямо над потайным выходом. Я удивленно заглядываю обратно в потайной коридор и вижу, что окошко расположено чуть ниже его потолка. Аккуратно забрано в короб, чтобы не выдавать пустоты. Я бы в жизни не заподозрил, что в стене есть секрет. Тот, кто это делал, был большой молодец, продумано все до мелочей.

— Ходим, ходим, ходим, — зачастил Ибн Хальдун, выглядывая из-за угла. — Пока никто не ходит, мы ходим!

Мы выходим из закутка и попадаем в длинное помещение. Судя по карте, это нечто вроде внутреннего дворика. Только вместо солнца тут маленькие оранжевые яблочки на деревьях с серебристой листвой. Деревья стоят в кадках, вокруг них клумбы в массивных глиняных бадьях, среди этого искусственного леса по мраморному арыку, окруженному лежанками, бежит вода. Я понимаю, что пока шел по пыльному коридору, вспотел — там было душно. А тут прямо хорошо.

— Сюда-сюда, быстро-быстро! — машет ручками Ибн Хальдун. Мы устремляемся за ним. За похожими на тюль занавесями скрывается дверь.

Рядом падает ключ. Лиза, без подсказок, подхватывает его на лету и отпирает дверь. Мы быстро просачиваемся внутрь и закрываем а собой дверь.

— Что это? — спрашивает Милена. Я осматриваюсь. Похоже на склад онлайн-бутика одежды.

— Кладовка, — отвечает наш не приятный дымный друг. И как ошпаренный мечется по стойкам с одеждой, просачиваясь в шкафы, сундуки...

— Нашел! — хлопает радостно в ладоши. Он сейчас почему то на моль похож. Что он нашел, шубу? Впрочем девушки оказались сообразительнее меня и уже потрошат ящики, на которые Абдурахман показывает крохотными ручками.

Мила и Лиза скидывают с себя одежду. Я зачарованно наблюдаю за этим. Они стоят в ярком солнечном луче, падающем из окошка-бойницы и замечают, что я на них смотрю, когда остаются в одних тонких нижних рубашках. Или, может, просто решают заметить меня именно в этот момент. Ткань их рубашек слишком тонкая и я вижу изгибы девичьих тел, от которых почти пьянею. Меня вырывает из этого состояния насмешливый голос Милены:

— Дядя Храбр, может быть вы отвернетесь?

Я дёргано отворачиваюсь к двери. Действительно, нашел время. Хватаю карту и начинаю её изучать.

— А в начале года говорила, мол он тебе брат двоюродный, — удивляется позади меня Лизавета. Они переходят на шепот и совсем уж неприлично хихикают.

— А ты что расселся? Может кальян принести? — ко мне подлетел Ибн Хальдун.

— Неприятный вы человек, Абу Зейд, Абдуррахман, — говорю я ему. — Подлый.

— Отчаяние и тирания, вот истинные родители подлости. Как я могу позволить себе быть благородным, если это так дорого будет для меня стоить?! — он заламывает ручки. — Давай, Храбр, дорогой, не сиди, тоже переодевайся.

Абдуррахман роняет передо мной какое то тряпье.

Я осторожно оборачиваюсь на девушек. Они приспособили расшитое покрывало в качестве ширмы, натянув его поперек прохода. Приличия соблюдены.

Я начинаю быстро переодеваться. Когда остаюсь в одних кальсонах, я наконец смотрю на тряпки, которые мне подсунул Ибн Хальдун. Одежда, в принципе, сильно напоминала мою. Разительно отличаясь в деталях. Та же свободная рубаха, только немного другого кроя. Роскошно вышитая серебряной проволокой бархатная курточка и гигантские штаны. И широкий пояс, конечно. Ткани в штанах хватило бы на комплект белья для двуспальной кровати. Кажется, штаны шелковые. Я недоуменно таращусь на эту роскошь. Облечение у меня заняло минут пять и без подсказок от Абдуррахмана я бы не обошелся. По окончании я обнаружил себя до неприличия похожим на Алладина из того древнего мультфильма, после того, как он стал принцем. В принципе, я остался своим видом доволен.

— Настоящий бача-бази, ммм, сладкий как щербет, — приторным голосом пропищал Ибн Хальдун и наигранно причмокнул, тут же скривившись и добавив нормальным тоном. — Кто спросит, скажи ты подарок для владыки Шаззуасфи, и все вопросы к нему.

Я кивнул — в этот момент я был занят тем, что натягивал обратно сапоги. Занятие не из легких, кстати сказать. К счастью, мои сапоги подошли почти идеально к этому наряду. Я заткнул за пояс ножны с мечом и обернулся к девушкам.

— Ну, вы готовы?

— Да, все готовы, идем-идем! — вился вокруг колдун, аж дымные струи с зада роняя.

Девушки продолжали вошкаться. Я понял, что так они на три дня застрянут. Поэтому подошел и твердой рукой сдернул покрывало.

— Не смотри! — взвизгнула Милена. Лиза просто охнула и прикрылась руками. Строго говоря, ничего экстраординарного я не увидел. Их одежда в своей основе напоминала довольно строгий купальник, только вот дополненный летящими, прозрачными тканями. Теперь свет действительно просвечивал их одежду, оттеняя точеные фигурки. И все же есть в этих традиционных нарядах своё очарование.

— Что ты смотришь? Глазки сломаешь! — зло прошипела Лизавета, сверкнув белыми клычками.

— Вы очень красивые, — просто сказал я.

Милена густо покраснела. И уже тише повторила.

— Все равно не смотри.

— Ай вай, амулеты забыли! — запричитал Ибн Хальдун и закружил вокруг сундука со множеством ящичков.

— Это на шею. Все что вы скажете, будет звучать на языке джинов. Это на уши, чтобы понимать язык джинов.

Магопереводчики были выполнены в виде украшений — крупные камни на лентах и серьги в уши. Проблема была в том, что они были разные. Короче, на то чтобы подобрать фурнитуру к одежде, у девочек ушло еще пять минут. Я выбрал золотую серьгу-обманку с черным камушком и серебряную цепь с таким же агатом к ней. И пока девки были заняты, невозбранно пялился на них со стороны. Ладно, еще я нашел подушку, положил на неё

отрубленную порталную голову, накрыл куском ткани. Меч в ножнах пристроил за пояс. Запрятал нашу Лицейскую форму в дальний угол. И потом сообщил, что я выхожу, кому надо, пусть догоняет. Они отправились за мной, шлепая босыми ножками — обувки девушкам не нашлось.

— Не переживайте, что оставляете это тут, я потом перенесу к вам перед выходом, — успокоил нас Ибн Хальдун.

— Может ты нас просто на место перенесешь? — предложила здравую идею Милена.

— Ой, и в самом деле, и как же я не подумал, — обрадовался Ибн Хальдун и щелкнул пальцами. Ничего не произошло. — Не работает, да? Наверно поэтому я и зову вас, потому что сам даже поднять не могу ничего без разрешения, да? Может я бы перенес кого поумнее, если бы мог перемещать людей в башни, чем думаешь, да?

— Не дыми, — одернул я разошедшегося колдуна и открыл дверь. Мы миновали пустой зимний сад, или оранжерею, или что у них тут, и вышли в коридор. Судя по карте, он был центральным — сюда вели все выходы из помещений этого этажа башни. По моим прикидкам, башня была диаметром метров сто, из которых не меньше четверти приходилось на стены. В центре было большое пустое пространство в котором я заподозрил лифтовую шахту. Даже спросил об этом у Абдуррахмана. Но из его путанных объяснений понял, что это технический колодец для коммуникаций. Ну да, говно должно падать вниз. Меня тут же заинтересовало, как они поднимают грузы и Ибн Хальдун грустно ответил:

— А для этого и нужны такие, как я.

Мы шли по большому коридору, похожему на холл дорого отеля в восточном стиле. Ковры, занавеси, благовония, мозаика на стенах. Уютно, Лицей на таком фоне смотрится как суровая крепость. Почти сразу же нам стали попадаться люди и пришлось прекратить обсуждение технических деталей с Ибн Хальдуном. Он стал совсем маленьким, с ладонь, и тихонько крался под потолком, благо с освещением тут обстояло не лучше, чем в Лицее — лампу нам пришлось оставить, а висящие тут масляные светильники только слегка разгоняли полумрак. Нам попадались только женщины и девушки. Те из них, кто были одеты куда скромнее, семенили не поднимая глаз. Те девушки, кто был одет так же, как сейчас Милена с Лизаветой, впивались в наши лица внимательными взглядами, кривили презрительно губы, и шли мимо норовя толкнуть меня плечом. Я держал голову низко и старался не отсвечивать. Перед собой тащил подушку и мне все время казалось, что от башки под покрывало ощутимо пованивает, что меня тоже напрягало. Мы дошли до лестнице. Миновать её, поднявшись на этаж выше, пройти всего метров сорок по коридору и мы у цели.

Небольшая площадка перед лестницей была по местным меркам почти аскетична — только синяя плитка на полу, и массивное бронзовое зеркало, перенаправляющее свет, в качестве украшения. Единственным предметом мебели, не считая двух маленьких табуреток, были гулямы. Они и в самом деле напоминали размерами два шкафа. С антресолями.

Роста в них было точно метра два, но кажется больше. Но это бы меня не удивило — Илья был не намного ниже. Но гулямы были безобразно огромны. Впечатляюще массивны. Похожи на спортсменов, которые забросили спорт и разжирели. А занимались они сумо. На фоне грушеобразных, бочкообразных туловищ лысые головы казались крошечными а ножки тоненькими. А вот руки необычно мускулистыми. Наверно, только в одном бицепсе мяса больше чем во мне целиком.

Их было двое. Они сидели на маленьких стульчиках по обе стороны от лестницы и буравили нас крохотными глазками из глубины заплывших жиром лиц. Богато отделанные

золотом шлемы с длинными кольчужными бармицами, лежали у каждого на левом колене. К другому колену прислонены мечи без ножен — старшие братья моего. Раза в два длинее. Для них эти мечи, похоже, были одноручными — я заметил прислоненные к стене круглые металлические щиты с острыми шипами на умбонах. Одеты в длинные кольчуги, набранные из золоченных и посеребренных колец. Очень дорогая и искусная работа.

Я исподлобья стрелял глазами и размышлял, как с ними справиться, случись такая нужда. Рассчитывать прорубить кольчугу не приходится, явно слишком прочные. Подрубить ноги? На них высокие толстые сапоги до середины бедра. Не удивлюсь, если с кольчужными вставками. Остаются только ничем не защищенные руки. Елки зеленые, да у них даже запястье толще моей шеи. Эх, мне бы мою “жемчужницу”...

— Вах! — утробно булькнул один из гулямов и встал. Не тяжело поднялся, как я ожидал от такой туши, а вскочил легким, стремительным движением, подхватив одной рукой меч, а другой шлем. В два шага приблизился ко мне. М прогудел что-то на неожиданно музыкальном, напевном наречии.

— Ты кто такой? — немного механически услышал я в ухе, на которую нацепил серьгу.

Любое приключение хорошо, если оно хорошо кончилось.

Конечно, ты сейчас скажешь, что говорящие шкафы не самое странное, что я видел в этом мире. Я так скажу — видимо тут какая-то психологическая фишка. Теряешься перед сильно большим человеком. И ладно он был бы телосложением дрищеватым, типа “сибирский сухостой”, или хрен с ним, он был бы толстый — ну удивился. Меня обескуражила плавная отточенность движений. Такую можно увидеть у профессиональных танцоров.

Короче, все могут растеряться. Вот и я растерялся. Что делать то?

Гулям реально нависал надо мной, как очередная пандемия над планами на отпуск. Спросил он меня кто я такой отнюдь не протокольным тоном. Не для галочки. А въедливо и даже угрожающе. Даже очень мелодичный язык можно изуродовать, если задаться такой целью. Гулям, похоже, задался. Перед зеркалом тренироваться не мог, за отсутствием тут нормальных зеркал. Наверно они друг на друга наезжают. А с его внешностью очень угрожающей на вид твари...

Я оправдываюсь, да? Ну, что же, не буду. Он на меня рыкнул, я растерялся, испугался и встал как сурикат с этой своей подушкой. Башкой только вертел и не знал, что делать. Наверное так же себя я почувствовал, если бы неожиданно из берлоги вылез медведь. Вру, тогда бы я знал что делать. Искать рогатину.

Однажды в детстве, в моем детстве, в другом мире, пацан старше меня на несколько лет на меня напал. Вернее, сделал вид, что нападает. Он неудачно пошутил, разыграв сценку из фильма, а я не понял мора и испугался. Впал вот в такой же ступор. Эмоции были такие же яркие, как в детстве.

На девственно белом горизонте моего растерянного мозга, свободного от мыслей, тут же гейзером изверглось Мстиславское наследство. И я с удивлением услышал свой голос:

— А ты что такой любопытный, свинорыл? — ответил я на чистом русском. Впрочем медально исправно все перевел, только со “свинорылом” обошелся вольно, превратив это слов в “свонячье рыло”. Как по мне, в таком переводе теряются нюансы. К тому же, я бы его обозвал иначе. Лицо у стражника и в самом деле было очень жирное, но напоминало не свиное, а скорее бульдожье. Щеки у гуляма буквально лежали на плечах. А маслянистые темные глаза на выкате только добавляли сходства. И эти глаза смотрели на меня безразлично. А вот второй гулям был куда больше похож на свинью — светлая щетина на подбородке и серые глаза. Я посмотрел на него внимательнее, потому что после моих слов он тоже вскочил. Угрожающе. В этот момент первый небрежно зажал под мышкой меч. Я решил, что это было сделано с умыслом. Для демонстрации пренебрежения. Типа смотри, я даже мысли не допускаю, что мне понадобится оружие для такого как ты. А потом протянул ко мне лапу. Быстро, очень быстро двигается. А я, мямля, как раз в этот момент взгляд отвел, на другого посмореть. Я только мельком увидел движение, но вместо того, чтобы как учили, шуганутся и отпрыгнуть в сторону, как заяц, замер. Видимо, пытаюсь взять под контроль язык, взял под контроль и тело, подавив инстинкты Мстислава, а именно — порыв разорвать дистанцию и выхватить меч.

Налет цивилизации может оказаться смертельно опасен в местах, где люди играют по другим правилам. Но мне повезло, гулям меня не ударил, просто грубо схватил меня за подбородок и поднял моё лицо вверх. Прежде чем он успел что-то сказать, в переговоры вступила Милена.

— Это новый Бача-бази владыки Шаззау. сфи, — сказала она, сделав заминку в имени местного бугра. В этот раз она не корчила миленькую няшку. Стояла развернув плечики, грудки навывкате. Глаза злые, взгляд твердый. И даже шагнула вперед. — А на подушечке голова того, кто его без спросу тронул!

Гулям смерил её взглядом. Заглянул под ткань. В глазах его по прежнему ничего не отразилось. Но он медленно и с явной неохотой отступил в сторону. Я немедленно пошел мимо него к лестнице. Стараясь не перейти на бег. Девушки семенили рядом. Уже на ступеньках, отойдя подальше, я бросил быстрый взгляд назад. Гулямы пялились нам в след.

Мы поднялись на следующий этаж. Тут тоже была стража, во всем, кроме цвета кожи, похожая на предыдущую, только эту мы миновали без происшествий.

— Не бегите! — шепнула нам Лизавета. Я сбавил ход. Я действительно уже почти бежал.

— Куда дальше? — спросил я. Милена, у которой был в руках свиток, начала его разворачивать, чтобы свериться с планом. Из под потолка спикировал Ибн Хальдун и замахал ручками, показывая на нужную дверь.

— Сюдать, сюдать!

Мы скользнули к нужной двери. Девки тут же развернулись в обе стороны. Я даже на секунду подумал, что они скажут “чисто”, но нет. Надо их будет научить. Я толкнул дверь — замков тут нет, кстати. Я заглянул внутрь. Вроде никого.

Мы юркнули в помещение и прикрыли дверь за собой. Это была жилая комната. Немного аскетичная — голый пол, на стенах только цветные драпировки. Шкафы кровать. И жуткий беспорядок — везде валяются тряпки. Сразу видно, девушка живет.

— Вот она, вот она, — аж приплясывал от нетерпения Ибн Хальдун. Милена подошла к столику заставленному всякими флакончиками и несколькими мутными серебряными зеркалами. И схватила зеркало. К столику тут же подбежала Лиза и схватила второе зеркало. Я тоже подошел поближе.

— Абдуррахман, эта твоя лампа? — спросил я у Ибн Хальдуна, показывая на... Лампу? Я ожидал увидеть нечто вроде чайничка, как в мультфильмах. но лампа больше напоминала бронзовую плоску с носиком. И некоторые детали оформления меня смущали.

— А из какой части тела, ты говоришь эту лампу сделали? — уточнил я.

— Слющай, хватай лампу и... — крохотный волшебник вдруг замолк на полуслове, сделал большие глаза. Показал мне за спину. И юркнул вниз, под столик. “Интересно, а почему он не исчез?” сначала подумал я, а только потом обернулся. Вообще, привычка думать меня однажды в гроб загонит.

От дверей к нам кралась... Демоница. Будем называть вещи своими именами. Ну или просто девушка с очень бледной кожей, большими, миндалевидными глазами. Ничего необычного, похоже на фильтр для видео, превращающих людей в куколку-китайку. С рожками. Я мельком глянул вниз — копыт не было. Она тоже была босиком. Темнокрасный наряд незнакомки, в отличии от нарядов Милены и Милы, был не прозрачным. Зато множество откровенных разрезов с лихвой это компенсировало. Рогатая, технически, была одета в ленточки.

— Вот я вас и поймала! — заорала она голосом оперной певицы во время семейного скандала. Я уронил подушку и вытащил меч. Её это не насторожило. Она обрадованно ткнула в мой тесак длинным, черным и похожим на нож для грибов, когтем. Совсем не женственно смотрится, кстати. — Ага! Хотели порезать мои наряды!

Да куда уж больше! Я на секунду залип на её грудь, удивленный тем, что не вижу её сосков. Она гневно дышала, встав в метре от меня, тыкала в меня победно когтем и вдруг удивленно завертела головой по сторонам, заметив, что Милена и Лизавета тихонько обходят её с боков.

— А вы кто такие? — она нахмурилась. Лизавета бросилась на неё первой. Рыжая быстра, но надо ей над техникой поработать. Просто банально прыгнула, выставив перед собой руки, не успевшие даже еще обзавестись когтями. Не знаю, что Лиза хотела — сбить незнакомку с ног? В любом случае не сработала. рогатая легко увернулась. Танцующий шаг в сторону, с поворотом корпуса, прямо как мастера кунг фу в фильмах про боевые искусства уворачиваются от всего. Демоница в отличии от туповатого меня очень быстро приняла изменившиеся правила игры и тут же, без раздумий, со всей дури лягнула Милену. Та явно не ожидала такой резкой реакции. Удар пришелся Миле в грудь и она отлетела в сторону. Ну, не так прям отлетела, не как грузовик сбил. Как борцовская груша, которую с разбега пнули. только косички взметнулись.

— Ты что сохатая, сдурела?! — возмутился я. Отбросил меч, раз она его не боится и рывком прошел рогатой в ноги. Борьбе тут, кстати, тоже учат. Это часть фехтования. Случись нечто непредвиденное и хорошо подготовленные бойцы не стеснялись выпустить оружие и перевести бой в партер. Постараться уронить противника, подмять его под себя и закончить дело кинжалом. Как я подозреваю, именно из таких, очень житейских семейных способов выжить, со временем вольная борьба и выросла. Вот и сейчас я совершил практически классический проход в ноги, на рефлексах Мстислава, а потом бросок. Уже немного по своему. Шмякнул рогатую об пол с размаху, как воблу об стол.

Та вякнула и замерла, оставшись лежать неподвижно вытянув руки вдоль тела. Я бросился к Милене.

Мила уже и сама поднималась.

— Дышать не больно? — я схватился за её грудь. За грудную клетку, точнее. Мне показалось, что от такого удара ей должно было все ребра переломать. Милена отрицательно замотала головой.

— А ну вдохни полной грудью и следи за ощущениями! — потребовал я.

— Все потом, рвать когти надо! — рявкнула Лизавета. В руках она уже держала оба зеркальца и лампу Ибн Хальдуна. Мы нашли откатившуюся под столик голову, над которой Ибн Хальдун уже растянул портал. И нырнули в него.

Никогда не думал, что темень лица меня так обрадует. Через секунду рядом появился и Ибн Хальдун. Принес с собой одежду.

— Ну вы и набедокурили. Все, я назад. Сейчас прибегут гулямы, потом дело дойдет до владыки и он призовет всех слуг.

— Подожди! — успел окликнуть его я. — Когда тебя назад ждать.

— Может завтра. Может через две недели. Встретимся тут же. Если вас не будет, я оставлю записку в вашем ящике, — отмахнулся Ибн Хальдун и пропал. Параллельно он заметал следы — спрятал обратно конструкцию Распутина, закрыл путь. Потом нырнул в портал, ведущий в башню владыки джинов. А чуть погода закрылся и портал. Мы остались в

полной темноте.

— А мы наш светильник, Лицейский, где-то забыли, — тяжело вздохнула Лизавета.

Глава в которой главный герой задается извечными вопросами. И, в отличии от всего человечества, находит на них ответы.

Я вернулся в комнату слегка уставший. Зато настроение было феерически хорошее. Это было не тихое счастье семейного очага. Будь я собой, все что мне бы хотелось — залезть в оставленный на тумбочке у кровати туесок, проверит как там феечка в своем гнездышке. Потом, может быть, посмотреть на свои сокровища в ящике — к паре золотых браслетов добавить кошель с золотом. Завалиться в кровать, немного позалипать в потолок и уснуть с облегчением от того, что пережил этот день. Но нет, я как будто вернулся с шикарной вечеринки, хотелось петь и танцевать.

Английский “рейд”, немецкий “reise”, русский “поход” — эти слова, которые сейчас обозначают путешествие, когда-то давно означали семейное занятие военной аристократии. И можно сколько угодно смеяться на тему того, что только в набеге можно увидеть новые удивительные места, познакомиться с интересными людьми и ограбить их — для Мстислава это и в самом деле было развлечением. И отличным развлечением. Война для меня — трудная и опасная работа. Для него — просто сплошное удовольствие. Мое тело буквально искрило радостью. Я попал в адреналинового наркомана.

Не так уж и плохо, если честно.

— Что? Ну, рассказывай! — теребил меня Илья, заметив моё состояние.

Меня как волной в спину толкало ему все рассказать. Я разцепил зубы и дозированно сцедил три слова: “Не моя тайна”. Это сработало. Минут на пять. А потом Илья снова принялся за расспросы. И он бы из меня все вытянул — особо скрывать я ничего не хотел, не считая того, зачем и с кем я вообще попал в Музеум. На этом то я и споткнулся. И потому отмалчивался. Но набегался я знатно и все же устал. Через пять минут односложных ответов я попросту уснул.

А на следующие дни меня отпустило и я держался стойко. Утро втянуло меня в мелкие ежедневные дела, приятные хлопоты и новые интересные вызовы.

Все шло своим чередом — уроки по прежнему были очень своеобразны, свободного времени было так же много. Девушки, после вечера в Музеуме, меня немного дичились. Уже не лезли так напоказ перед всеми. И мягко уворачивались от того, чтобы остаться со мной наедине. Впрочем, я сильно не настаивал — у меня было полно дел.

Прежде всего, я снова возобновил тренировки. По утрам, легкая тренировка с оружием и спарринг с Ильей. Злата — крохотная феечка которую, по всей видимости, я создал — стала меньше спать и самым наглым образом оккупировала мой карман. Я не замечал, чтобы она выросла внешне, но за считанные недели её взгляд стал осмысленным, из движений уходила неуклюжесть как у маленького ребенка и я подспудно ждал, что она вот-вот заговорит. Поскольку я чувствовал её эмоции, мне она казалась буквально создана из любопытства.

Моё лицо, полученное в “подарок” от Вятко, хоть и вызвало у других учащихся в первый момент шок, но они удивительно быстро привыкли к моему новому виду. Я раньше не замечал — но в какой-то момент вокруг меня сложилась зона отчуждения. И только сейчас я

это заметил — потому что её сломали. Ко мне подходили поздороваться и ученики старших курсов, и подсаживались поболтать девчонки нашего. Губастенькая Лада из Краковских вообще пыталась сделать вид, что мы лучшие друзья. Красивых все любят. Почти все — Некраса, по прежнему держалась на расстоянии.

Но самое главное — я улучшил момент и посидел несколько часов один в парке. Больше нигде остаться наедине с собой не получалось.

Способность задумываться о прошлом, прокручивать в голове произошедшие события и делать из них выводы и отличает нас от животных. Это называется красивым словом с латинскими корнями — рефлексия. Наверное, каждый рефлексировал над не самыми удачными разговорами, проигрывая диалог иначе. И уж точно каждый не мог уснуть, потому что мозг внезапно выдавал случай лютой давности, с требованием немедленно отрефлексировать. Таковы уж мы, интеллектуалы мира животных.

Это хороший инструмент. Просто, как и со всяким другим, сам по себе он работу не делает. Его надо применять и уметь пользоваться.

Из обрывков информации, практически оговорок, и наоборот, прямо сказанных слов которые заслоняют собой правду, я смог собрать в своей голове приблизительную картину этого мира. За покрытыми инеем ветками я разглядел сложный рисунок взаимосвязей, что опутывают живущих здесь людей, принуждая их действовать именно так, а не иначе.

Трудно сказать, что творилось в отдаленных землях, но для Руси я для себя уяснил несколько важных вещей. Тут не было монгольского нашествия. Не разрушались города, не увозились в полон ремесленники, не выдавались ярлыки на княжение и не налагалась дань. А значит, не прекращалась феодальная раздробленность. Фигура царя была наследием великого объединителя. Примерно полтысячи лет назад пришел могучий герой, смог собрать воедино разрозненные государства, а потом... Ушел. В другой мир, в другое царство, впал в спячку — варианты разнились. После него остался не только титул но и магические узы, заставляющие Великих Князей соблюдать приличия вообще и воевать внутри страны по правилам. Никаких массовых переселений, никаких разграблений городов, никакой резни.

При этом царь тут и близко не был самодержцем. Избранный на эту должность, становился “хранителем места”. Его возможности были сильно ограничены и, скорее всего, Русь давно бы распалась, была разорвана на части амбициями знати, если бы не тот факт, что в этом мире существовала магия. Какие именно читкоды выдавались царю — неизвестно. Но известно, что царствование давало роду правителя в первую очередь бонус престижа. На более материальные приобретения рассчитывать не стоило. Царь был фигурой культовой, выполняя функции боевого знамени, пафосной музыки. Он был олицетворением, гуманизацией государственности — и всю жизнь проводил в обрядах, выступая в поход в редких случаях, когда опасность нависала над всей страной. Такие походы напоминали скорее крестовые — участие в них не было обязательным, но не участие могло стоить всего.

Еще реже царь вмешивался в ход междоусобиц. Чаще всего, вызывая к себе виновных и заставляя решать их спорные вопросы... поединком. Неплохая традиция, на самом деле — грызлись бояре с осторожностью. Большую же часть времени этот правящий, но не царствующий правитель проводил в ритуалах. Нельзя сказать, что местные придавали этим ритуалом такое же значение как ацтеки. Без царя солнце все равно встанет, это каждому понятно. Но неурожай, эпидемия, или еще какая напасть — случится точно. Посмертные культы царей были очень развиты. Это было не условное обожествление, как Римских Императоров — местные ожидали простых и конкретных действий от мертвых царей.

А еще, по обмолвкам услышанных еще Мстиславом, сами князья не особенно торопились надеть царский венец, поскольку считали что “он меняет человека”. Буквально. И внешне, и внутренне.

Под этим, номинальным, но основополагающим правителем, была обычная феодальная лестница. Великие князья, удельные князья и бояре. И основное их отличие от не аристократов — наличие трех вещей. Фамильяра, родового магического таланта и способности заставить двигаться огромную самоходную бронь — гридня. Весь набор необязателен, достаточно и чего-то одного, но отсутствие всех трех вычеркивало человека из списков рода. Буквально — тут были “местные списки” бояр, в которых помимо имен указывались и заслуги рода. То самое “местничество”, о котором я в прошлой жизни слышал краем уха.

Простые люди ничем не отличались от бояр — и больше того, они могли быть приняты в род. Если смогут внезапно проявить один из трех необходимых для знатности таланта. Случаи такие были достаточно часты.

Это, а еще то, что тут так и не случилось закрепощения людей, делало обычное население Великой Руси довольно субъектным в политическом плане. Люди могли взять и уйти с земель боярина если вдруг им что-то не нраву. Могли и требовать для себя уступок. Конечно, на деле были некоторые нюансы... И тысячи их. Но считаться с населением местным боярам приходилось, это точно.

Из этой строгой иерархии выбивались чародеи — они оказывались, с одной стороны, не вписаны в структуру традиционного общества, почти автоматически становясь целью для различных нападков. А с другой — могли быть чрезвычайно полезны, становясь желанными членами любой группы, от жителей небольшого села, до великокняжеского стола. И вместе с тем, не будучи связанными родственными узами и общим происхождением, чародеи никогда не могли рассчитывать стать “своими”. Высокооплачиваемые специалисты, крохотный пазл капитализма в броской и яркой картине магофеодализма.

Лицей, технически, был “царевым делом”. Его называли “любимым сыном царя”. В феодальном обществе это было не просто образное выражение. Это было юридическое определение прав и обязанностей Лицея — таких же, как у наследника Княжеского престола. Полный набор возможностей, кроме объявления войны и сбора налогов. Канцлер, скорее всего, мог даже вершить суд. И решение такого суда сможет отменить только царь. Но этим он не пользовался. Похоже, помимо прямых обязанностей по кузне кадров, этот “государев человек”, по собственному желанию сделал из Царского Лицея прибежище для чародеев.

Честно говоря, я бы определил для себя государственный строй Великой Руси, как магократический.

Хорошая, устойчивая система. Если ты амбициозен, честолюбив и энергичен, у тебя есть много путей. С одной стороны, ты можешь выбрать надежную жизнь — как правило ты родишься уже включенным в семейную группу, владеющую набором собственности прав, привилегий и производством. Тут варианты огромны. От кожевника в городе, до мельника за городом. Если ты амбициозен в другую сторону и хочешь подняться по социальной лестнице — найди в себе искру магического таланта, и постарайся её разжечь. Тебя включат в сословие бояр, пусть и на нижнюю ступень “детей боярских”, с ограниченными правами. Но через одно-два поколения и в “местнических списках” имя твоих потомков уже не будет отличаться от других имен.

С другой стороны, как тут решают проблемы бедных и обездоленных, пока мне понятно не было. С магией или без, базовые правила физики и социологии в этом мире работают так же, как и в моем. Человек попав под воду, тут тоже тонет. Значит и “воронка бедности” работает с такой же неотвратимостью, неизбежно плодя нищету.

Я подозревал, что этот фактор нивелируется вечным “фронтиром” — как дикий запад времен освоения Америки. Тут тоже есть богатые и ничейные земли. Только вместо индейцев — голодная нечисть, магические аномалии и просто всякая хтонь.

К тому же, я нутром чую, что тут что-то не так с экономикой. Этот мир застыл примерно веке в шестнадцатом. В моем мире к этому моменту Европу уже лет четыреста корежило от кризисов. В том числе и финансовых. И потребовалось еще лет двести, чтобы эти мучительные родовые схватки кончились капитализмом. Тут я пока не чувствую ничего похожего. Возможно, магия сглаживает нарастающие внутренние противоречия общества. А то и вовсе их нивелирует. Этот вопрос я оставлю на потом — слишком мало данных.

Из разговоров с Распутиным я почерпнул много важного и интересного, вроде того, что Псковское княжество одно из основных поставщиков “Железного товара” в Руси, а Великий Устюг один из центров ювелирного мастерства. Это лишь дополняло общую картину, не делая её цельной.

С войной тоже было все не очень понятно. Отец Мстислава пропал, когда ему было двенадцать, аккурат в то время, когда будущий боярин начинает участвовать в делах семейных. Набирается опыта, учится, пробует кровь. Мстислав был этого лишен. Я понимал только некоторые вещи. Например, почему армии тут считают в гриднях. Изредка к этим человекообразным бронеходам добавляют детей боряжих. То есть никто не скажет, что Псков выставляет ополчение в две тысячи человек при тридцати гриднях. Фраза однозначно прозвучит как “Псков выставляет тридцать гридней”. Никто не считает людей. Я видел гридня в деле, пусть и всего несколько секунд. И склонен согласиться — это ультимативное оружие.

Конечно, люди изобретательны, есть масса способов противостоять гридню. Ловушки, специальные длинноствольные, внезапно, казнозарядные пушки на станках с большими углами поворота — фальконеты. Гридня могут окатить огнесмесью, зажав пилота внутри. И, конечно, держащиеся в тайне но эффективные магические прибуды штучного изготовления. Обычные люди могут дать бронеходу бой. При целом ряде условий — на заранее подготовленных позициях, с подходящим оружием, с опытом подобных столкновений. И все равно, это будет крайне опасное противостояние.

Они до сих пор не вытеснили разнообразную “обычную” пехоту только в силу своей малочисленности. Прадед Мстислава добившийся максимальной силы нашего рода мог призвать под свою руку три сотни бронеходов. И это, в какой-то момент, сделало его голос решающим на выборах нового царя. Количество “списочных” бронеходов, то есть те, которые были указаны в царских списках и подлежали призыву в ополчение, равнялось примерно тысяче восьмистам. Разумеется люди, по извечной своей привычке, старались в такие, обязывающие, списки не лезть. И отец как-то сказал Мстиславу, что на Руси, на самом деле, гридней может быть и три тысячи. Для себя я решил, что гридней на Руси от двух, до шести тысяч. И по мнению местных это абсолютная, непреодолимая сила — Русь местная сверхдержава.

Я не был в этом так уверен. Просто местные бояре никогда не сталкивались с настоящей империей. Скованной тотальной дисциплиной и действительно многочисленной армией. И

сотня тысяч монгол с примитивными огнеметами вполне могли бы дать бой всем бронеходам Руси в чистом поле. Но в степи тоже была магия и поэтому их Орда была похожа на Русь — лоскутное одеяло по акту независимых ханств. А может, просто у них Чингисхана еще не было.

Хорошо, в общих чертах я определился куда я попал. Теперь следует понять свое место в этом мире. С этим бывает трудно даже в когда ты родился и вырос в родном мире. Впрочем, обдумывая окружающую действительность, я понял, что меня не устраивает. Этот магократический феодализм тянет человечество на дно, запирая абсолютное большинство людей в социальном тупике. Отрезая от лучшей жизни не просто 99 процентов населения, а будущие поколения. Это похоже на шутку — триста лет прятать от остального мира технологию изготовления банальных зеркал. Что же могут прятать в своих подвалах многочисленные чародеи, семейные рода, магические организации? Очень может быть, что не будь тут феодализма, то уже бы давно наступил золотой век. Люди жили бы, если не вечной, то очень долгой, беззаботной жизнью.

Боюсь, правда, без тотальных мировых войн тут бы тоже не обошлось.

Ладно, вернемся ко мне. Ведь для себя именно я мерил всех вещей. Важно то, что нравится мне. А уже потом надо думать, насколько это мешает другим. В отличии от некоторых аскетов, способных довольствоваться пещерой и водой, мне нужно куда больше. Но и княжеской власти, я не хочу. Осознав это, я даже замер. Ну конечно, это для Мстислава — княжий престол мерило его жизни, освещенный небесным лучом венец всех желаний. Для меня власть — прежде всего ответственность.

Я хочу достатка без ответственности. Женщин, денег, вина, безопасности. Наверное, именно в таком порядке. И у меня уже начали бродить смутные идеи, как этого достичь. Но для этого очень важно остаться в касте бояр. И провал ритуала по привязыванию ко мне фамильяра, может стать очень серьезной проблемой.

Это меня не сильно беспокоило. Я был уверен — я смогу преодолеть эту преграду. Просто я еще не понял, как.

Прошел месяц, прежде чем я снизошел до того, чтобы обратить внимание на охрану Лицея. Да и то, только потому что прошли слухи о наборе “охочих” людей. Канцлер даже смотался на лапландских санях в Великий Новгород, людей нанять. Как съездил — мне он доложить забыл. А пока добровольцы набирались с Великого Устюга и окрестных деревень. Я знал об этом потому, что Распутин начал поправляться. Это выражалось в том, что она начал жаловаться на все жаловаться. “Одни валенки в охране, что Канцлер себе думает” — понудел он при нашей встрече. Встречались мы чаще — бедолага чародей был отстранен от уроков Канцлером, до полного восстановления. Похоже, помимо физической немоги, декану естественно-научного факультета не хватало и магических сил. Но вот ныть по поводу новобранцев ему бы не стоило. Он ведь кругом виноват.

После того, как Гриша положил костяк лицейских стрельцов, мне тоже стали бросаться в глаза “новенькие”. Они сильно отличались от “старичков” неопрятностью, громкими разговорами на постах и неумением обращаться с оружием, отчего Мстислава во мне аж корчило.

Сабля штука удобная, если ей покромсать человека надо. Но вот носить её везде с собой та еще морока. Длинная, тяжелая, за все цепляется. Тут навык нужен. И по тому, как человек с саблей на боку двигается, можно многое о нем сказать, как о противнике.

Вот и сейчас, возвращаюсь вечером в корпус с Ильей и мой взгляд зацепился за молодого парня с редкой порослью на лице. Волосы на его подбородке и щеках были редкие и росли клочками. Но он надеялся вырастить из них бороду, не иначе. Впрочем, его рожа его дело, мне без разницы. Задело меня другое. Прямо у калитки в наше крыло стоял стул с подлокотниками, на котором охранник сидел. Постучали — встал, глянул кто, открыл. И снова уселся. Вот этот клочковатый и открыл нам дверь. Кстати, даже не спрашивая “кто”.

А потом повернулся задницей, что тоже не почтительно, и плюхнулся на стул. Сабля у него зацепилась и повернулась так, что он плюхнулся на неё. Она в ножнах, разумеется, была. А то клочковатый точно бы себе жопу отрезал. Но все равно ему сделалось больно — парнишка закричал, попытался вскочить, но теперь сабля зацепилась за подлокотники и не давала ему это сделать. Это ж еще умудриться так надо.

Я остановился и засмотрелся, как он трепыхается. Беспомощный такой. Сверху, со стрелковой галереи раздался дружный гогот. Я глянул. Тоже молодые и незнакомые лица. Канцлеру нужно серьезно поработать над своими кадровыми решениями.

Хотя, те ребята, что ринулись с нами в серую хмарь в погоню за полудушниками, были молодцами смелыми и примерно такими же на вид. Только чуть поопытней. И повоспитанней. И эти оботрутся. Наверное.

— Слушай, — спросил я у паренька, который как раз смог победить стул, — а тут раньше постоянно дежурил десятник. Ему еще ногу отрубили. Он что, больше не выходит на пост?

— Дык как он выйдет, раз ему ногу отрубили? — глупо гыгыкнул парнишка.

— Ну ты ж без мозгов вышел и ничего, справляешься, — я вдруг вспыхнул злобой. Еле удержал в себе поток желчи, что-то про “Ты же на говна кусок в белом мундире похож,

который скоморох высрал, смотреть на тебя долго тяжело, блевануть тянет, позорище всего рода русского...”, но вовремя прикусил язык. Что это меня так задело, даже интересно?

Парнишка побледнел. На стрелковой галерее затихли.

— Так где десятник, который тут до вас был? — повторил я свой вопрос.

— Не могу знать. Коли ногу потерял, то деньги выходные получил и домой поехал, — нервно ответил победитель стульев.

— Кто тебе сказал, что он домой уехал? — нахмурился я.

— Никто... Я бы домой поехал. Выходные деньги то большие дают, как за год службы...

Можно сруб поставить, жениться, и на семена хватит, и корову купить...

— А сколько платят в год?

— Пять рублей! Но это мне. Десятнику десять! — гордо доложил парнишка.

Да, хорошо платят. На деревне, если пойти в батраки к богатому селянину, за год работы давали рубль. Подмастерье в городе получал два рубля. Илья платил своей дворне — вооруженным слугам, везде сопровождавшем его и других бояр в походе — три рубля. И гордился этим. И работа у дворни была опасная — обычные люди в его веселых охотничьих вылазках по окрестным лесам то и дело гибли.

Рубль это много Для простого человека. За рубль можно было купить хорошую корову. Корову похуже или теленка можно найти на отдаленных хуторах и за полрубля. Корова тут — мерило всех вещей. Она жрет траву летом, а на зиму можно не поленившись и накопить сена. А дает корова молоко. Молоко, плюс походы по грибы или по ягоды, собственный огородик — с этого можно жить. Даже вдвоем-втроем. Не разжиреешь, но можно. Сама по себе корова, если её зарезать — много мяса и ценная шкура. Короче, корова тут, как однушка в крупном городе в начале двадцать первого века — можно самому жить, можно сдавать и будет прибыль. И можно продать, разово получить хорошую сумму. Поэтому нанимаясь в батраки, ты через год получал сумму достаточную для покупки коровы (или сразу корову хозяин даст) и действительно можно было жениться.

При этом в городе, конечно, расклад был другой. В гостевой избе за рубль можно было снять “хором” на месяц. Там было пара комнат и кровати для шестерых. Правда, еще в эту сумму входила кормежка, один раз в день.

В городе дом с участком стоил рублей пятьдесят, так что не факт, что десятник смог на пенсию уйти. В моем понимании — домик в городе, гортензии и тихая жизнь.

А ведь платит Канцлер своим людям не то, что хорошо, а даже щедро. Мне стало интересно, интересно, откуда у Лицея такие доходы?

— А может еще в калечный дом при храме Первака-рыбака пошел, — заполнил паузу, вызванную моей задумчивостью, парнишка. Я так и пырился на него.

— Так я ж знаю о ком вы! Волк Серебряков его зовут! Других десятников, что ногу теряли, тут не было! — со стрелковой галереи высунулся парнишка постарше. Если верить его зетине, конечно. Он почесал себя под лохматой шапкой и припомнил. — Семья у него в городе.

— Живут где?! — переключился я на него.

Выяснив нужные мне подробности, я оставил служилых в некоторой растерянности. Ну да, тут у бояр интересоваться делами простых людей не принято. Впрочем, я так, худосочный борин то, если по фамилии судить.

— Чо это ты удумал? — шепнул мне Илья.

— Просто помочь хочу. С нами же вместе против чудищ дрался. Считаю товарищ по

оружию. Имя какое у него, надо же. Волк, — задумчиво ответил я.

— Так ведь нельзя тебе в город, — хитро прищурился Илья.

— Если быстро и никто не узнает, то можно, — не менее хитро сощурился я в ответ.

— А Милену и Лизавету предупредишь? — тут же спросил Илья. — Давай без них. Я ж тебе говорю, есть в городе одна банька...

— Ладно, уговорил. Все, на этих выходных, — ответил я. А то мне и в самом деле надоело взаперти сидеть. Самоволка тут была делом привычным — все же не казарма, а лицензиаты люди с положением. Наверное, можно было и просто через ворота выйти. И охрана бы не стала останавливать, постеснялись бы скандал устраивать. Но Канцлеру бы доложили. Поэтому учащиеся убегали в город в будни, прячась в санях под шкурами, или заворачившись в тулуп и прикидываясь возницами. Охрана старательно их не замечала. На обратном пути, под утро, когда пьяный в моченую редьку студент возвращался — вернее его доставляли слуги — то охрана уже не могла сделать вид что она ничего не замечает, но и признавать, что допустила незарегистрированный выезд, не могла. Поэтому откровенно помогала и покрывала.

Схема была отработанная старшими братьями Ильи, и проблем возникнуть не должно.

Так и случилось.

В субботу утром за Ильей заехали его дворовые. Всех этих “дядек” и молодцов” у него уже накопилось штук пятнадцать — и это не считая обозных “тетушек” и “девок”, выполняющих всю основную черную работу. Несколько из свиты Ильи были от родственников — ближних и дальних. Про одного Илья объяснил, что тетушка (видимо двоюродная), живущая под Великим Устюгом, прислала двух белошвеек рубахи ему штопать, охалку всякого тряпья и рекомендацию в хороший дом, где большие конюшни и хозяева вкусно готовят, нос в чужие дела не суют, и вообще молодцы.

Я вообще подозревал, что разбросанные вокруг Великого Устюга села живут в основном сдачей помещений.

Пока Илья грыз гранит науки в спартанских условиях, вокруг него, пусть и за стенами Лицея, нарастал как снежный ком, его двор. Люди липли на деньги, власть, а то и просто “стол”. Я спросил у Ильи, во сколько ему обходится всех их кормить. Тот сказал что деньгами дед Дарен заведует. Вообще не замутненный. Хотя, может это нормально. Он боярин, его работа — защищать людей от чудовищ всяких. Для быта он в принципе не приспособлен.

Поэтому Мстислав и оказался в столь плачевной ситуации — мачеха знала куда бить. Она отрезала от Мстислава его маленький “двор”, в котором еще не было воинов и во такого вот деда Дарена, и Мстислав стал как будто человек, который не умеет плавать, вдруг упавший в реку.

Все это и навело меня на мысль — а ведь я то оказался лишен подобного ближнего круга. У меня ведь нет никого.

Тут то я и вспомнил про десятника. Я подозревал, что без ноги ему дальнейшая карьера не светит — все видимые мной в Лицее охранники были полностью комплектный. Но я не ожидал что его вот так, сразу на мороз. Что даже лучше. Я захватил с собой один из золотых браслетов, снятых с полудушника, требовал с Оногура деньги, которые получил от Лицея, и решил сходить к десятнику, поболтать с ним.

То, что у него нет ноги, меня особо не смущало. Тут это было распространено и Мстислав помнил нескольких людей из детства, у которых были заменены протезами части

тела. Протезы сносно функционировали. Конечно, они были и близко не столь совершенны как кибернетические протезы моего мира, но все же, очень не плохи. Поэтому поставить Волка Серебрякова на ноги и он встанет в ряды мои надежных и преданных миньонов. Первый будет.

Прошло все как и задумывалось. Дед Дарён, предупрежденный заранее, приехал за Ильей не верхом с заводным конем, как обычно, а в санях. Меня вывезли контрабандой, накрыв шкурой и положив на дно саней. У ворот, за крепостной стеной Лицея, как и всегда по субботам был стан. “Дядьки” в ярких кафтанах с завязками-”разговорами и высоких шапках с меховой оторочкой, горделиво выпятив живот встречали своих подопечных. Молодцеватые “дети боярские” в начищенных кольчугах, пускающих солнечные блики на выдыхающих целые облака пара горячих конях. Множество “дворни” в темных кафтанах и лохматых шапках — кто пешком, кто на меринах. Я учуял запах шашлыка, заметил несколько цветастых, полосатых шатров — кто-то либо встречался тут с родственниками, либо просто решил отметить выходные не отъезжая далеко от Лицея. Бегали женщины с ведрами и подносами, лаяли и грызлись собаки. Самый настоящий походный стан, целое маленькое войско.

А если добавить медведей с цыганами — праздничная ярмарка.

Мы пережили несколько напряженных минут на выезде и за воротами — уже знакомая пантомима с грозными взглядами, руками на рукоятях сабель, добавился еще собачий лай и всхрапывания лошадей. Опять решали, кто первый проедет. В принципе, дорогу нам не заступали — Илья очевидно был не самым родовитым, а его свита не самая многочисленная, зато самая на вид боеспособная. Хмурые и тертые воины Ильи, хоть и уступали в яркости одежд и в богатстве отделки оружия, зато не уступали дорогу и не опускали взгляд. Честно говоря, я даже немного удивился, что до поножовщины дело так и не дошло. Не удивительно, что в лицей пускают только по одному сопровождающему — гонору в господах боярах было очень много. Хотя, что мне то нудеть — сам такой.

У Ильи особы дел в городе не было. Он хотел пойти на большой базар, подивиться на танцовщиц с юга. Я его очень понимал — мне тоже было интересно, как они там голые пляшут, на морозе. Но увы, у меня были дела. Я зашел в храм первака Рыбака, с знакомому уже батюшке, то есть языческому жрецу. Как два нищих за углом, обменялись с ним от сердца оторванными словами. Про Волка Серебрякова главный жрец знал. Направил меня по нужному месту с настолько витиеватыми пояснениями, что я бы, конечно, заплутал. Официальные названия улиц тут не давали зато в быто были неофициальные. И если с расположением Ярмарочной, Приречной и Рыбной я мог сделать предположения, то с Портновкой и Красивкой нет. А некоторые названия меня ставили в тупик — Вонючка и Синяя, например. К счастью, схожего рода проблемы тут возникали не только у попаданцев, но и у местных. От храма мне был выдан навигатор — тощий, большеголовый мужичонка в “фирменном” храмовом кафтане. Он то нас и повел дальше. По пути заскочили на Красивку — на этой улице жили ювелиры. Я доверился своему проводнику и вошел в лавку “лучшего на этой улице мастера” с забавным именем Истома и говорящей фамилией Золотняков. тут же, с порога, получил от маленького, чернявого мужичка с огромным носом заявление, что работы он больше не берет, и так до следующей осени занят. Я показал ему мешочек от Ибн Хальдуна. Монетки в нем были странные — в виде крохотных стилизованных изогнутых мечей, наподобие тех, что я видел у гулямов. Мастер поцокал, заявив что работа грубая, и оценил все содержимое в сорок рублей.

— А если поторговаться? — спросил я.

— Больше чем за сорок, и еще три руля, я не возьму. Иди ищи цену лучше! — тут же начал напирать на меня Истома. Разговаривал он по хамски, но не Илья, не присутствующий тут же дед Дарён за сабли не хватались и я решил, что ему можно. Золотой браслет Истома оценил, неожиданно, в пятьдесят рублей.

— Или даже сто дадут, коли любителя найдешь. Видно ж, не людская работа.

Это заставило меня пристальнее присмотреться к хитрой вязи золотой проволоки, но я по прежнему ничего прямо таки нечеловеческого в ней не увидел.

Тем временем мой навигатор успел пошептаться с Истомой и тот, обиженным тоном, который видимо у него считался великим, заявил.

— Коли ты от Храму, так есть у меня подмастерье. Мастером ему скоро быть, надобно вещь сделать. Ежели хошь, можешь что заказать. Может, к весне и управится.

Я подумал... И заказал подарки девочкам. Благо, кредит в храме был открыт, сто и подтвердил мой навигатор, мелко покивав головой. Правда, пришлось как следует посидеть с Истомой и его подмастерьями — они не стеснялись, рисовали эскизы прямо при мне. И довольно быстро я понял, что ювелирных дел они и в самом деле мастера. Это заняло не меньше часа — но Илья провел время весьма не плохо — прошелся по улице, потолкался по лавкам и даже познакомился с какой-то красивой девушкой. Я его не стал ни о чём спрашивать — но морда у него была довольная, как у кота, который на сиськи лег.

Дело шло к обеду. На счастье, оказалось, что Великий Устюг заполнен маленькими харчевнями. Набор блюд был ограничен, но готовили вкусно. Мы поели на открытом воздухе, запили невероятно противным пивом, и двинулись за город.

Не совсем за город. Просто мы отъехали от центра города. Закончилась плотная, многоэтажная застройка, обнесенная стеной. За могучими каменными стенами дома стояли сильно посвободнее. Сами дома были довольно большие — помимо главного здания в два-три этажа, еще множество построек и “огородик” в полгектара, а то и больше. Это пятьдесят соток. Да уж, норматив родной мне субурбии соток в десять на огород, перед таким размахом просто меркнет. Вдоль дороги все было очень плотно застроены, дома разве что друг на друга не лезли. Технически это все еще был Великий Устюг. Еще через километр были еще одни стены, а за ними, километра за два, и еще одни, “внешние” — но те совсем уж условные. Так, деревянный частокол на земляном валу. “Чтобы коровы не ходили”, как пренебрежительно отозвался о таких укреплениях дед Дарён. Он уже успел тут пошустрить, и все выяснить.

До них ехать не пришлось, все же десятник жил довольно богато. Не в самом центре, и даже не за внутренними стенами, но внутри внешнего обвода стен.

— Вот улица, на которой лицейские-то живут. В народе Бараньей кличут. Из-за их мундиров и шапок. Ну и, чуток, из-за мозгов, — доложил мой навигатор неприятно скрипучим голосом. Увы настройки у него не поменять. — Дальше спрашивать надо.

— Ну так спроси, — уронил слова, как свинец в грязь, Илья.

— А мне то он зачем? — вскинулся наш проводник. Грудку даже выпятил. Боится, но не робеет. Ну конечно, за ним Храм, город... Но и нарываться тоже он постеснялся. — У вас же дело, вас и спросят.

— Я пойду, — устало сказал я, и остановил я двинувшего своего коня вперед Дарёна. Уж не знаю, что он там хотел сделать — припугнуть проводника, плетью огреть или зарубить на месте, смотреть на это мне не хотелось.

Мы въехали на улицу, наткнулись на настороженные взгляды. Люди стали выходить к воротам. Чувствуется что живут сплоченным сообществом. И вооруженные люди на их улице — повод для собрания. Я заметил дом побогаче. На крыльцо вышел вальяжный мужик с пузиком и железным крюком вместо руки. Одет одорукий был в шикарный кафтан из красного бархата, с серебрянным шитьем и яркие, как оргазм после долгого воздержания, малиновые штаны. Огромные, даже больше чем те, что помнились мне по путешествию в башню джинов. Сразу видно — солидный и уважаемый человек. Я подъехал к нему, слез с коня и поприветствовал. Тот осторожно кивнул мне в ответ.

Я рассказал о себе, откуда, где учусь, и только потом изложил суть дела.

— Хочу поблагодарить Волка Серебрякова за то, что рядом дрался, — закончил я.

К концу моего монолога вокруг нас собралось человек двадцать мужчин в возрасте. Женщины постарше и молодые парни стояли шагах в десяти позади них. Дети и девки помоложе облепили окна и заборы еще дальше. Вот что бывает, когда телевизора нет — людям заняться нечем. Глазеют на все. Коров бы пошли подоили.

Мужик степенно кивнул. А потом сказал, поглаживая короткую бороду, подстриженную на боярский манер — чтобы под шлемом не мешала. Хотя, куда ему фехтовать, с таким пузом и крюком?

— Так нет Волка тута. Дня три назад ушел. А семью еще до того в деревню отправил, — и огляделся вокруг. — Верно я говорю?

Со всех сторон послышался одобрителный гул, мужики что поближе степенно закивали головами.

— Так ты, боярин, мне можешь передать, что хотел. А я уж с попутными Волковой семье и перешлю, — громко, так чтобы все слышали сказал мужик. — Меня Вторушой кличут, из Вороновых я. Меня тут все знают!

Я взгляделся ему в глаза. Он взгляд выдержал. Я пожал плечами — рубль невелика потеря. Золото Ибн Хальдуна я решил пока приберечь. Я достал кошелек с серебрянными монетками полученными от Лицея и протянул ему. Вторуша жадно схватил кошель, поднял над головой:

— Все видели! Это деньги не мне отданы! Семье Волка отдать надо! Все видели?! — дождавшись сдержанного одобрителного гула, одорукий ловко спрятал кошель в карман.

Я не стал задерживаться — нас еще ждали бани. Я попрощался, сел на коня и в сопровождении Ильи и его свиты, убыл.

До бани ехать было не близко — но мне то что, я на коне. Навигатор, и несколько человек из “дворни” Ильи шли пешком, и довольно быстро. Но не жаловались.

— А вот и они. Бани. У нас их Свейскими зовут! — доложил проводник. Я с подозрением оглядел трехэтажный терем с красными фонарями у входа. Как по мне, то тут какие-то восточные мотивы.

— Вы нас тут где-нибудь обождите, а мы пошли! — засуетился Илья. Спрыгнул с коня, бросив поводья деду Дарёну, легко взбежал по высокому крыльцу и постучался. Я отстал от него всего на несколько шагов. Вечер обещал быть интересным.

В которой я наконец-то добираюсь до преимуществ своего положения. А именно — явно и продажного разврата. В меню включены: яркая постельная сцена, танцы голого Ильи и опасности зубов у неприличного места.

Я никогда не был в элитных борделях, но именно так себе все и представлял. Ладно, не совсем так — в моих представлениях тут должны быть шесты с танцующими стриптизёршами. Встретившая нас у входа элегантная женщина в короткой косоворотке без юбки и открытым воротом до пупка, жеманно улыбнулась и провела за собой. Свейские бани действительно были банями — целый комплекс отдельных домиков, с центральным длинным залом соединяющим их. Илья уточнил, сколько стоит “помывка полностью, с едой и другими услугами”. Женщина кокетливо улыбнулась и спросила, насколько мы грязные? Справятся ли две банщицы или лучше позвать четверых?

Я вспомнил суровую тетку-носорога из Храма Любви и вздрогнул. Илья уверенно сказал, что нужно четверых, по двое на брата. Женщина кивнула, вежливо попросила шестнадцать монет. Мы отсыпали ей серебро — я благоразумно оставил себе несколько денег в поясе, поэтому честно отслонявил половину.

Да, еда и труд тут стоят не дорого.

Нас провели в довольно просторную горницу. Посередине стояла здоровенная кадка с низкими бортами. На самом деле довольно большая, сошла бы для джакузи. Кадка стояла на своеобразной печи — дымоход, похоже, был проложен в полу. Вокруг кадки стояли столы и две кровати, укрытые балдахинами. Эдакие палатки на деревянной основе. В принципе, достаточно для уединения.

Прощебетав что-то о том, что скоро все будет, женщина скрылась. И действительно, почти сразу на смену ей явились девушки.

Они были веселы и красивы. И одеты в тонкие льняные рубашки, льнущие к их телам в жарком воздухе. Пока две накрывали стол, две другие помогли нам раздеться и ласково, но настоятельно, подвели к бадье. Оставалось только скинуть последние портки и залезть в воду. Что мы и сделали. Обе девушки тут же к нам присоединились. И в раздевании, и в воде. Каждому досталось по одной. Они тут же начали нас намывать странного вида мочалкой. Пахло немного хозяйственным мылом и хвоей.

Мыли честно — драили спину, руки, ноги. Когда девушка добралась до волос, я уже во всю осторожно изучал её тело своими руками. Она не протестовала, но и не отвечала на ласки.

— Все, пошли, — сказал я, чувствуя что меня сейчас разорвет на части. Я выбрался из кадки, взял за руку банщицу, зацепил девушку с дивана — одна из тех, что накрывала на стол. Эти уже успели плеснуть себе медовухи и шептались о чем-то своем. Пришлось прервать, но извиняться я не стал — было не много не до того.

Мы залезли в кровать. Кровать размерами не уступала квартире в Токио и, как я раньше уже заметил, надежно огораживалась от остального мира дорогой тканью. Все е я человек стеснительный, и постарался опустить балдахин тщательней.

Девушки, хихикая, устраивались на кровати поудобнее и наблюдали за мной.

— А ты красивый, — протянула одна и поманила меня пальчиком. Я подполз поближе, коснулся её кожи на щеке, скользнул пальцами ниже, по шее, и еще ниже и вздрогнул отдернув руку из-за душераздирающего визга.

Визжали за балдахин. Чем это таким Илья их напугал, да еще до истошного крика? Я вроде ничего особо примечательного, с поправкой на его размеры, не увидел. Хотя, возможно, я просто Храмом Любви испорчен.

Очень не хотелось отвлекаться, и я бы может даже проигнорировал истошный вопль, но девушки передо мной тоже испугались. Дернулись в сторону, инстинктивно прикрывая грудь. Я мрачно выругался и полез смотреть, что там стряслось.

— Тебе привет от дядюшки, Илюша, — говорил как раз в этот момент субъект уголовного вида. В отличии от стереотипов распространенных в моем мире о бандитах, этот совсем не выглядел здоровяком. Тощий, не дрищеватый, а именно тощий — сквозь кожу на черепа все лицевые кости разглядеть можно. Глаза запавшие и пустые, как окна в заброшке. И видом на Питерский дворик с расчлененкой.

А все потому, что тут в криминал, на местном “в тати”, идут не от хорошей жизни, бывших спортсменов среди такого контингента не встретишь. Всего бандитов было пятеро — один, явно младшенький, терся у дверей, трое стояли чуть позади главного. В руках ножи. Блин, даже ножи, похоже ворованные — точеные-переточенные, аж лезвия с обратным изгибом, и одновременно ржавые. Одеты в какую-то дикую рвань, бывшую некогда престижной одеждой — под слоем копоти и лоснящегося жира еще можно разглядеть дорогую ткань. Илья выскочил из оды и стоял перед ними голый, пока они его, не торопясь обходили, распределившись по всей комнате и зажимая в угол. Наши сабли у входа остались. Не добрать.

Вот же гадство, всю жизнь с этой саблей не расставался, даже когда спал, и то под рукой держал. А тут сперма вытеснила все инстинкты.

— Шо зыришь, дура, схвайся, — протянул ближний ко мне бандюган. Я прильнул к щели в шторе только лицом, а мордочка у меня, стараниями Вятко, и в самом деле за женскую может сойти.

— Это не баба, вон хер торчит, — бросил на меня быстрый взгляд главарь. Мы с первым бандитом синхронно посмотрели вниз. Действительно, кроме лица была видна еще моя нижняя голова. Она высунулась довольно далеко и бесстыдно. Главарь отвернулся и процедил сквозь зубы, поигрывая ножом и не спуская глаз с Ильи. — Его тоже.

— Так за него не плачено, — буркнул один из бандитов.

— А зачем нам свидетели? — ответил главарь. Это я слышал уже краем уха. Я рванул внутрь кровати, выдернул из под девок подушку, сначала одну, потом вторую. В обе руки. Перехватил поудобнее. Оглянулся, чтобы как раз заметить, как от четверки бандитов в мою сторону повернуло двое. Один был уже совсем рядом с кроватью. Я бросил в него подушку. Он лениво отмахнулся от неё свободной рукой, а вот летящую в его нос мою пятку, которая следовала сразу за подушкой, ожидаемо не заметил. Хрясь. Ух и растяжка у Мстислава, у меня такой никогда не было. Удар, что называется, зашел. Под пяткой как теплая слива лопнула. Бандюган — мелкий он, килограмм на сорок пять тянет — буквально улетел вдаль, оставив после себя веер кровавых брызг. Второй удивленно проводил его взглядом, и бросился на меня. Вообще этот влажный хруст послужил сигналом — бандиты бросились в атаку.

Я терпеливо дождался, пока второй “тат” приблизился. Двигался он хорошо,

чувствовалось — человек не боится закрытых пространств, и умеет в них “работать”. Секунда — и он уже в моей кровати. Вторая — и моя импровизированная защита в виде подушки изрезана в клочья. При это он еще успел пнуть начавшую оглушительно орать девку, которую я гладил. Орала она низким басом, очень похоже на то, как орет лось. Мстислав не даст соврать. Это сильно повредило её сексуальности, но пинать за такое, все же перебор. Поэтому я улучшил возможность и в отместку пнул распоясавшегося негодяя под коленку.

Суровый убийца заверещал как сурок, выронил нож и схватился за колена. И тут же я, словно хвастаясь, продемонстрировал ему свое твердое и красивое — практически классический тайский удар коленом, только пришелся он в лицо. Опять что-то хрустнуло. Только теперь звук был сухой и громкий, как будто сухая ветка сломалась. Голова бандита безвольно мотнулась и он опал, как марионетка которой срезали ниточки. Сложился. Я замер, прислушиваясь к ощущениям, и даже пощупал коленную чашечку. Нет, жутковатый треск был не от моего колена. Я подхватил выроненный нож, выскочил с кровати и наткнулся на старого знакомого. Того, который получил пяткой в нос. Он ползал по полу и искал нож, одной рукой зажимая лицо — кровь из него буквально лилась.

И вот тут я загупил, конечно. Бою с ножами ни я, ни Мстислав, особо не учились. Поэтому я без затей воткнул трофейный нож ползающему на карачках “татю” в спину. Он заорал и выпрямился — нож остался в нем. Зажало мышцами лезвие, а это не сабля, так сразу не провернешь, не расшатаешь. Впрочем, я не растерялся — подхватил с пола нож, который он искал. Я вообще внимательней, а еще мне сверху лучше видать.

— Это искал? — хохотнул я бедолаге в лицо. Но вдоволь насладиться триумфом будет время позже, сейчас же я, весело улюлюкая, кинулся на помощь Илье.

Тот пока держался. Как я уже и сам понял, ребята нам попались тертые. Они напали на Илью одновременно, причем с хитрыми, обманными движениями. Обозначив один удар, но ударив с другой стороны. Один ударил снизу, другой сверху.

Вот тока Илья тоже был не прост. Он умудрился перехватить оба удара, зажав в своих лапах, как в тисках, руки нападавших. У местных бояр хитрый хват учат, перехватывать надо не у самой кисти, а чуть выше — чтобы не порезали. Короче, Илья все сделал по науке. Бандиты пыхтели, пытались его пнуть по яйцам, били свободными руками по лицу — но он не давал им времени опомниться, напирал, швырял из стороны в сторону. Таскал, как медведь повисших на нем собак. Все силы убийц уходили на то, чтобы не упасть. Это танго втроем, сопровождаемое грохотом переворачиваемой мебели и звоном разбитой посуды, как смерч пришлось через всю комнату. Улучшив момент, я кинулся на главаря, уже занеся нож, чтобы воткнуть ему в спину. И тут стоящий на коленях бандит, с торчащим в спине ножом и залитым кровью лицом, с неожиданной резвостью бросился на меня. Я успел отскочить, и он не ударил меня плечом в таз чтобы сбить на пол, как хотел, но успел обнять меня за бедра. И попытался повалить. Его мерзкая рожа при этом, терлась о моё, все еще эрегированное, достоинство. Пытаясь сохранить лицо от позорного контакта бандюган нечленораздельно ругался, морщился и отворачивался. Было неприятно. Не потому, что он морщится и отворачивается, а потому, что его морда в принципе о мой член трется.

— Ах ты ж пида... — я аж задохнулся от возмущения и принялся отдирать его от себя. Даже про нож не сразу вспомнил. Как вспомнил, тут же воткнул нож татю в шею. Еще раз. Как учили. Не меня, Мстислава. Даже на поросенке давали попробовать. Удара со второго я попал в артерию — из шеи брызнула кровь. Еще секунд тринадцать и смерть. Но даже на

пороге смерти этот выдающийся представитель городского дна продолжал сопротивляться, не выпуская меня из своих предсмертных объятий, пытаюсь выиграть для своих поделщиков лишние пару секунд.

Совершенно напрасно, кстати. В процессе своего “танца” Илья, наконец, подловил главаря, чей нож он заблокировал снизу. И его же ножом, зажатым в его же руке, пырнул уголовника под челюсть. Кажется, чтобы такое повернуть, Илье пришлось повернуть своему несостоявшемуся убийце руку в двух суставах. Я, кажется, слышал тошнотные звуки, но не уверен.

Второй бандит, увидев это, заорал и попытался перехватить нож второй рукой. Он и до этого пытался, а тут удвоил усилия — бесполезно. Илья, пользуясь преимуществом в росте, буквально вздернул его, заставив приплясывать на цыпочках. А потом, освободившейся рукой, схватил беднягу за мотню штанов — судя по резко перешедшему на тонкий визг воплю, в кулак Ильи попала не только ткань. А потом Муромский дернул поющего соловьем разбойника на себя, оторвав его ноги от пола. Поднял продолжающего орать ассасина над собой, и обрушил его головой вниз. Череп всмятку.

Мы застыли тяжело дыша. Мы, это я, Илья, парнишка на шухере у входа и забившиеся по углам девки. Ах, да, как раз в этот момент мой противник наконец исчерпал резервы организма и забился в конвульсия, совсем уж неприлично дергая головой у моих девственных чресл. Эрекция у меня так и не пропала. Адреналин, наверно. Я оттолкнул от себя труп, мрачно подумал что шутка про ассасина-отсасина больше никогда не будет смешной, и метнул нож. В последнего бандита. Но тот на долю секунды успел раньше — юркнул за дверь, а мой нож красиво воткнулся в то место, где была его голова. Повезло, конечно. Но если бы попал, так красиво бы было.

— Одного живьем надо! — рыкнул Илья и бросился вдогонку.

— Спокойно, оружие лучше возьми! — крикнул я. — У меня есть один.

Я вытащил нож из спины трупа у своих ног и осторожно глянул за балдахин. И удивленно застыл.

— Чем это ты его так? — тоже удивился Илья. Он уже схватил сабли и сейчас протягивал мне мою. И заглянул мне через плечо. Мой первый лежал в кровати скрючившись в комочек и смотрел на меня осуждающими мертвыми глазами, из которых текли кровавые слезы. Даже отсюда было видно, по его сильно деформированному черепу, что он окончил свои дни.

— Коленом, — смущенно буркнул я. — Думал он просто вырубился...

— Покажи, а? — заглянул мне в глаза Илья.

— Давай не сейчас! — засуетился я. Наскоро ополоснувшись в чудом уцелевшей бадье, я начал натягивать одежду прямо на мокрое тело. Илья последовал моему примеру. А потом мы, с саблями наголо, выскочили на улицу. Сначала мы боялись, что на нас снова нападут, но когда выбрались из бани, и за нами захлопнулась дверь, Илья тут же начал ломиться назад. И обещать всех убить, спалить, и изнасиловать. Почему-то, именно в таком порядке.

— Что случилось?! — испуганно крикнул выскочивший из темноты на своем жеребце дед Дарён.

Мы наскоро объяснили. Вернее, объяснил Илья. После чего в ворота бани начали ломиться уже толпой. Я огляделся вокруг и не обнаружил своего навигатора. Какой умный человек, все быстро понял и свалил.

— Подожди, — сказал я. Потом крикнул, — Илья!

— Да?! — рывкнул он, оборачиваясь.

— Бани тут не причем. Они ведь точно за тобой пришли. А про меня не знали. Наверное, подкупили девку или уборщицу, чтобы она сообщила, когда именно ты сюда придешь. И ждали тут неподалеку. Ты лучше скажи, кто же тебе так эти бани расхваливал?

— Да все... — задумался Илья. — Подожди, а ведь и душегубы, что-то там про привет от дяди говорили!

— Не там врагов ищешь, — подытожил я.

Мы сели на коней и бросились в Лицей. Не дожидаясь городских стрельцов. А ведь судя по шуму, который мы устроили, они должны вот-вот появиться. Тут город в пять кварталов. Ну десять, если они на другом конце. Все равно, явно не торопятся.

Уже у самого Лицея я наконец-то познакомился с двоюродным братом Ильи. Его свита вдруг выстроилась, словно в боевой порядок. Пешие взяли в руки топоры и встали на санях. Конные сгрудились вокруг меня и Ильи, но так, что мы словно оказались на острие клина.

— Это старший, Родослав. Помнишь, я о нем рассказывал? — успел шепнуть Илья. И тут Родослав, отделившись от своей свиты, поскакал прямо к нам. Не обращая внимания на угрюмые лица всадников, да и наши с Ильей, он подъехал поближе и хлопнув Илью по плечу, крикнул:

— Привет, братишка!

— И тебе не хворать, — буркнул Илья.

— Ну что, добрался-то до баньки, о которой я говорил? Попарился, или так грязный и ходишь? — хохотнул Родослав. Он был явно на последнем курсе, на вид лет двадцать с небольшим. Немного грузный. Маловато тренируется. Лицом похож на Илью, но если у того лицо былинного богатыря, с ясным открытым взором голубых глаз, то этот смотрит как пытливо, как будто ждет, что обманут.

— Добрались, — угрюмо ответил Илья.

— Попарились, — многозначительно протянул Родослав.

— Попарились, — все так же хмуро ответил Илья.

— А что так рано назад едете? — как мне показалось, искренне, удивился Родослав. — Я раньше утра оттуда и не возвращаюсь! Эх, дело молодое, научитесь еще!

И он, мерзко хихикая, ускакал прочь.

— Думаешь, он? — спросил Илья, почему-то меня.

— Если да, то он отличный актер, — для точного ответа мне данных мало. — Но на самом деле, Илья, тебе больше никому верить нельзя.

— Даже тебе? — хохотнул Илья.

— Мне можно, я человек случайный, ты сам меня приблизил. И завишу от тебя во многом, — рассудительно ответил я. — Плюс, уже дважды в деле себя показал, а последний раз так и вовсе тебе жизнь спас.

— С чего бы это?! — возмутился Илья. — Я сам своих уложил пока ты там...

— Они не рассчитывали на двоих. Все бы у них получилось, если бы ты был один! — не дал я ему закончить мысль. — Мне и надо было только половину на себя отвлечь.

— Да я бы и шестерых положил! — вот ведь врёт. По краюшку он прошелся, едва со смертью разминулся. У него было несколько порезов, хотя он виду не показывал. А у меня только царапины от зубов в паху. Мда, трудно будет их объяснить, случись что с Миленой и Лизой опять.

— Ага, хером бы забил! — начал злиться я.

— Ну, это ты у нас так любишь! — не остался в долгу Илья.

— Вы не ссорьтесь, — ласково сказал дед Дарён, втираясь на своей лошади между нами. И вдруг рывкнул. — Вы подеритесь! Мало вам убивцев по вашу душу, так вы еще сами друг друга порубайте!

— Я последнее слово скажу и все, — я заставил себя говорить спокойно. — Недооценивать врага, первый шаг на пути к поражению.

На это Илья фыркнул, но не стал ничего говорить. А дед Дарён кивнул и посмотрел на меня с уважением. А потом цокнул, ударил своего жеребца пятками, погоняя вперед, буркнув нам:

— По сторонам смотрите, стрел да пуль берегитесь!

Мы проделали оставшийся путь до Лицея в настороженном молчании.

Глава в которой главного героя обзывают девкой, а он широко раздвигает ноги. А потом, совсем по-женски, проявляет неуместное сочувствие.

Заговор. Смешное слово из старинной литературы, не вызывающий ничего, кроме ассоциаций с пыльной древностью и скучными историческими декорациями. Для того, чтобы человек прочувствовал это слово, он должен понимать его кожей. Чувствовать. Видеть. Я отчасти понимал Илью. Однажды, в детстве, я играл в онлайн игру, в которой игровые механики предусматривали смену главы в игровом клане. Для этого ряд игроков на ключевых постах должен был организовать общее голосование, на котором большинство членов клана должны были проголосовать за смену главы. Я был главой. И в какой-то момент я вдруг почувствовал, что внутри клана зреет заговор. Это были яркие эмоции. Вспышки подозрения вызывали все и всем — и старые соратники и новые члены. И если игрок слишком быстро отвечал на мои сообщения (втирается в доверие) и если долго молчал (игнорирует). Ничего похожего я в своей жизни никогда не испытывал. Не было поводов. В армии я был встроен в очень жесткую и прозрачную систему принятия решений и руководства. После получения гражданства оказался внутри полуанархичной, распределенной и скрытной гражданской сети, где пять признанных специалистов могли влиять на решения по целым отраслям, состоя в специальном комитете, а один ничем не примечательный старикан, получивший гражданство за сумму заслуг, вроде спасения утопающего и защиты докторской, мог оказаться единственным гражданином в глухом городке. И это давало ему возможность менять управляющих чиновников. Впрочем, система нашего общества выстраивалась именно с тем замыслом, чтобы максимально вывести из под давления людей с правом голоса. Но сейчас не об этом.

Я очень отдаленно представлял себе состояние, в котором находится Илья. И, хотя он держался молодцом и уже к вечеру к нему вернулся его обычный жизнерадостный настрой, я старался его поддержать. Вернее, отвлечь от темных мыслей.

Заговор, реальный, не мнимый, это постоянное ощущение опасности за углом, подозрение к каждому, мнимые и действительные перешептывания за спиной. Это выматывает, как болезнь. Пьет силы и душу. Поэтому я рассказал Илье про Музеум. Подробности того, что происходило между мной и девушками я хотел опустить, сосредоточившись на появлении Ибн Хальдуна. Но обострившаяся подозрительность Ильи не дала мне это сделать — он заметил, что я что-то не договариваю. Пришлось признаться, что мы целовались. С Миленой. Мне неожиданно стало жутко стыдно. Видимо, естественная реакция. Я вытребовал с Ильи твердое обещание унести эту тайну с собой в могилу. И продолжил свой рассказ.

Мне казалось, что Илья смертельно обидится из-за того, что мы не взяли его с собой в это увлекательное путешествие. Но нет. Он неожиданно серьезно слушал меня, периодически неодобрительно качая головой. В конце моего рассказа Илья неожиданно сказал.

— Знаешь что, Храбр? Ты везучий. Очень везучий. Согласен, не было бы тебя со мной в бане, убили бы меня. Вот что, держись рядом со мной. Тебе везет, а я зато, думать умею.

— Да я тоже умею, — ответил я, не совсем понимая, к чему он ведёт.

— Нет, — спокойно сказал Илья. Мы беседовали за утренней тренировкой. Я как раз заканчивал свою тысячу ударов. Технически это была связка — два быстрых удара в голову манекена и третий в ногу. Хотя я и не замечал, но долгий перерыв давал о себе знать — раньше я выполнял это упражнение минут за двадцать, без перерыва. Сейчас приходилось отдыхать раза три и времени занимало около часа. Илья во время моих коротких перерывов подпрыгивал на месте, высоко поднимая колени. Я пока не мог выдержать такие нагрузки, хотя в обязательном спарринге после тренировок, я почти всегда его удельывал по очкам. Впрочем, если бы на нас были доспехи, как в реальном бою, ситуация могла бы кардинально измениться — было видно, что Илья привык полагаться на броню. В тренировочном зале были комплекты доспехов для тренировок, нарочно тяжелые и неудобные. Это бы Илью не остановило, оказалось что тупо они все слишком маленькие для него. Я то привык к Илье, и даже стал забывать, насколько же он большой. Поэтому мы пока отработывали бездоспешный бой на саблях. Это тоже могло пригодиться — так, например, по обычаю проходили судебные поединки.

— Что это за нет? Проясни, — я отсчитал серию из десяти связок и решил что пауза выдержана достаточно. Я могу одновременно бить, разговаривать, и считать. Мстислава так заставляли делать наставники. Видимо, тренировали рассеянное внимание, чтобы он мог следить за происходящим вокруг него в бою. А с моим присутствием, как будто немного “вне”, эта выработанная способность еще и усилилась.

— Восемьсот, — добил свою серию Илья и тут же, без паузы, начал глубоко приседать и высоко подпрыгивать, при этом стараясь ударить коленими свою саблю, которую держал перед грудью. Даже не знаю, с чего начать. Получалось говорить у него плохо.

— По... уф, тому... что... ух... ты... наделал... уф... глупостей, — он перестал прыгать и сказал, — и я даже не знаю, с чего начать.

— Ну, например с того, что я не позвал тебя, — хмыкнул я. Намекая, что он просто завидует.

— А я бы с тобой и не пошел, — обескуражил он меня.

Я слегка опешил. но тут наш разговор прервал издевательский голос:

— А я бы с ним пошел, на лицо точь в точь, как девка.

Второй, еще более глумливый ему ответил. Говорили вроде как между собой, но так, чтобы мы с Ильей слышали.

Я обернулся. Они стояли у входа в тренировочный зал. Их было трое. Двое шутников, вроде с первого курса. И Родослав. Который тут же выступил вперед, и осклабился. Он очень старался, улыбка могла бы быть даже сойти за искреннюю, если бы не эти его пытливо прищуренные глаза.

— Перестаньте так говорить, господа, это друг моего брата, а я за него горой.

— Храбр, — тихо позвал меня Илья. — Не глупи. Со мной пошли.

И он, не торопясь, пошел к стойкам с оружием. Все оружие в зале было тренировочное и затупленное, но илья шел к древковому. Нет особой разницы, заточен ли двуручный топор, если им бьют тебе в лицо с размаху. Это лучше, чем тупая сабля. Разумно. Я двинулся к нему. Родослав, тоже двинулся вперед, заторопился:

— Илюшь, я как услышал, что вы тренируетесь, так подумал, а чего бы и не заглянуть. Я друга с собой привел. Может, научит тебя чему. Он неплохо умеет.

— Брючислав Авинович, — сказал он. Это тот, который глумливый. Но им он свое

произнес так, словно после него все должны упасть на колени и визжать в восторге. И смотрел на меня. Некоторые основания у него были — Авиновичи знатный род Великого Новгорода. В какой-то степени, они могут посоперничать даже с некоторыми Великими Князьями. Вот только в Великом Новгороде таких родов три. И они слишком заняты грызней между собой, чтобы соперничать еще с кем-то. И конечно же, помимо основной ветви, есть второстепенные. Я “сделал Милену” и спросил:

— Это те, которые из Долгой лужи? — выбрал я самое неблагозвучное из городков, принадлежащих второстепенным ветвям. Судя по вытянувшейся роже Брячислава, я угадал. Впрочем, удивлялся он не долго. Тут же набычился, глаза налились дурной злобой.

— Ну же Илюша, давай позабудемся!

— А можно я! — выступил вперед я. И сказал это с узнаваемыми интонациями Милены. Тьфу, блин, нахватался.

— Слушай, ты... — тихо начал было Родослав, но Брячислав его прервал.

— Да, давай. Выходи!

— Я вышел. Посередине зала была слегка приподнятая площадка, специально для тренировочных и показательных боев. По пути к ней я оглянулся. В зале никогда не было многолюдно и мы с Ильей часто тренировались в одиночестве. Но, обычно, всегда присутствовал либо стражник, либо слуги что-то делали или мыли. А сейчас никого. Странно.

Я с удивлением обнаружил, что Брячислав сбросил кафтан оставшись в свободной белой рубахе и уже вскочил на “ринг”.

— А оружие выбрать не хочешь? — прогудел Илья.

— Тупыми железяками бьются только лапотники и дети, — слегка завуалированно оскорбил нас Брячислав. Тут к нему подошел первый шутник и протянул сверток, который до этого держал за спиной. Не так уж и не видно его было. Я мысленно отвесил себе леща — надо быть внимательнее. Еще до того, как Брячислав развернул ткань, я уже понял, что у него в руках.

— Боевые сабли в Лицее запрещены, — сказал я очень холодно и спокойно. К счастью, на мой изменившийся тон никто не отреагировал. Вернее отреагировали — тупо заржали. Эти двое заржали, а Родослав уже знакомо мерзко захихикал.

— Три первых удара твои! — прямо таки ощерился, как кот на собаку, Брячислав.

Я не торопился. Мой противник оголил саблю, пафосно отбросив ножны в сторону. Клинок легкий, для поединков. Моя “жемчужница” грамм на двести тяжелее.

— Ты что присел. Да не бойсь, я ж говорю, первые три удара твои! — глумливо поощрил меня Брячислав. А я и в самом деле присел. Широко расставив ноги и глубоко, как будто подо мной стеклянный журнальный столик. Со стороны наверно выглядел максимально нелепо — зато так куда легче биться с вот таким вот “поединщиком”. Он подошел ко мне поближе и постучал своим клинком по моему железному тренировочному прутку. Сталь у его сабли хорошая, аж поёт. Я не шевелился, буквально превратившись в зрение. Только немного сдвигался, чтобы противник постоянно оставался строго впереди. Это бы насторожило любого человека с мозгами, даже не с очень большими навыками в фехтовании — слишком уж я явно и профессионально это делал. А Брячислав рисовался. Крутанул несколько раз саблю — идиотская привычка новичков, которая вырабатывается, когда разогреваешься перед тренировкой. Меня очень быстро научили, что пока ты кистью крутишь, в тебя могут дважды даже тяжелый меч воткнуть. разогревайся в стороне, когда

противник рядом — будь добр стоять в стойке, уже готовый. И без лишних движений.

Брячислав сделал быстрый выпад. Я даже не шелохнулся — слишком далеко. Можно бы было ударить его на отскоке, но я пока не решил, что с ним делать.

— Видели, даже не успел среагировать! — Брячислав распрямился во весь рост, развел руки в стороны и повернулся к зрителям. Илья осторожно подбирался к Родославу, небрежно держа в руках увесистый двуручный “клевец”, с наваренным на клюв железным шаром. Очень длинная ручка, а сам клевец размером как двухсотграммовый молоток, только с “клювом” — длинным и хищно изогнутым. Вообще таким предполагалось гридней бить — если уж совсем все просрано, потому что идея сомнительной эффективности. Но по живым людям такой душой попасть — просто жуткий эффект будет. А Илья этой штукой, тяжелой как кувалда, управлялся играючи.

Это я все отслеживал краем глаза. Я читал своего противника. И мысленно сказал ему спасибо и за то, что он показал во привычную стойку, когда ударил меня по клинку, и за то, что он показал свою максимальную скорость, когда хотел попугать. И за петушиный характер, не позволивший отнестись ко мне всерьез. Ведь он был старше и больше меня а руки длиннее. А еще у меня мордочка как у принцессы.

Я выпрямился, выходя из низкой стойки. Она не пригодится.

— Илья, помнишь ты удар коленом просил показать? — спросил я. — Смотри внимательно.

И я пошел в атаку. Я не знаю, сколько эта тройца наблюдала за нашими тренировками, но ничего нового я им показывать не собирался. Я выполнил ту же отработанную связку. Два удара слева и справа в голову и третий в опорную ногу. Не надо недооценивать этот прием. Если это будет обычный человек, я зарублю его первым же ударом. Даже хорошо подготовленный человек, год или два регулярно отрабатывающий сабельный бой, не успеет быстро поставить два бока — я слишком быстро бью. И, наконец, если человек действительно умеет обращаться с оружием и отразит первые два удара — то третий он попросту не заметит. Отбивая косые удары сверху ты закрываешь себе поле обзора переключаясь внимание на верхний уровень, и не замечаешь стремительный удар в ногу.

Брячислав хорошо тренирован, быстр от природы и талантлив в фехтовании. Он отбивает все три удара и переходит в атаку. Хлесткий, быстрый удар, словно обтекающий вражеский блок — и удар в висок. Смертельный. Мы называли такой удар “плевок”. Как будто поставить черточку карандашом за преградой. Я не ставлю блок — мне тяжело угнаться за скоростью Брячислава своей тяжелой арматуриной, я просто отклоняюсь назад в поясице и размахиваясь сильнее. И снова моя тройка. Слева, справа, нога. Брячислав пятится, выигрывая дистанцию, и отбивает все удары. Он обескуражен, что его коронный удар не достиг цели, но видя мою предсказуемость, расслабляется. Я снова бью. Та же тройка. Слева, вправо, нога. Брячислав готовится контратаковать, легко отбивает первые два удара, почти машинально подставляет клинок под третий, я изменяю траекторию движения своей арматуры, цепляю его саблю в “замок” и резким движением вырываю его из его рук. Он растерянно смотрит на то, как она улетает далеко в сторону.

— Смотри Илья, — одновременно с этим говорю я, швыряю этому мамкиному дуэлянту свой тренировочный прут. Он его машинально ловит. Я хватаю его за плечи, одновременно фиксируя тело и блокируя руки — они тут не дураки и в морду дать, и побороться, если без оружия остались — и буквально насаживаю его на удар коленом. Прямо хорошо получилось. Братислава подбрасывает на полметра строго вверх, и он взлетает с площадки для

поединков, роняя тренировочную саблю. Саблю я успел подхватить. Я резко оборачиваюсь к оставшимся двум. Родослав, сука, умный. Он молча разворачивается и бежит прочь. А вот шутник уже призывает фамильяра. Это здоровенная кобра. Впрочем, она не успевает сформироваться — с молодецким уханьем Илья выбивает из шутника дурь. И дух. И зубы. Хорошо хоть, что ударил не боевым навершием, а “пяткой” на боевом клевце на пятке бы тоже был шип, но на тренировочном надет кожаный чехол сантиметр толщиной — именно на такой случай, надо думать.

— Родослав! — кричу я. Зачем нам это мясо. Нам нужен главный герой. Но Илья и без меня знает, что делать — он уже кинулся за братцем в погоню. А я, наученный одним дымным колдуном, не стал торопиться. Подобрал саблю Брючислава. Проверил его самого — тот дышал, но очень экономно, по чуть-чуть. Кровь изо рта не шла, значит ребра не сломаны. Что странно. Точно бояре крепче обычных людей. Положил второго на бок, заложив руку под шею — чтобы не задохнулся кровью. Кажется нескольких зубов он и в самом деле лишился. И только после этого я кинулся вслед за Ильей.

Мы с Ильей побегали по Лицею от силы минут пять. Нас приняла стража в белых мундирах. Настроенная решительно и даже с мушкетами. И препроводила в местный обезьянник. Я и не знал, что тут такие есть. Мы конечно объяснили, что это на нас напали. Но Лицейские стрельцы молчали и отводили глаза. Вот тут я всерьез начал нервничать. Однако, уже минут через двадцать нас принял Канцлер. Лично.

То, что он не пришел в камеру, понятно — статус не тот. Но то, что нас привели в его кабинет, и даже не связывали, меня немного успокоило. А когда Канцлер взмахом руки отослал прочь стражу, и даже пригласил нас с Ильей сесть к его столу для чаепитий, я успокоился окончательно.

— Сударь Храбр, начинайте рассказывать, — велел Канцлер, наливая себе чай. Нам он не предложил. Все же, мы будем наказаны. но не очень сурово.

— Начать следует со вчерашней бани, — начал начинать я.

— Или даже с моего отъезда... — вмешался Илья.

— Вы не про свейские бани? — заинтересовался Канцлер. — Начинайте с них.

Я тяжело вздохнул.

— Вы не поверите, но мы там просто помылись. И прежде, чем я бы мог начать рассказывать интересное, к нам вломилась четверка темных личностей...

— Темных личностей, — хохотнул Илья. Он тоже успокоился. По крайней мере достаточно, чтобы его забавляли непривычные для его уха речевые обороты.

— Может сам расскажешь? — неожиданно выверился я.

— Тихо, — тихо, но веско, сказал Канцлер. — Храбр, продолжайте.

И я стал рассказывать события последних двух дней.

Глава, в которой, ровным счетом ничего не происходит.

Канцлер слушал внимательно, только изредка задавая уточняющие вопросы. А потом рассказал нам последствия наших действий, чем меня удивил. Он вел себя... Не так, как я ожидал от представителя сословного общества. Хотя, может быть как раз такое отношение к зависимым людям и характеризует представителя сословного общества?

— Господин Родослав сбежал. Насколько мы смогли выяснить, побег был подготовлен. Он выбрался за стены Лицея в повозке дровника, за стенами его уже ждали люди. Коней было много, похоже он предполагал уйти вместе со своими поделщиками.

— Он что, хотел убить Илью? — я искренне удивился.

— Несчастные случаи на потешных боях с боевым оружием случаются на удивление часто, — нейтрально ответил Канцлер. — Впрочем, Брячислав уверяет, что Родослав просил только о ранении. За это он обещал свою сестру. Довольно щедро.

— Врет, она с трех лет обещанна князю... — вскинулся Илья.

— Я тоже так думаю. И сказал об этом Брячиславу. У него сломаны ребра и если бы не умения, — Канцлер едва заметно улыбнулся. — Старца Григория, боюсь это вы бы стали убийцей, Храбр.

— А второй? — заинтересовался Илья.

— Забрала родня, у него есть тут поблизости. Не считая достоинства, его урон составил два выбитых и семь поврежденных зубов. Но вы нажили себе врагов. Разумеется, они оба исключены. Брячислав будет выставлен за ворота, как только поправится. А вы, разумеется, тоже будете наказаны. Страшным наказанием, оставшемся еще с зари основания Лицея. Отправляю вас в пехоту. Сроком на год. Свободны.

И канцлер демонстративно отвернулся.

— Подождите, — сказал я. — Но почему?

— Что почему? — снова посмотрел на меня Канцлер.

— Почему именно сейчас? — спросил я. — Зачем Родослав решился на такое грубое... нападение?

— Думаю, это как-то связано с семейными делами господина Ильи, — Канцлер кинул пытливый взгляд на Муромского. — Кроме того, ходят слухи о начале войны, в который будет втянут Великий Устюг.

— А это как Илья касается? — удивился я.

— Это касается Лицея. По традиции, если городское вече объявляет поход, Лицей в нем участвует. И старший курс, в том числе. Возможно, Родослав не захотел идти на войну...

— Трусливый... — Илья не сдержался, хорошо хоть смог не выругаться при Канцлере.

— Да, это странно от боярина, бежать от боя, — кивнул Канцлер. Он спокойно попивал чай и беседовал с нами, как будто мы были ему ровня. Возможно, это был его способ справиться с волнением. Никаких других признаков я не заметил. Повинуясь интуиции, я спросил:

— Вас беспокоит эта война?

— Хм... Да, сударь Храбр, беспокоит. Я выясняю подробности, но пока в ней слишком много странного.

— Не хотите рассказать? — заинтересовался я.

— Пока рассказывать особо нечего. Из-за уральских гор пришло новое племя. Это не в первый раз. Разрушили несколько поселений и торговых постов. И такое бывает. Взяли в осаду укрепление, формально принадлежащее Великому Устюгу. Скорее, союзники, чем владение. И те попросили помощи. Однако, это уже странно — дикарям трудно вести осаду, у них ведь нет надежного тыла, откуда можно снабжать армию. Такое может организовать только выдающийся лидер. А это большая редкость. По обе стороны уральских гор. Бояре Великого Устюга жаждут крови. Впрочем, крови они как раз не особо жаждут. Они рассчитывают на легкую победу, добычу и славу. Хотя, последняя большая война с племенами мороза кончилась тридцать лет назад. И, насколько я помню, все равно пришлось мириться. Но люди, конечно же, сейчас рассказывают истории о том, как убивали снеговиков сотнями.

— Недооценка противника, это первый шаг на пути к поражению, — веско сказал Илья.

— Мудрые слова, — уважительно кивнул ему Канцлер. — Я их запомню. Вы меня удивили, господин Муромский. Кажется, я недооценил вас.

Канцлер улыбнулся. А потом обратился ко мне:

— Что касается вас, Храбр, то это может быть для вас скверной новостью. В случае участия Лицея в походе, часть преподавателей будет вынуждена его покинуть. И, следуя традиции, перед этим мы проведем экзамены у первого курса. Как вы понимаете, может оказаться что у вас нет еще нескольких месяцев.

Илья тактично промолчал. Про опасения Канцлера и остальных, что у меня не будет фамильяра, он был в курсе.

Мы еще немного посидели, но судя по тому, что чая нам Канцлер так и не предложил, на долгую беседу он все же не рассчитывал. Поэтому обменявшись парой любезностей мы покинули его кабинет.

— Наказание смешное. Никакое, — поделился очередной мудростью Илья. — Он нас простил. Просто для порядка надо было все же наказать.

Я молча кивнул.

Следующие пара недель прошли на удивление спокойно. Если не считать появления Ибн Хальдуна.

Старый волшебник явился ночью в комнату девушек — его “лампа” хранилась у них. И сначала их перепугал. Впрочем, он тут же исправился, подарив их фруктами и безделушками.

А на следующий день, Милена отозвала нас в сторону и погрела лампу Ибн Хальдуна в ладонках.

Дымный волшебник соткался из воздуха рядом с лампой, казалось, что он как будто вытекает из неё. Лицо у него было подозрительно довольное.

Он смог улизнуть всего на несколько минут, но успел рассказать, что владыка джиннов рвет и мечет, и стояние на коленях затянулось дольше обычного, поэтому он и не появлялся раньше. И что его наложницу, которую я шмякнул об пол, теперь отправляют домой. Осквернена ведь прикосновением злодея. Владыку бесит сам факт проникновения в сераль. Слухи уже приписывают неизвестному злоумышленнику — то есть мне — удивительные заслуги в порче “имущества” уважаемого Шаззуасфи. В одно рыло полтысячи красавиц перепортил. Я высказался в том духе, что мне конечно даже приятно, и спорить я не буду, но немного обидно за пренебрежение к моим компаньонам. Джинны действительно женщины ни во что не ставят. Могли бы хотя бы по полсотне и Милене с Лизаветой выдать.

Милена на это не нашлась, что сказать, а Лизавета меня, неожиданно горячо поддержала.

Ах да. Злата окуклилась. Я устал таскаться с ней везде, и все чаще оставлял её одну в шкапулке. Она выбралась из неё, прогрызла тумбочку, добралась до золота, умудрилась раскрошить браслет и монеты Ибн Хальдуна в мелкую пыль, перемешала с опилками, устроила гнездо и покрылась скорлупой. Я застал её уже в виде здорового золотого яйца. Оставалось только смириться и ждать, что будет дальше.

Слова Канцлера про войну, стали уже забываться, когда они напомнили о себе звуком труб. Однажды утром, в Лицей въехали пышно наряженные всадники. Самые уважаемые горожане. Они спешили еще до того, как въехали на центральную площадь. Развернули знамя, трижды продудели в горны — действие было сильно ритуализированное.

Канцлер вышел навстречу, поклонился им, они ему, и так три раза. Потом несколько, самых пышных персоны, проследовали за Канцлером внутрь.

Мы, с остальными учениками, конечно же наблюдали за всем этим.

— Пришли звать Лицей в поход, — сказал Сергей, поправив очки. — Я читал описание обряда. — Хорошо хоть, нас это не коснётся.

Я шурился на разодетые в парчу, бархат и шелк фигурки. Они могли бы быть умильной картинкой с иллюстрации к русской сказки, но впечатление портило оружие, которого на них было слишком уж много. Что-то подсказывало мне, что эта война в новом мире не обойдет меня стороной.

Глава в которой главный герой показывает свое опухшее яйцо и все изумляются.

День начался с переполоха. В наш корпус нагрянул Канцлер с инспекцией. В качестве группы поддержки и сопровождения выступала госпожа Софья и старец Григорий. За последние несколько недель он слегка оправился, и теперь ходил, опираясь на странно изогнутый посох, больше напоминавший костыль. Волосы у него потемнели лишь частично — широкие белые полосы в бороде и волосах делали его похожим на человека в возрасте, который наконец-то смог начать самовыражаться через внешность.

Проверка началась с дальней стороны. Так, чтобы а нам с Ильей зайти в последнюю очередь. Учитывая, что в корпусе остался только Тамила и Сергей, живущие в отдельных комнатах, это не заняло много времени.

К нам пару раз, с выпученными глазами, забегали стражники и полная тетка в шикарном платке, которая оказывается была ответственна тут за чистоту. Никогда её до этого не видел.

Они охали, видя нашу комнату и нечленораздельно мычали, и убегали.

Наконец, появился Канцлер. Эскортными миноносцами перед ним высыпали его клерки и кинулись все стороны, проверять мебель. Впрочем, довольно быстро они все замерли, разглядывая мою тумбочку. Некогда солидная, добротная, сделанная на века, сейчас она была похожа на руины Рейхстага, которые кто-то основательно погрыз.

Канцлер приблизился к ней и процедил, с невозмутимым лицом:

— Полагаю, это ваше, сударь Храбр.

— Да, — не стал отпираться я. Поскольку ничего другого он не спрашивал, то я ничего объяснять и не посчитал нужным. Канцлер протянул руку, разгреб щепки хлам, перемешанный с кусочками бронзовых деталей от тумбы и золотые чешуйки, обнажив бок золотого яйца. Оно за прошедшее время слегка увеличилось в размере. Ну как, слегка. Сейчас яичко феечки было размером с подушку. С маленькую подушку.

Канцлер не стал прикасаться к сияющей золотом скорлупе, а просто коротко сказал мне:

— Возьмите это и следуйте за мной.

Я подчинился. Не думаю, что старик замыслил недоброе — иначе действовал бы по другому.

Я с кряхтением взвалил на себя яйцо. Весило оно килограмм тридцать. Не помню, чтобы у меня столько золота было. К счастью, бывалый Илья тут же соорудил мне из ремня и одеяла конструкцию, отдаленно напоминающую рюкзак-переноску для детей на груди. Я отправился вслед за Канцлером терпеливо ожидающим меня внизу. Мы молча шли по такому знакомому маршруту. Похоже, нашей конечной точкой был его кабинет.

— Вам следовало рассказать мне об этом раньше. Неприемлемо, что я узнаю о таких вещах от прислуги, — сухо бросил Канцлер. Эта была единственная фраза, которой он меня удостоил. Я понял, что он в ярости. Это объясняло и настороженное молчание Софьи и Григория. А еще, господин Махаэль, впервые на моей памяти, опустил обращение по имени-титулу.

Мы неожиданно свернули и прошли мимо могучей двери, предусмотрительно открытой стражниками. Эти были из “старичков” — бородатые, небрежные с оружием. Держатся строго, но не раболепно. Я помню эту дверь, она всегда была закрыта. За ней, сразу из разукрашенного центрального крыла, начиналась широкая лестница из грубого камня. На стенах, из украшений, только факелы в железных держателях.

Мы прошли уровня три, опустились вниз уровня на три. По моим ощущениям, уже находились метрах в двадцати под землей. Я устал, ноги начали подрагивать. Меня немного утешало, что бледный и пыхтящий Григорий выглядел явно не намного лучше меня. Но я уже готов был сдаться, и попросить о передышке, как мы наконец свернули с лестницы в коридор. И, о счастье, он был короткий. За ее одной толстой, хоть и небольшой, охраняемой дверью, скрывалась комната в середине которой было... Гнездо.

Большая кадка, размером с полбочки, внутри уголь, опилки, малахитовая руда и золотые монеты.

Внутри комнаты вошли только я и педагоги.

— Кладите это сюда.

Я нутром почувствовал, что моему яйцу это лежбище пойдет на пользу. Поэтому, с открывшемся вторым дыханием, полез в кадку. Пока я устраивал свое яйцо поудобнее, стараясь ей разместить поглубже внутри кучи, Канцлер и остальные, бесстыдно обсуждали его вполголоса.

— Хорошо, что вы не стали брать с собой Велимудра, — немного напряженным тоном сказала Софья. — Боюсь он бы не удержался и попытался вскрыть... это.

— Я и сам, признаться, едва сдерживаюсь, — непривычно веселым голосом ответил ей Канцлер.

— Вы только посмотрите на этот размер! — со страстным придыханием вдруг сказал Григорий. Хотя, может, он просто после забега по лестнице еще не отдышался.

— Скорее всего это из-за ветров эфира, что пронизывают Лицей, — задумчиво сказала Софья. — Вспомните, болотники в природе трансмутируют месяцами, иногда годами. В наших подземельях это занимает у них несколько дней.

— Мы очень мало знаем о таких созданиях, — задумчиво ответил Канцлер и повысил голос. — Сударь Храбр, скажите, когда вы... кхм... когда произошло появление этого предмета...

— Златы, — буркнул я. Обидно что-то за феечку, нечего её предметом называть.

— Златы, — легко согласился Канцлер. — Так вот, не думали ли вы, кхм... о способах размножения?

Я задумчиво посмотрел на него. Потом перевел взгляд на Софью. Она снова была в толстом шерстяном форменном кафтане, который по прежнему не мог скрыть невероятные объемы её бюста. Именно о нем я и думал. Я тяжело сглотнул.

— Храбр? — Софья назвала меня по имени с какой-то игривой хрипотцой, словно подтрунивая. Я с трудом перевел взгляд выше. Её глаза светились лукавым весельем. Поддразнивает и наслаждается моим смущением.

— Думал о фигуре госпожи Софьи, — выпалил я, и прикусил язык. Хотя, хорошо получилось, нейтрально. В принципе, правда, хоть и облагороженная до почти лжи. Теперь пришла очередь для госпожи Софьи мило смущаться. По её щекам разлился румянец, а руками она словно хотела прикрыть грудь, но вовремя остановила движение кистями.

— Хм... — Канцлер и Григорий синхронно хмыкнули и глубокомысленно посмотрели

на грудь госпожи Софьи. Та окончательно смутилась, опустив голову. Но тут же горделиво её вскинув. И заявила, демонстративно не обращая внимания на старцев.

— Это ничего не объясняет!

— Вы правы, — тоже перевел на меня взгляд Канцлер. Григорий последовал его примеру с заметным опозданием. — Придется просто вести наблюдения и ожидать результатов. Вы устроили свою... Злату достаточно удобно, сударь Храбр?

Я еще немного повозился в гнезде, прежде чем решил, что оно достаточно удобно для моего яйца. Вылез из кадки. Буркнул:

— Еды сюда принесите, она как проснется, голодная будет.

— Скорее всего, сударь Храбр, она будет не одна. Это естественный закон природы, созданные существа, сразу после своего появления, стараются размножиться. А мы постараемся ей в этом помочь. Не переживайте, насчет еды я распоряжусь, — Канцлер положил мне руку на плечо и вывел из комнаты. Однако, по лестнице мы пошли не на верх, а вниз.

— Вы меня что, в узилище ведете? — спросил я, шутя. И не шутя насторожился.

— Нет, — спокойно ответил канцлер, и убрал с моего плеча руку. — Сударь Храбр, полагаю вы в курсе о происходящих за стенами нашего Лицея событиях? Связанные с войной. Но это еще не все. У меня есть основания полагать, что некие люди обратили пристальное внимание на наш Лицей. И мне не ясно, с какими целями... Впрочем, это сейчас не так важно. Важно то, что через месяц начнутся экзамены. Досрочные. Это пожелание Царя. Такое случалось раньше, и все условности уже соблюдены, отказать я не могу. То есть у вас, сударь Храбр, нет впереди еще нескольких месяцев спокойной жизни. Уже через месяц вы должны будете предъявить своего фамильяра. Или покинуть Лицей. Старец Григорий посвятил меня в некоторые детали вашего прошлого и я взял на себя смелость предположить, что вам некуда идти. К счастью, у старца Григория есть план.

— А есть план еще у кого-нибудь, кроме старца Григория? — хмуро спросил я.

— Да, я согласен, для декана старец Григорий слишком склонен к импульсивным решениям. К счастью для вас, в этот раз он поделился своей задумкой с руководящим составом Лицея и мы помогли сгладить некоторые острые углы.

— На куски точно не разорвет, — “успокаивающе” прорычал Распутин позади меня. — А остальное я залечу, не бойсь Мст... Храбр.

— Опасность сведена к минимуму, — проворковала Софья.

Они, все трое, выглядели подозрительно довольными.

— Вы на мне эксперимент задумали поставить, да? — осенило меня.

— Что такое “эксперимент”? — спросил Канцлер заводя меня в очередную охраняемую дверь. Она могла бы сойти за банковскую, из-за массивных засовов, только сделана была из деревянного бруса. И “штурвалов” у замков нет. Зато охраны рядом, человек двадцать. В этот раз “стариков” всего двое, остальные — молодежь. Нервничают.

Я вынужденно вошел внутрь — педагоги, как опытные гопники взяли меня в “коробочку” и деваться мне было некуда. Я услышал, как тяжелая дверь за мной со скрипом закрывается.

— Это сейчас уже не важно, — ответил я на вопрос Канцлера, про эксперимент. Потому что, едва войдя в это помещение, понял — именно его они и задумали. На мне. И мне совсем не понравилась многолучевая звезда на полу.

— Тащите его сюда! — радостно завопил Велимудр из угла. Он сидел в кресле,

настолько обложенным конторками и заваленный раскрытыми томами книг всевозможных размеров, что я его даже не сразу заметил. Сейчас старик вскочил, и засеменял к тому самому месту на полу. Со зловещей звездой.

— Быстрее, Храбр, у меня уже все готово. Вставайте вот сюда! — одетый по настоящему празднично, в расшитый серебряными звездами кафтан из черного бархата и со своей длинной, шикарной, благородной седой бородой, Велимудр как никогда был похож на сумасшедшего ученого. Я встал, как вкопанный. Но на мои плечи опустились железные руки Канцлера, и буквально понесли меня вперед.

— Ничего не бойтесь, мы будем рядом, — сказал Канцлер. Я не видел его лица, но готов поставить бочку медовухи — говоря эту фразу господин Махаэль предвкушающе улыбнулся.

Главный герой оказывается втянут в сомнительный эксперимент, который выходит из под контроля. Эта глава полна жизненной мудрости о том, что ничто и никогда не идет по плану.

— Я никуда не пойду, — я вывернулся из цепких рук Канцлера.

— Поймите, сударь, мы делаем это для вашего же блага, — чересчур уж пафосно воскликнула Софья.

— Вот всегда так говорят, когда что-то плохое хотят сделать! — ответил я ей.

— Вам ничего не угрожает! — веско сказал Канцлер. — Сударь Храбр, перестаньте дергаться и строго следуйте нашим указаниям!

Я деревянно двинулся на то место, на которое мне указывал Велимудр. На полу были геометрически правильные окружности и многоугольники, нарисованные белым мелом. Они причудливо пересекались и вписывались одна в другую, как орнамент. В углах и по окружностям вились надписи на русском “Не вылазь, убьёт”, “Кто переступит, тот дурак”. Мда, надо бы этим господам магам тоже на латынь переходить, а то пафос теряется.

— Череп демона! — заорал прямо мне в ухо Велимудр и потер меня штуковиной, похожей на череп чихуахуа с рожками. И тут же сел мне на уши. К счастью, в переносном смысле. Я так для себя понял, что Велимудр так со стрессом справляется, лектора включая.

— Значит главное, не показывать страх. Вообще ничего не бойся. К тебе притянет мелкого беса, способного менять обличья, мы его усмирим...

— Так, что вы затеяли?! — преодолел я, наконец, оцепенение.

— Начинается! Тишина! — зарычал Григорий и ударил посохом в пол.

— Почему начинается?! — грозно нахмурил брови Канцлер и заторопился на свое место — в свободный от надписей и линий углов пяточок в рисунке. — Я не давал команду!

— А я откуда знаю?! — окрылся Григорий. — К гадалке не ходи старец Велимудр начудил чегой-то.

Старец Велимудр уже занял свой уголок рисунка и выхватил две пузатые, стеклянные склянки с ребристыми боками, неприятно похожие на гранаты. И гаркнул в ответ на обвинения:

— Да пошел ты на хер, старец Григорий!

Хлобысь — все вокруг заволочло жирным туманом. Было похоже, как будто чернила пролились в воду. Только эти черные, жирные на вид и похожие на щупальца лоскуты, плавали в воздухе:

— Назови свое имя, демон! — прогрехотал командирским басом Канцлер. — И назови своего хозяина!

Черная маята стремительно истаивала и в просветах я увидел знакомое личико. Девка, которую я приложил об пол в башне джинов.

— Ора, — испуганно пискнула она. Бледнокожая красотка была замотана в полотенце, в руках зубная щетка. Местная зубная щётка. Тут они похожи на крохотный ершик. Большие глаза Оры стали еще больше, когда она увидела меня. Девушка подняла в изумлении густые брови, вытянула руку и ткнула в меня ершиком. — Ты?! Опять?! Да ты знаешь что из-за

тебя...

— Изыди, демон! — заорал Григорий.

Девушка или как она представилась, Ора, исчезла. В этот раз спецэффекты были круче. Позади неё как будто распахнулся гигантский кальмар, сотканный из тьмы. Чернильно-черные щупальца обвив её, как мне показалось, нарочито непристойным образом, утянули закричавшую в ужасе девушку внутрь себя. Через секунду сгусток тьмы с щупальцами пропал. Вместе с Орой. Она исчезла а я остался, и я оказался в скандале.

— Кто это был, должен же быть мелкий бес-перевертыш!

— Я знаю, что это должен быть перевертыш, я сам вам...

— Велимудр, ты его что, забыл потерять?

— Я потер!

— Плохо потер!

— Сама три!

— Может это по другому работает!

— Так, тишина, давайте снова! — заорал Канцлер. Никогда не видел его таким возбужденно-воодушевленным. — Софья держи второй контур наготове! Заякорить объект! Начали.

Кто-то успел мне сунуть в руки рогатый черепок.

— Приди демон из бесконечной тьмы! — нараспев начал Григорий. Очень церковно получилось. Правда, уже про бесконечную тьму он нормальным голосом договаривал. Потому что Ора уже материализовалась и испортила ему всё заклинание.

— Да почему опять она! — возмутилась Софья. — Сучка, ты чего сюда прыгаешь?

Злость госпожи декана, возможно, отчасти объяснялась тем, что теперь Ора была полностью обнажена — полотенце где-то потерялось. А ёршик остался зажат в кулачке, но теперь был беспросветно черным. Она смотрела на меня пустым, стеклянным взглядом.

— В этот раз я точно заякоро... корикил! — закричал Велимудр. — Вон у этого идиота в руках якорь! Что, опять я виноват?!

— Да что с тобой, демон?! — возмущенно взревел Григорий и стукнул посохом по полу.

— Я так преисполнилась... — начала отвечать Ора, не дав ему договорить...

— Зачем ты нам являешься?! — перебил её Канцлер.

— Вы сами меня вызываете, — недоуменно ответила она, и в её взгляд начала возвращаться осмысленность. — Только во тьму меня не изгоняйте! Как вы вообще это делаете?

— Явись в своем истинном облики! — заорал Григорий.

— Можно не надо? — пропищала Ора натужно, но её кожа уже пошла красными пятнами, пальцы удлинились, аккуратные ногти потемнели и удлинились, а суставы на ногах с влажным хрустом вывернулись назад. Её тоненький голосок стремительно садился, к концу фразы превратившись в хриплый рык — Я, когда превращаюсь в себя, всегда так злуюююсь... Гори!

Она сделала жест рукой, вернее — уже мускулистой красной лапой, с длинными треугольными когтями — как будто толкнула что-то от себя. Из её ладони вылетел самый натуральный огненный шар и полетел в Григория. Тот успел ловко прикрыться посохом, но это помогло слабо — огненный шар взорвался, окутывая Григория огнем.

— Ой батюшки, Гриша не гори, не гори, не гори, — запричитал Распутин. — Уходи огошечка, уходи-уходи.

Языки пламени опали с Григория вниз, вместе с кусками тлеющей одежды и тлеющими лохмотьями волос и бороды, собрались в постоянно уменьшающуюся огненную фигурку, которая грустно побрела прочь.

— А ну замри демон! — заорал Канцлер. Ора повернулась к нему, оскалила жутковатую пасть с сильно развитой мускулатурой и непомерными за губами клыками, прорычала: — Ты мне не господин!

И повторила жест, который, как я знал, кончается огненным шаром.

Канцлер хладнокровно извлек из воздуха пистолет и выстрелил Оре в голову. Очень быстро, кажется он нажал на спуск еще до того, как навел ствол. но Ора успела среагировать, отмахнувшись кулаком, с по-прежнему зажатой в ней зубной щеткой. Пуля ударила ее в запястье и вошла в кожу. Но не глубоко. Удар заставил Ору отшатнуться, но ей, похоже, это даже понравилось. Она игриво качнула бедрами, и снова занесла свободную лапу для своего выстрела. Канцлер вытянул из неоткуда второй пистолет.

— Замри! — заорал я.

Ора замерла. Сейчас она была какой угодно, но не хрупкой. Мощные копыта держали мускулистое, поджарое тело с длинным хвостом. Красная кожа, кажется, была покрыта чешуей. Рожа украшена проросшими на скулах и подбородке черными костяными выступами. А голову венчали шикарные и длинные, как у горного козла, только антрацитово-черные, рога. При некоторой фантазии за костяными выростами и оскаленной в бешеной ярости клыкастой пасти можно было разглядеть черты Оры в человеческом облике, когда она только появилась.

— Ну? И почему она его слушается, а меня нет?! — даже как-то обиженно пробурчал Канцлер, не торопясь убирать пистолет. Но и не стреляя.

— Так она ж его хозяином выбрала! — истерично взвизгнула Софья. — Меньше на сиськи пяльтесь, дурачье старое, а за происходящим следите!

Сиськи, кстати, у Оры сохранились даже в демоническом виде. Хотя, конечно, видоизменились. В соответствии со всем остальным нарастив объем и брутальность. Моё чувство прекрасного не царапали чешуйки и явно каменно-твердые, похожие на черные шипы, соски. В этих брутальных грудях была своя жестокая эстетика. Так и хотелось...

— Да это ж суккуб! Из высших! — заорал Григорий. — Нам всем п...

— Так, спермент не удался! — блеснул моей эрудицией Канцлер. — Сворачиваемся. И гоним демона во тьму!

— Нет! — заорал я. — Ора, отомри, но никого не убивай!

Все застыли в напряженном молчании. Ора заорала, задрав лицо к потолку. Кажется, у неё немного по другому челюсть устроена, не как у людей — пасть распахнулась этак градусов на сто двадцать. Таким хлебалом только тройные чизбургеры целиком глотать. Или мясо рвать — вон какие зубы. И, кажется, в два ряда. Я присел и закрыл уши руками — орала Ора очень неприятно, как сирена. Звук такой пронзительный, что аж в костях отдается.

Все стояли, слушали. Блин, она орет и орет, на одной ноте. Ей с такой дыхалкой бы подводным нырянием заниматься. Наконец Ора прооралась и с шумом втянула сквозь клыки воздух.

— А можешь снова человеком стать? — нахмурился Канцлер.

— Внемли мне демон! — подхватил идею Григорий. — Прими облик человеческий!

Ора начала медленно скукоживаться. Когти и костяные наросты втянулись с неприятным хлопанием, оставляя после себя кровоточащие раны. Которые, впрочем, тоже

закрылись. Ора снова превратилась в эффектную брюнетку, заплакала, и упала на колени посреди заклинательного узора. Вся в крови, взлохмаченная, стыдливо прикрывая грудь ручкой. Правда, задорно торчащие рожки на голове живо напоминали, что это только одна из её форм.

— Так, что мы сделали не так?! — нахмурил брови Канцлер.

— Должен был быть перевертыш, это самая легкая часть была. Привлекать сущность надо на похожее, или часть сущности, или к человеку кто коснулся его. Должно было перевертыша притянуть... Может череп не от него?

— Пойдите! — воскликнула Софья и посмотрела на меня с очень женской подозрительностью. — А не потерялся ли ты, Храбр, где-то о суккуба?

— Ну... — замялся я.

— Что? Где? Когда? — с оттенком восхищения завопил Григорий.

— Это все твоё воспитание! — ткнул в него Велимудр своей алхимической гранатой. Хорошо, хоть не бросил. — Развратник и извращенец! А еще декан!

— Да он не с моего факультета! — поспешил откреститься от меня Григорий. Выглядел он как бомж, чудом спасшийся из пожара, волосы местами обгорели почти до кожи, и сама кожа на руках и лице покраснела. Но за кинжал он хвататься не торопился, видимо было терпимо. А вот шикарный новый посох Распутина встречи с демоническим фаерболом не пережил. Григорий держал в руках две обугленные половинки, но, похоже, этого не замечал.

— Ответьте мне Храбр, при каких обстоятельствах вы умудрились... кхм... коснуться суккуба?!

— В спальне. Там было еще известные вам особы, и я бы не хотел наводить тень на их репутацию, — зачастил я, не желая ни в чем признаваться, но и не в силах промолчать.

— Я не желаю этого слушать! — взвизгнула Софья. С поправкой на децибелы, но что-то похожее на рев Оры в её голосе проскользнуло. Она развернулась, умудрившись даже спиной показать мне своё полное презрение и пошла прочь. Впрочем, аккуратно переступив через линии, чтобы не повредить. Я с немым изумлением посмотрел на её шикарную задницу. Да что я?! У нас вроде никаких договоренностей не было...

— Ладно Храбра, пока достаточно, замолчите, — кивнул Канцлер. — Теперь ты, демон, ответь мне! Ты можешь превратиться в... Ну, например, в белочку? Или свинью?

— Я суккуб, а не перевертыш! — в голос зарыдала Ора. — Я не свинья... Я могу...

— Знаем мы, что ты можешь! — строго сказал Григорий и потряс половинками посоха. — Это от правнучки подарок был! От любимой! Сто лет как померла, последняя память...

— Тишина! — рявкнул Канцлер. — Что делать будем?

Краем глаза я заметил, что Софья до двери не дошла, а остановилась и прислушалась.

— Согласно правилам, экзаменуемый должен доказать свою власть над фамильяром. Призвать, заставить выполнить несложное действие, и изгнать.

— Ну, можно её во тьму... — хмуро сказал Григорий.

— Не надо! — с искренним ужасом вскинулась Ора.

— Не пойдет. Слишком... неправдоподобно для фамильяра она во тьму изгоняется, — отмел предложение Канцлер. И перевел взгляд на Ору. — А ты исчезать можешь?

— Я суккуб, а не мерцающий, не могу! — к Оре, похоже, потихоньку возвращалось самообладание. Вдруг она начала ощупывать свои предплечья, проверила щиколотки. — Подождите! Оковы спали! Я могу! Я могу снова вернуться в эмпиреи!

С этими словами она растворилась в воздухе. Очень похоже на то, как исчезают фамильяры, кстати.

— Из круга?! — возмутился Григорий.

— Вот потому я и был всегда против! Демоны опасны и непредсказуемы! — закричал Велимудр, не выпуская из рук своих алхимических гранат, не выходя из круга, и вращаясь внутри него, как корабельная зенитная установка.

— Я вот не заметил, чтобы вы были сильно против, — ехидно сказал я. И бросил ему под ноги черепушку. Велимудр испуганно взвизгнул, но увидев что это, посмотрел на меня. Его глаза нехорошо прищурились.

— Тишина! И никаких драк! — рявкнул Канцлер. И добавил. — Ладно, давайте успокоимся и подумаем еще. Наверняка есть еще способ оставить создателя в стенах Лицея. Будет грустно, если Храбра убьют или похитят и будут пытаться, заставляя сделать золотое яйцо.

— А получатся будут полудушники, — хмуро кивнул Велимудр. И тут же включил лектора, поскольку смотрел на меня. — Насколько я разобрался в вопросе, ваша магия, сударь Храбр, очень зависит от вашего душевного состояния...

— А ты её позови, — перебил Велимудра Распутин. — Слышь, Храбр? Позови её тих по имени.

Все застыли, напряженно смотря на меня. Ну, не все. Софья тихонечко вернулась в круг.

— Эээмм, — немного растерялся я. А потом, дождавшись, когда Софья спрячется в “домик”, тихонько, почти шепотом, позвал. — Ора? Ора, иди сюда.

В густой тишине томительно текли секунды. Только потрескивал костерок в уголке...

— Это же мой рабочий дневник! — заорал Велимудр. Я присмотрелся. На раскрытой берестяной книге, среди тлеющих страниц, сидел грустный огонек. Ручки и ножки едва угадывались, но понурая спина, сотканная из сполохов огня, просматривалась хорошо.

— Пошел вон с моего дневника! — закричал Велимудр и по-бабьи подхватив подол своего одеяния кинулся на огонек. Тот был размером всего с большой палец и кинулся на утек, еще сильнее истончаясь. Григорий сорвался и побежал на перерез.

— Сюда Огошечка, сюда маленький! — Распутин схватил свечу и протянул её огоньку, пока Велимудр яростно топтал свой дневник, пытаясь погасить пламя. Огошечка отнесся к предложению Распутина с подозрением, но видно было, что выбора у него нет. Он запрыгнул на фитиль.

— Не бойсь, я тебя не обижу, — заявил ему Григорий, ласково улыбаясь. — Но, чур, уговор, и ты меня не жги!

— Он всегда так мог?! — спросил я изумленно у Канцлера, ткнув в Распутина со свечей пальцем.

— В момент смертельной опасности, сударь Храбр, мы, чародеи, можем действительно творить чудеса. Поэтому нас так опасно убивать, — Канцлер вышел из своего кружка, подошел ко мне, приобнял за плечи. — Обычно присмертные заклинания действительно сильны. Но, не всегда. Еще, как вы наверное помните, Лицей это место силы. Подозреваю также, что колдовать старец Григорий теперь год не сможет.

— Да через месяц восстановлюсь, — отмахнулся Распутин, очарованно разглядывая копошащегося в свечке Огошу. — Пустырника поплюю, отвар на крапиве...

— Может быть, вот только месяца у нас нет, — сокрушенно покачал головой Канцлер. — Экзамен будет уже недели через две. Вы не волнуйтесь Храбр, у меня есть для

вас запасной план. Полагаю, совершать побег вам не впервой...

Он мягко меня развернул и повел к двери. И замер. Я проследи за его взглядом, успев заметить как перед нами заканчивает проявляться Ора. Она была одета в дразнящее, облегающее красное платье, больше похожее на платок с тремя золотыми булавками в неожиданных местах, подкрашена, и недовольна. На рожках были надеты изящные колпачки, оканчивающиеся пушистыми красными помпончиками. Она поймала мой изумленный взгляд и сказала, капризно надув губки:

— Ну зачем ты меня опять вызвал? Я так давно не была дома! А у вас тут сыро и горелым воняет!

Глава в которой главный герой претерпевает удивительные приключения, которые оказываются для него вовсе не удивительными. Тем удивительнее, что его все же смогут удивить. Удивительное поджидает его там, где он меньше всего на него рассчитывает.

Я не хочу сказать ничего плохого о своих учителях. Они за меня переживают (особенно Софья) но из-за их расспросов меня и Оры. Обвинений Оры в очевидной принадлежности к демонам, а потом и очень вдумчивых увещаний меня, когда я сжалился отпустил Ору с допроса, я пропустил завтрак.

За последнее время я сильно вытянулся, окреп, нарастил мускулы и жилы, стал поджарый и подтянутый как монах Шаолиня — и все на казенном пайке. Питаться хорошо я привык, поэтому к началу уроков подходил грустный и злой.

Разумеется, беда не приходит одна.

Вместо того, чтобы залезть в “болвана” и развеяться, отрабатывая сокрушительные удары управляя огромным человекообразным боевым роботом, я снова увидел Канцлера.

Он не сделал и намека на то, что мы сегодня виделись. Господин Махаэль опять был при параде, в ярком белом мундире с обвесом, как у дембеля, только в золоте. И окружен немаленькой толпой свиты, рыл в двадцать. По Лицею ползли слухи, что к нам опять приехала какая-то делегация, но в свите Канцлера я никого незнакомого не заметил. Из деканов присутствовала только Софья. Она вышла вперед, почему-то посмотрела на меня, и проворковала:

— Сегодня у мужчин будут экзамен... Его часто называют “по военному делу”, но я бы сказала, что это будет испытание на мужественность. Принимать его буду я и господин Махаэль. Не бойтесь, если вы его не пройдете, вас не отчислят. Все будет гораздо хуже! Вы сами будете знать, что не прошли испытание!

Оборвав себя на этой пафосной ноте, она повернулась и пошла вниз по лестнице ведущей к учёным классам, покачивая бедрами. Канцлер и остальные потянулись за ней.

Наша невеликая мужская компания, в количестве четырех человек-первокурсников — меня, Ильи, Сергея и Томила, была приведена в тренировочный зал. Затем нам предложили выбрать оружие. Илья уже привычно вооружился дрынном, я немного посомневался, но остановился на привычной сабле. Сергей долго стоял и с подозрением поглядывал на Канцлера и Софью. Наконец, взял пыльный от долгого безделья кинжал из ведерка с кинжалами. Грубый, тупой, скорее заготовка, чем оружие. Сергей сунул его в карман с довольным видом. Томила опоясался саблей, долго выбирал полегче. Вооружился коротким копьём. Взял щит. Хороший выбор, на самом деле.

Наконец, мы были готовы.

Нас подвели к знакомой дверце за ширмой и торжественно отворили.

— Мы будем ждать вас у входа, — торжественно объявил Канцлер. — Что бы вы не встретили на пути, помните, ваша задача пройти дальше. Трусость, остановка, отвлечение от пути будет означать провал.

Мы с Ильей переглянулись, Сергей же выглядел искренне испуганным. Странно, мне казалось, что он когда пугается, выглядит скорее заторможенным и сонным. Томила

сосредоточенно кивнул и нырнул в темноту за дверь. Через минуту вернулся, забрал у нас одну из ламп, которые мы как раз зажигали, и снова пошел в темноту.

Мы зажгли свои лампы и пошли за ним. Светлый прямоугольник двери становился все меньше, и мне становилось все тревожней. Впереди раздался душераздирающий вопль. Мы ускорили шаг и вскоре обнаружили трясущегося от ужаса Томила, отползающего к выходу спиной вперед, как краб. А над ним навис скелет, угрожающе размахивая саблей. Прямо очень угрожающе, даже пару раз рубанул по щиту, которым Томила от него прикрывался.

Сергей вырвался вперед, подбежал к умертвию и деловито ткнул его своим кинжальчиком. Трупак исчез в знакомом хлопке. Томила перестал орать и еще несколько секунд тяжело дышал. А потом начал грязно ругаться.

— Орешь, как дура деревенская, мышь увидевшая! — с презрением сказал ему Илья.

— Нет, ну ладно тебе. Страшно же! — встал на защиту Томилы Сергей. — Пусть поорет. Ему полезно, а то ходит, молчит, на всех волком смотрит.

Я нашел копые, видимо выровненное Томилой от неожиданной встречи, и протянул ему. Тот вцепился в древко так, словно его прямо сейчас скелеты во тьму тащили, и это было единственная возможность удержаться. Среди ругани слышались вопросы. Он то ли благодарил Сергея за помощь, то ли ругался на него, то ли спрашивал, почему тот не испугался.

— Да не, я тоже испугался. Но ты же боярин. Страх надо преодолевать. Вот, помню, как-то выскочил на меня Кашей Бессмертный... — начало истории у Сергея было хорошее, но конец он смазал коротким испуганным вскриком. В круг света его лампы вступил еще один мертвец и картинно занес над своим черепом меч в неторопливом замахе. — Аааа!

Пришлось нам с Ильей выдвигаться. Попадать под удар меча Сергею не хотелось, поэтому он юркнул к нам за спины. С очередным аниматором мы расплавились быстро. И двинулись дальше. Томила обмяк и еле передвигал ноги, испуганно вглядываясь в темноту. Если бы он шевелился чуть быстрее, мы бы прошли отрезок с мертвецами за пару минут. Но, и так, не особенно задержались. Выйдя к знакомому обрыву, с удивлением обнаружили там нашу веревку, до сих пор привязанную к сталагмиту.

Илья размашисто бросил в темноту свой дрын, прислушался к звяканью. Потом взял в одну руку веревку, в другую лампу и зашагал вниз по бревнам своими длинными ногами, пропуская веревку в кулаке. Легко сошел. Последнее бревно и вовсе перепрыгнул, выпустив веревку. За ним отправился я. Мне было чуть труднее, но росту и скорости хватило — только сабля мешала, била по бедру. Эх, надо было тоже её бросить. Даже если вниз ухнет, невелика потеря, больше уже не пригодится. Я перепрыгнул последнее бревно, но едва не свалился вниз — Илья поймал.

Сергей проделал наш путь куда менее ловко, но тоже справился. Остался только Томила. Он бросил в нас копьем и щитом. Ну, не прямо в нас, а к нам, на выступ. Оба раза промахнулся — его оружие кануло в темноте.

Потом долго орал, выпрашивая подробности нашего спуска. Покидал камни, проверяя подозрительные бревна на прочность. Покидал камни в низ, проверяя глубину пропасти. Покидал в нас обвинения, что мы его одного оставили. Только после этого Томила полез сам.

— Осторожно, последняя ступень скользкая! — запоздало предупредил его Сергей. Мы с Ильёй промолчали. Томила кивнул и двинулся вниз, перепрыгивая с бревнышка на бревнышка. Получалось это у него на удивление хорошо, но к концу спуска он сбился и

начал терять равновесие. Поэтому, перепрыгнуть последнее бревнышко не решился, или побоялся. И опустил на него ногу. И тут же соскользнул вниз. Но не упал, с обезьяньей ловкостью умудрившись обхватить бревно. Сначала руками, потом ногами. Я понял, как же нелепо и беспомощно выглядел, когда был на его месте. Покряхтывая, поругиваясь, поболтавшись как пакет на ветке, в конце концов Томила все таки вполз на бревно, смог оттолкнуться от него ногами по направлению к нам. Долетел только руками, но вцепился в камень буквально когтями, удержался, вися на краю, умудрившись не сорваться. Могучая воля к жизни у человека, я даже проникся. Мы вытащили его, отряхнули, и двинулись дальше.

— И долго нам идти! — нервничал Томила. Сергей по-отечески похлопал его по спине:

— Сколько надо, столько и идти. Ты не переживай. Вот, помню, мы с Канцлером как-то в Блядоград забрели... — Томила охнул.

— Так вы что, правда там были?

— Нам рассказывать нельзя, — недовольно прогудел Илья. — Особенно про игрища с девками! Помните, тех, голых? Ну, когда их еще особенно много было? Вот про тех точно нельзя!

— Расскажите, а? — попросил Томила, впервые за все время нашего знакомства с нормальными, человеческими интонациями.

— Ну, в общем дело как было? А дело так было! Приходит как-то раз, ко мне в библиотеку, Канцлер. И говорит, — начал было Сергей, но Томила приложил палец к губам. Даже выдвинулся чуть вперед, внимательно всматриваясь в темноту.

— Я слышу что-то впереди! — сообщил он нам.

— Что? — с интересом спросил Илья.

— Голоса, — напряженно ответил Томила.

— Ну пошли, поболтаем, — Илья перехватил свой дрын поудобнее и уверенно пошел вперед.

— Вот он вообще ничего не боится, — доверительно сообщил я Томиле, показывая в спину Илье. — Хотя Кащеев и вообще мертвяков, больше Серый покоить любит, хлебом не корми, дай с утра с чем-то неживым подраться...

— Вот помню... — начал было Сергей и Томила повернул к нему бледное изумленное лицо. Сергей замолчал, явно лихорадочно перебирая, что там у него еще “вот было”.

— Серый, некогда сейчас, потом расскажешь, — выручил я очкарика.

Вскоре мы вышли к той самой затянутому ряской озерцу, так похожему на лесную поляну. В этот раз настречу доносились только мягкие рулады, выводимыми подчеркнута женскими голосами. Слов и особой мелодии в них не было. Но звучало приятно. Для фоновой музыки пойдет. Мы построились линией и сурово бросились навстречу известной опасности. Томила, отчаянный храбрец, двинулся в одном строю с нами. Только вот мы далеко от входа не отходили. А он устремился вперед, не замечая, что мы приотстали. Щурясь от слишком яркого после темени подземелий света, и настороженно присматриваясь к поющим болотникам, мы забыли про Томилу. А вот он, похоже, проморгался раньше всех. И двинулся вперед еще уверенней.

— Томила, стой! — запоздала крикнул Илья. — Ближе не подходи!

— Почему, — Томила не обернулся, но даже по голосу было слышно, что он глупо улыбается. Одна из болотников выбралась далеко от своей лужи, взобравшись на камень прямо перед Томилой. И сразу зашла с козырей — никаких жаб. Морок был просто

дистиллированный секс — голые груди, ягодицы, манящие глаза. Все это в единую картину не складывалось и должно бы насторожить. Мы втроем синхронно прикрылись своим оружием, как от ветра, рассеивая морок. А Томила, томно пуская слюни приблизился к болотнице и протянул руку. Та прижала его руку к своей груди, потянулась навстречу, и вцепилось парнишке в лицо. Поцелуем.

— Пропал парень, — с искренней жалостью сказал Илья.

— Что-то ты не сильно его спасать рвался, — ехидно отметил я.

— Толстого "принца" нигде не видно. А ну как в засаде? — хмуро ответил Илья. Это правда, я и сам нервно оглядывался вокруг. Этот жирный жаб опасен, особенно в засаде. Еще вдруг как выскочит, как засадит. А такое ранение кинжал Григория не лечит...

— Там кто-то есть! — пальцем показал на противоположный "берег" Сергей.

— Эй, кто там?! Выходи! — заорал Илья, поудобнее перехватывая свою дубину в виде алебарды. Я тоже приготовил свою. Которая в виде сабли. Из-за скального выступа появилась фигура в белом мундире и двинулась к нам.

— Опустите оружие, — ответила фигура голосом Канцлера. Мы снова отдали нелепый салют, просматривая на него сквозь железо. Да, точно Канцлер. Он довольно ловко попрыгал по камням к нам, отогнав суровым "нет", сунувшуюся было к нему болотницу. Выглядел он при этом не солидно. Но наше внимание куда сильнее привлекало происходящее с Томилой.

— Это просто ужасно, я не могу на это смотреть, — неожиданно расчувствовался Сергей и отвернулся. А вот Илья бесчувственно загыгикал. Томила тоже совсем не скучал. Но из-за разности во взглядах — он смотрел на происходящее обдолбанный магическими феромонами и в мороке, а я со стороны смотрел на жабоподобных тварей и его голую задницу — мы видели происходящее по-разному.

— Эй, что это она задумала?! — вскинулся Илья после нового маневра болотницы. — Откусит же! Томила, вынь, дурак!

— Не откусит, — отмахнулся приблизившийся Канцлер. — Я им только что внушение сделал. Сдается мне, сударь Храбр, что вы тут уже бывали! — вот что за человек. Только появился и тут же выдвинул против меня надуманные обвинения.

— Вы бы лучше за своими старшекурсниками присматривали! — внезапно вспыхнул всегда робкий при начальстве Сергей. Он поправил очки и продолжил, громкими и тонким от напряжения голосом. — Они заманили сюда девушку! Вы понимаете, что это значит?! Отдали её на растерзание этим тварям!

Канцлер задумчиво посмотрел на Томилу. Тот не выглядел сильно раздосадованным растерзанием.

— Она ходила сюда с десятков раз... Вы... Вы... — Сергей, кажется, исчерпал свой запас писанных в книгах слов и готовился перейти на неписанные выражения.

— Я понял, достаточно, — властно перебил его Канцлер. — Как её зовут? Отвечайте!

— Людмила, — нехотя сказали мы хором.

— Пусть зайдет ко мне, я смогу ей помочь избавиться от последствий наваждения, — велел Канцлер.

— И всё? — рвался в бой Сергей. — И вы это так оставите?

— Конечно нет. Я убью подонка, который это устроил. Я полагаю, это был Родомир, — задумчиво ответил Канцлер. — Хорошо, что он сбежал из Лицея.

— А я думал вы про того, кто посадил сюда болотников, — немного наигранно

удивился я. Канцлер обернулся ко мне. Не могу сказать, что вскинулся, но подначивать его сразу расхотелось.

— Поймите, сударь... Вы все, судари, поймите. Самые опасные, что могут встретиться вам из магических созданий, умеют притворяться. Наводить морок, очаровывать, запутывать в наваждениях. По большей части, именно этим они и опасны. И болотники среди них одни из самых беззубых. К тому же, я лично контролирую процесс. Только так вы сможете быть готовыми...

— Может, кстати, его остановить? Процесс? — я поморщился от счастливых стонов Томилы. Он даже тихий голос Канцлера начал заглушать. Но Канцлер отрицательно покачал головой:

— Это пойдет ему на пользу. Большую часть он забудет, но будет помнить достаточно, чтобы всегда оставаться на чеку. Внутри него постоянно будет сидеть, как заноза, понимание, что за мороком всегда скрывается... Опасность, скажем так. Это как единожды обжегшийся человек...

— Всю жизнь ходит с ожогами? — предположил я. Канцлер назмурился. А потом раздраженно отмахнулся от меня рукой. Сказал, немного капризно:

— Так, достаточно. Продолжайте путь. Он вам, полагаю, известен. Мы продолжили путь. Попрыгали по камням. Болотницы на нас не обратили внимание.

— Это Краковские были, — все же сказал Канцлеру Сергей. Но господин Махаэль нас уж не слушал, короткими приказами отгоняя болотниц от Томилы. Те, хоть и неохотно, но отползали. Мы молча дошли до лестницы и стали подниматься по ней. Только на середине Илья задумчиво сказал:

— А “принца”, похоже, нет больше. В живых.

— Туда ему и дорога, — злобно фыркнул Сергей. — Давай, пожалей его.

— Да нет, я наоборот... — буркнул Илья и замолчал.

Уставшие, потные, замученные, мы вывалились в тренировочный зал из потайной двери. И застыли, не только ослепленные светом — хоть тут его было побольше, чем от наших ламп — сколько оглушенные шумом. Приветственными криками, в основном.

Трибуны, бывшие в прошлый раз пустыми, теперь были заполнены. По большей части на лавках сидели лицензиаты старших курсов, но попадались и богато одетые дядьки и тетки. Два из трёх стульев с высокими спинками, так похожие на троны, примеченные мной в прошлый раз, были заняты. И вот тут я впервые удивился, за все время этого “удивительного испытания”. Так назвала наш поход Софья, которая уже стояла рядом толкала речь и протягивала руку в нашу сторону, как конферансье.

Удивило меня даже не Бабушка Марфа, сидевшая справа от пустого центрального места, видимо оставленного для Канцлера. Хотя то, что она здесь, неожиданно. Удивила меня женщина сидящая слева. Госпожа Ядвига. Моя мачеха.

Это конец первой части. Антракт, перед тем, как начнут залпами стрелять сюжетные ружья, столь заботливо перевешиваемые в предыдущих частях, персонажи пойдут в бой чтобы умереть или измениться, а главный герой обнаружит себя пешкой на игровой доске безжалостной игры интриганов, чьи лица он никогда не видел.

Разумеется, он станет ферзем (хотя, с его внешностью, есть опасность оказаться королевой), а может даже, кто знает, и перевернёт игральную доску чтобы начать свою игру.

Нет ничего более гнусного чем обрывать книгу на этом месте — поэтому я ожидаю гневных требований продолжения в комментариях. Ведь нет ничего приятнее, чем интерес к твоему творчеству. Это очень мотивирует.

А я, тем временем, буду гнусно хихикать и писать новую книгу.

Больше книг на сайте - Knigoed.net